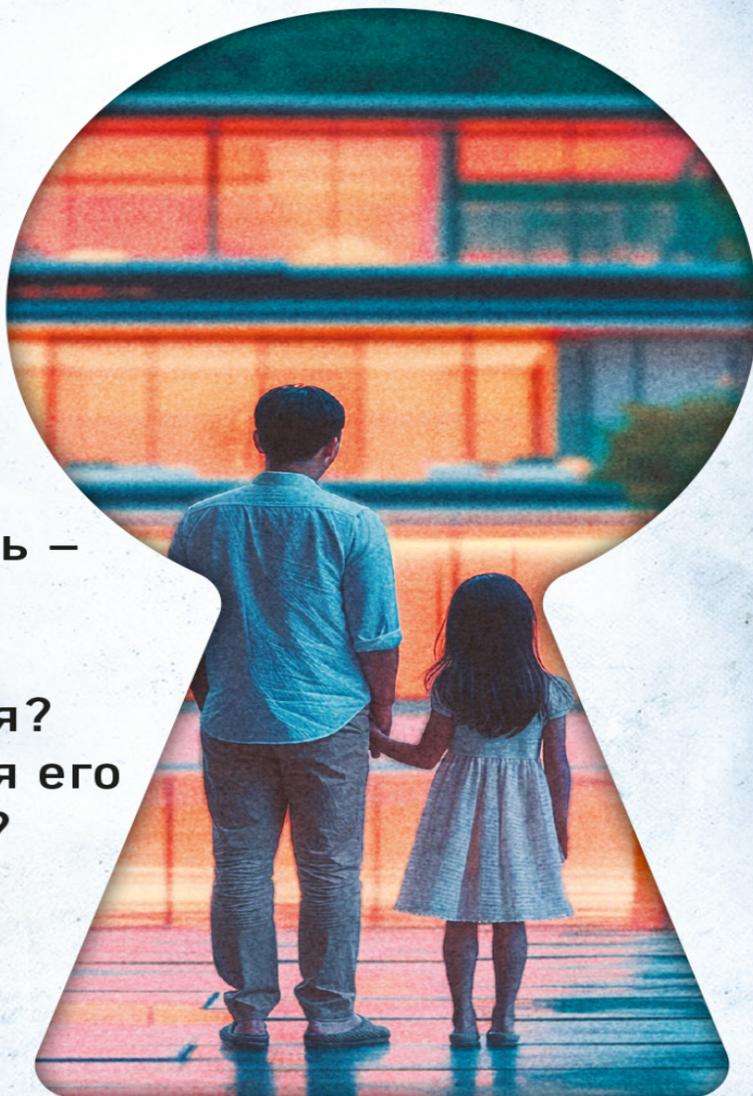

INSPIRIA

ЧОН ХЭЁН

Похититель –
мой отец?
А я?
Кто тогда я?
И почему я его
не помню?

ДЕНЬ
ПОХИЩЕНИЯ

INSPIRIA

Annotation

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ЮЖНОЙ КОРЕИ
ПО РОМАНУ СНЯТА ПОПУЛЯРНАЯ ВО ВСЕМ МИРЕ
ДОРАМА

ЛИДЕР НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ КОРЕЙСКИХ ТРИЛЛЕРОВ

Я пришла в себя – и поняла, что ничего не помню о том, что случилось. Вообще ничего.

Мужчине, стоящему передо мной, явно недостает умственных способностей. И он утверждает, что он мой отец.

Казалось бы, всякое бывает... Но есть одно «но». Этот «отец» почему-то ничего не знает о жизни своей дочери...

Блестящий план...

Ким Мёнчжун – типичный неудачник. Работы у него нет, денег тоже. Жена бросила его, оставив ему маленькую дочь. А теперь та заболела смертельной болезнью – белокровием. И тогда бывшая жена заявляет, что единственный способ спасти дочь – похитить ребенка богатых родителей и получить выкуп. Жертва – Чхве Рохи, 11-летняя дочь главного врача известной клиники...

...разлетается вдребезги.

В назначенный вечер, подъезжая к особняку семьи Чхве, Мёнчжун сбивает какую-то девчонку. И с изумлением понимает, что это как раз та, кто ему нужна, – Рохи. Он увозит ее в свою хибару – и там выясняется, что от удара похищенная потеряла память. Мёнчжун решает временно выдать себя за отца девочки, а через несколько дней узнаёт, что ее настоящих родителей зверски убили в собственном особняке. Причем именно в вечер похищения...

-
- [Чон Хэён](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [Глава 2](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
- [Глава 3](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
- [Глава 4](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
- [Эпилог 1](#)
- [Эпилог 2](#)

- [Послесловие автора](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
-

Чон Хэён

День похищения

Jeong Hae-yeon
THE DAY OF KIDNAPPING

Copyright © Jeong Hae-yeon.
All rights reserved. First published in Korea in 2019 by Sigongsa Co.,
Ltd.

Russian Edition arranged with Sigongsa Co., Ltd. through Youbook
Agency, China and Nova Littera

© Новоселов Г.П., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«ЭКСМО», 2024

* * *

INSPIRIA

**читай
и слушай:**

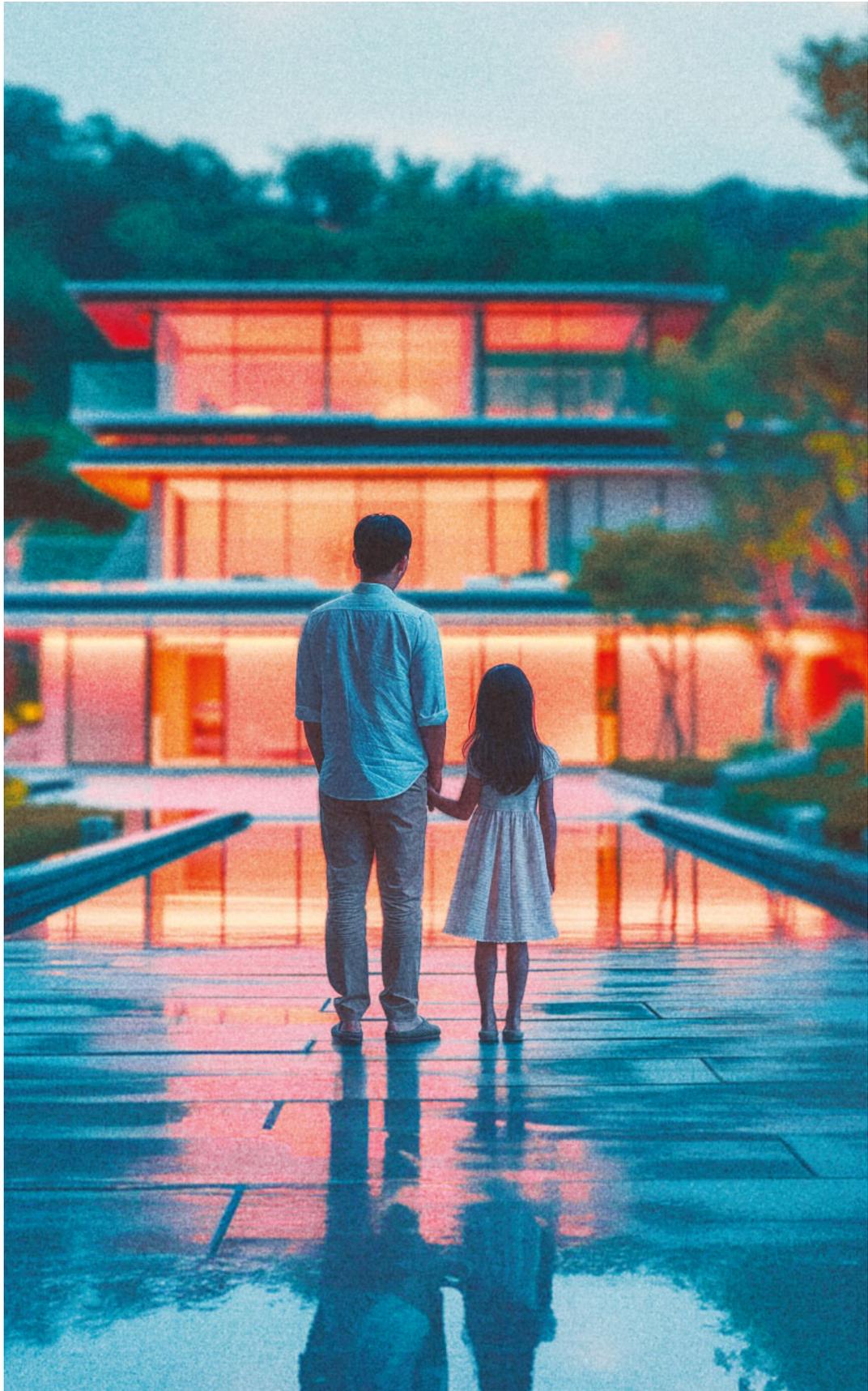
Электронная книга

Обои для скачивания

Плейлист

Пролог

24 апреля 1989 года

Ему было тогда всего двадцать четыре года. Двадцать четыре... Это значит, что ты вроде как взрослый, а вроде и нет: твои друзья уже успели сходить в армию, теперь вернулись и подкалывают тебя, молодого студента, – мол, жизни не видел. А родители, наоборот, постоянно бухтят и пилят: «Ты уже взрослый, когда на нормальную работу устроишься?»

Ему доводилось участвовать в протестах против диктатуры^[1]: и на демонстрации ходить, и бутылки с зажигательной смесью бросать. Но, увидев, как полиция уводит его университетских знакомых, он тут же забросил политическую активность и больше их оппозиционный студенческий кружок не посещал. Потому что ради жены и ребенка он был готов на все.

Детей они с подружкой заводить не планировали, но когда он узнал об ее беременности, то чуть не запрыгал от счастья. Родители тоже были рады предстоящему событию. И это несмотря на то, что их семья находилась в крайне стесненном положении: у отца, который, по идее, должен был быть опорой семьи, обнаружили рак печени, причем в запущенной стадии, так что он лежал не вставая. Мать, работавшая кухаркой в небольшой столовке-временке для рабочих на стройке шоссе, была вынуждена возвращаться домой поздно ночью, чтобы случайно не наткнуться на кредиторов. Да и ютились они все вместе в небольшой съемной комнатке в подвале, где и ребенка-то особо положить некуда было. Но ради своей будущей семьи он был готов даже учебу бросить, хотя раньше держался за университет изо всех сил, отдавая на него последние деньги. У его жены Суён, со слезами на глазах признавшейся ему в своем «грехе», вырвался вздох облегчения: увидев, как он рад этой новости; она сама не сдержалась и разрыдалась – теперь уже от счастья. Он тогда твердо решил: его ребенок не будет жить такой жизнью, как он сам. Точнее, так ему тогда казалось, что он уже все решил...

Резкий крик ударил ему в уши. Парень моментально собрался, пришел в себя и огляделся по сторонам. Он сидел в приемной медицинского центра «Надежда». Крик доносился не из смотровой, а с противоположной стороны – из родзала в конце коридора. Все беременные женщины – и на начальных сроках, и на последних неделях – тут же с испуганным видом схватились за животы, придерживая их руками.

«Кто же знал, что так получится...» Парню тоже захотелось закричать. Сказать, чтобы все убиралось вон из этой больницы. И что это вообще никакая не больница. Он считал, что смысл всей его жизни – оберегать двух своих любимых женщин: дочку, которая, придя в этот мир, смеялась бы так заливисто, как никто другой, и жену, с которой они растили бы ребенка и вместе с которой он был бы счастлив и в горе, и в радости. Но смысл его жизни был растоптан в одно мгновение – прямо в этой живодерне, именующей себя клиникой. К горлу словно подкатил обжигающий огненный ком, но он, сглотнув, задавил этот спазм. Если он сейчас не сдержится, то все пойдет насмарку. Вместо этого парень потрогал через плотную куртку нечто припрятанное у себя на груди. Нечто твердое, надежное. И только тогда жжение от внутреннего огня немного поутихло.

– А хочешь посмотреть, где папа работает?

– Ага!

Парень повернулся. Знакомый голос – его он не забудет никогда. Главврач клиники. Возрастом чуть за сорок, но выглядит сильно моложе. Моложе даже его самого, хотя ему всего двадцать четыре. Холеное лицо лоснится уверенностью. И белый халат на его осанистой фигуре хорошо смотрится. Если б не девочка, держащая его за руку и называвшая «папой», можно было бы подумать, что он пытается произвести впечатление на молодых женщин в коридоре. Причем безуспешно. «До чего же рубашка на нем белая – прямо до рези в глазах», – почему-то подумалось парню.

– А я уже поручил что-нибудь вкусненькое к чаю приготовить. – На шаг позади начальника шел Ян Тхэхун – главный администратор клиники.

С ним тоже довелось встретиться. Вот только общался администратор с ним совсем не так, и выражение лица было у него тогда совсем другим: «Говорю же, давайте не будем горячиться и попусту молотить языком. Всегда нужно придерживаться правил. Или думаете, что криком свое потомство вернуть сможете?» Вот так он тогда и говорил – мол, проблем не создавайте. И толкнул еще, да так, что парень упал – до сих пор эта холодная плитка на полу не забылась... Вот там, на плитке, он и решился. «Что ж, будем играть по правилам. Только не по вашим, крючкотворы, ничего тяжелее ручки не поднимавшие, а по моим».

Пока главврач не прошел мимо него к лестнице на второй этаж, парень сидел ссутулившись, пряча лицо. Нельзя, чтобы его заметили. Хотя доктор смотрел только на свою дочку – и с такой нежностью, что просто трудно себе представить. Девочке по виду было где-то лет семь-восемь. Волосенки у нее на голове пока были не такие густые, но уже заплетены в две косички с красными бантами. Одета она была в красное полупальтишко, на ногах белые колготки и красные туфельки – ну прямо как из сказки Андерсена^[2]. Лицо у нее было белое, миленькое, и казалось, что даже запах от нее идет теплый, детский, уютный. «Вот бы нашей Наён в ее возрасте быть такой же красивой!» Наён... Они с женой столько размышляли, как назовут дочку... Вот только услышать собственное имя их девочке не довелось – она умерла еще в материнской утробе. Вместе с матерью.

Он даже не знал, как выглядел его ребенок. Теперь он смотрел на то, как радуется главврач, едва завидев свою дочь, и внутри его все переворачивалось. Парень поднялся и сунул руку за пазуху: холодный твердый предмет был на месте. Одним махом он нагнал главврача на лестнице. То ли на звук шагов, то ли просто чисто случайно, но Ян Тхэхун обернулся и заметил преследователя – от удивления его глаза расширились.

– Ох! – На короткий возглас администратора повернулся и главврач.

В мгновение ока парень достал из-под куртки нож. О, сколько раз он представлял себе этот момент – и вот наконец момент настал! Держа оружие в левой руке, правой он грубо оттолкнул Ян Тхэхуна, и тот растянулся на полу у лестницы – точно так же, как и он сам когда-то. Парень без колебаний переключился на главврача – схватил за

грудки и замахнулся ножом. Тот рефлекторно прикрыл собой дочь, убрав ее за спину. Свет, льющийся через окно, вспышкой блеснул на лезвии. Ждавшие у кабинета пациентки и их провожатые все до одного испустили истошный крик.

«Ну вот и всё, конец», – подумалось ему. Однако Ян Тхэхун оказался проворнее и как-то ухитрился перехватить его запястье. Стоило парню перевести взгляд на администратора, как главврач что было силы оттолкнул нападавшего. Тот кубарем покатился вниз, сверху на него навалился Ян Тхэхун. Ножа у парня уже не было: видимо, отлетел куда-то в сторону. Распластавшись под Тхэхуном, он заорал дурным голосом – если все закончится вот так, побестолковому, то бушующий в груди огонь просто выжжет его изнутри.

Наконец подоспели охранники: один из них подбежал к парню и, схватив за шиворот, рывком поставил на ноги.

– Вы как? – Ян Тхэхун хлопотал над начальником.

Тот все еще стоял посредине лестничного пролета: задыхающийся, весь бледный от испуга, но по-прежнему укрывавший дочь за спиной.

Охрана крепко держала парня, завернув ему руки за спину. Того всего корежило, он выл диким воем. В какой-то момент его глаза начали закатываться – всем было понятно, что человек явно помутился рассудком. Но все же ему удалось расслышать, как администратор говорит кому-то, что нужно вызвать полицию.

И тут у парня перед глазами забрезжил какой-то странный свет. Его расфокусированный, плавающий взгляд устремился куда-то в сторону: со второго этажа по лестнице спускалась медсестра. Все это время она была наверху, шума из приемной не слышала и теперь не понимала, что здесь происходит. Женщина остановилась, в недоумении посмотрела по сторонам, заметалась туда-сюда, не зная куда идти. В руках у нее был стальной бикс со шприцами...

После смерти жены ему кусок в горло не лез. Заснуть он тоже не мог – только пил целыми днями. За это время очень ослаб, и после всего произошедшего сил у него уже не должно было оставаться. Но тут несостоявшийся убийца ощутил прилив какой-то странной энергии, пришедшей непонятно откуда и наполнившей все его тело. Издав воинственный клич, он исхитрился вывернуться, разбросать

опешивших охранников и в один прыжок преодолеть лестницу. Главврач вжался в стену, стараясь уклониться от атаки, но главной целью парня, лишившегося своего оружия, был не он, а именно медсестра. Нападавший выхватил из ее рук бикс, наугад вытащил из него что-то и, даже не посмотрев, что схватил, замахнулся. По глазам ему ударил солнечный блик.

Буквально взлетев над землей, парень бросился к главврачу, размахивая зажатым в руке предметом. На лицо ему брызнуло чем-то горячим.

– Нет! – Крик главврача потряс коридор.

Парень огляделся: люди, толкая друг друга, с криками выбегали из клиники. Но он почему-то их вообще не слышал: в ушах скрежетал только какой-то странный металлический звук.

Главврач обхватил дочку – у той сзади на шее алела рана, кровь текла по белой коже и капала прямо на красные туфельки. А парень смотрел на измазанный кровью шприц у себя в руке. Ради своей жены и дочери он был готов пойти на что угодно. Но только не на это...

Глава 1

Похищение

21 августа 2019 года, среда

Когда тьма поглотила мир, Мёнчжун наконец решился. Несколько дней он все тянул, откладывая решение на потом, но со всех сторон, куда ни глянь, были лишь обрывы и пропасти, а вернуться назад, даже если захочешь, не получится – дороги уже нет. Так что хочешь не хочешь, а определяться было нужно.

Всё, его выбор тверд. Вот только когда он вставал, ноги сильно дрожали. Мёнчжун застегнул пряжку ремня на впалом дряблом животе: у него уже второй день маковой росинки во рту не было. Где же свитер? Вроде где-то здесь был... В углу комнаты валялось когда-то белое худи – теперь это была просто мятая тряпка непонятного цвета. Даже не стряхнув с одежды пыль и грязь, Мёнчжун так и занырнул в нее с головой. На пороге ненадолго призадумался, но... нет. Мотнув головой, он вышел из дома и сел в припаркованную во дворе машину.

Некоторое время ехал в темноте, пока не добрался до центральных районов, полностью залитых светом. Мёнчжуну показалось, что его дом на склоне горы и центр Йонина, через который он сейчас проезжал, словно находятся в разных часовых поясах. Белых ночей в этих широтах не бывает, но та часть города, на которую он смотрел из окна своей машины, казалось, вообще не знала, что где-то в мире существует тьма. Проехав по свету, Мёнчжун свернул туда, где его ждало одно дело.

Он то и дело бросал взгляд на клочок бумаги с адресом. До этого перечитывал его, проверял и перепроверял так часто, что теперь этот адрес до последней буквы отпечатался у него в голове. Но все равно сейчас Мёнчжун смотрел на него так, словно видел впервые в жизни: надпись казалась чужой, незнакомой. Он сжал губы. Все сомнения типа «А может?.. Или не надо?» были отброшены в тот момент, когда он завел машину: стрела, спущенная с тетивы, тоже не знает, попадет она в цель или нет, но долететь до конца ей все равно придется.

«Может, все-таки нужно было заранее проверить, где стоят камеры видеонаблюдения?» Хейн же говорила ему, что в том районе

камер не так много и что нужно съездить посмотреть, где у них мертвые зоны. А он все отнекивался – мол, если часто там мелькать, то тебя, наоборот, могут заметить, а потом узнать и выследить. Но это были лишь отговорки – просто на самом деле душа у него была не на месте. Любому ответственному мероприятию всегда предшествовала подготовка: и когда в школе экзамены сдавал, и когда в университет поступал, и когда к церемонии открытия Корейских игр всей командой показательное выступление готовили – перед особым Днем X всегда был День X-1. На тренировках всегда говорили, что ошибка при отработке уменьшает ошибки на выступлениях. Интересно, что же он не отработал, если уж у него вот так жизнь сложилась?

В итоге Мёнчжун никак к сегодняшнему делу готовиться не стал, но теперь, словно восполняя свою прежнюю нерешительность, старательно избегал больших улиц и вел машину по самым глухим закоулкам. За рулем он постоянно рыскал взглядом по сторонам, отмечая, где находятся камеры слежения и куда они направлены.

Зазвонил мобильный – это была Хеын. «Может, не брать?» Но телефон не успокаивался. Мёнчжун включил громкую связь.

– Ты на месте?

– Пока нет. Скоро буду.

Его взгляд устремился вверх, к небу; мысли – куда-то дальше, где было еще темнее. Возможно, поэтому он слишком поздно заметил тень, мелькнувшую перед машиной, и не успел вовремя вывернуть руль. Боковым зрением увидел проشمыгнувшего мимо кота. Только было с облегчением перевел дух, как тут – бум! – спереди что-то сильно стукнулось о бампер и с глухим звуком опрокинулось на землю.

– Что у тебя там? – спросила Хеын, но отвечать было некогда.

Он ударил по тормозам и попытался собраться с духом, который вот-вот был готов покинуть его. Мёнчжуна всего трясло крупной дрожью. «Так, надо поставить машину на ручник...» Он потянул за рычаг, но все силы куда-то девались. «Нужно собраться... собраться...» Еле-еле справившись с ручным тормозом, Мёнчжун все еще трясущимися руками натянул капюшон на голову и вылез из машины. На земле лежала маленькая девочка – от удара ее отбросило в сторону.

Хорошо еще, что он догадался прикрыть номера куском картона... Мёнчжун еще раз огляделся по сторонам. Обычный ночной закоулок: прохожих нет, зевак тоже. Он заспешил к неподвижному телу; из-под головы змейкой струилась кровь. Мёнчжун двумя пальцами коснулся шеи девочки, проверил пульс. «Сердце бьется – значит, жива». Он перевернул пострадавшую на спину, увидел ее лицо – и только тут понял, кого сбил. От изумления у него задергался глаз. Уж если это не судьба, то что тогда? Мёнчжун поднял ребенка на руки и отнес в машину. Телефон был по-прежнему на громкой связи: Хейн вопила, пыталась докричаться до него. Видимо, она слышала и звук столкновения, и хлопанье открывающихся-закрывающихся дверей.

– Алло! Алло! Да что там у тебя?! Ты в аварию попал? Сбил кого-то? Что ты там делаешь?!

– Не волнуйся, все нормально. Сбил кого надо – как раз ту, кого мы и собирались похищать.

И Мёнчжун что было сил утопил педаль газа.

*22 августа 2019 года, четверг, ночь
(второй день похищения)*

Он слышал в какой-то передаче, что при травмах головы внутреннее кровотечение опаснее внешнего: кровь должна литься из раны, а если ее нет, то она, скорее всего, накапливается где-то внутри; от этого повышается внутричерепное давление и резко возрастает вероятность того, что от обычного сотрясения мозга человек может умереть. У девочки кровь текла, так что, по идее, умереть она не должна. Но вот лицо ее было белым, как бумага. Мёнчжун в панике схватился за голову, пальцы его тряслись. Время от времени он подносил руку к ее носу, проверяя дыхание. Вроде бы есть слабая струйка воздуха, касающаяся его ладони... Но вдруг он выдает желаемое за действительное и это ему только кажется? Мёнчжун прикладывал ухо к ее груди, напряженно вслушиваясь, бьется ли сердце. И только после этого разрешал себе вздохнуть.

«Бум!» – снова прокатилось у него в ушах эхо удара. Он заткнул уши, втянул голову в плечи и закрыл глаза, но это не помогало: в голове снова и снова прокручивался момент столкновения. Все еще дрожа, Мёнчжун открыл глаза и взгляделся в лицо похищенной.

Ее зовут Чхве Рохи, одиннадцать лет. Изящное тонкое личико, губы маленькие, но правильной формы – плотным бантиком. Большие глаза и белая кожа хорошо сочетаются с черными волосами. Стрижка очень короткая – настолько короче обычного боб-каре, что Рохи даже можно принять за симпатичного мальчика. «В школу, поди, ходит... А моей на школу даже издалека взглянуть не довелось». Когда Мёнчжун вспоминал о Хиэ, у него сразу щемило сердце. Если и этой девчонке, как и его дочери, в маленькое тельце воткнут с десятков разных трубок, обмотают проводами и подключат дыхательный аппарат, то он никогда в жизни себе этого не простит.

На полу задергался мобильный. Входящий номер можно было не смотреть – Мёнчжун и так знал, кто это: Хеын дала ему этот телефон, когда они планировали похищение. Она сказала, что для дела нужен «левый» номер, который нельзя будет отследить. Скорее всего, он был оформлен на подставное лицо, но Мёнчжун этого не уточнял. Как ей удалось раздобыть такой телефон, он тоже не спрашивал – сейчас ему вообще ничего лишнего знать не хотелось, он думал только о Хиэ. Всякий раз, когда ему хотелось бросить эту затею, он убеждал себя, что все это ради нее. Подняв с пола телефон, Мёнчжун вышел во двор. Пусть даже девчонка и без сознания, но при ней он все равно разговоры вести не будет. Небо пока еще было объято тьмой, горячий ветер назойливо лип к его телу.

– Ну, как там? – Голос Хеын был на удивление спокойным.

– В себя пока не пришла.

– И что теперь? Я тебе сколько раз говорила, что нужно быть осторожнее!

«Как будто в аварии попадают по своему желанию!» Внутри поднялась волна злости, но он сдержался, закусив губу: «Думай только о Хиэ, думай только о ней!»

– Ладно, ничего не поделаешь, как вышло, так вышло. Сейчас нужно довести начатое до конца. Как очнется, надо будет ей домой позвонить, с родителями...

Прежде чем Хеын закончила фразу, Мёнчжун нажал на «отбой» – надоела. Свободной рукой взъерошил волосы. Что ж за жизнь у него такая... трудноперевариваемая. У него вырвался глубокий вздох. Ну почему все так обернулось? «Нет, давай завязывай с такими мыслями!» Он повернулся, чтобы вернуться в комнату, и тут натолкнулся на чей-то взгляд.

– Кхык!

Мужчина непроизвольно отпрянул назад, издав странный звук, чем-то похожий то ли на крик, то ли на хрип. Он даже не заметил, что девочка очнулась. Или нет, точнее говоря, не услышал, как она открыла дверь и просунула голову в проем. Рохи смотрела на него снизу вверх, от испуга ее большие глаза стали еще больше – настолько, что были видны белки.

«Черт, вот же попал!» В голове у него все перемешалось. Наверное, нужно что-то сказать? А что? Может, объяснить ситуацию в

целом? Или лучше сначала спросить, как она себя чувствует? В итоге он просто стоял и молчал, давая ей возможность как следует разглядеть и запомнить себя.

– Кто?

От ее резкого вопроса вся кровь моментально отхлынула у Мёнчжун от головы. И что сейчас прикажете ему делать? Спрятать свое лицо? Или, наоборот, завязать ей глаза? Он чувствовал себя как та тетка, которую мужики голой в бане увидели: от волнения все определиться не может, что ей раньше прикрыть – верх или низ? Вот и он сейчас так: не знает, что для него в такой момент важнее и что нужно делать прежде всего...

Девочка пристально рассматривала его: взгляд у нее был явно осмысленный и незамутненный. Под этим взглядом Мёнчжун непроизвольно продолжил понемногу пятиться назад. И тут начинающего похитителя озарило. Он посмотрел на карман своих мешковатых штанов. Все же не зря считается, что залог успеха – в продуманной подготовке. В штанах у него лежал моток веревки – просто на всякий случай, если ребенок сбежит или какие другие проблемы возникнут и другого выхода уже не будет. Мёнчжун осторожно засунул руку в карман, нащупал там аккуратно скрученный нейлоновый шнур и в одно движение достал его, одновременно пряча руку за спину. Он проделал все так быстро и ловко, что девочка, конечно, ничего не смогла заметить.

– Веревка для чего?

«Эх, заметила...»

– Э-э-э... Б-б-белье развешивать, – сказал он, после чего, вопреки логике, почему-то отбросил шнур подальше.

Рохи не отводила от него взгляд, словно вынуждая все-таки ответить на предыдущий вопрос. Мёнчжун покосился на веревку. Когда твой оппонент – ребенок, то понятно, что тебя будут мучить угрызения совести. Он знал, что нужно действовать как можно более гуманно, но когда похищаешь человека, то связать его или держать под замком – вещь неизбежная, разве нет?

– Ты спрашивала, кто я? – Мёнчжун украдкой подбирался к веревке.

– Кто я?

– Так ты что, вообще ничего не помнишь?

Взволнованный голос Мёнчжуна разносился по всей комнате. Он то и дело нервно тербил подбородок и взъерошивал волосы. Действительно, когда он сбил девочку, та упала и ударилась так сильно, что, казалось, аж треск стоял. Понятно, что при этом мозгам и повредиться не трудно.

Сама пострадавшая с абсолютно безмятежным лицом расселась на полу комнаты. Ее чем-то привлекла валявшаяся в углу чесалка для спины – девочка подобрала ее и начала осматривать обстановку. Похоже, самым взволнованным здесь был Мёнчжун: он все прокручивал в уме, как сильно все эти непредвиденные обстоятельства повлияют на успех затеянного им дела, в котором на кону стояла его жизнь. Но суть-то как раз и заключалась в том, что обстоятельства были непредвиденными, причем настолько, что просто не укладывались в голове, и теперь Мёнчжун все никак не мог успокоиться. Словно не в себе, он метался по маленькой тесной комнатушке из стороны в сторону, а потом внезапно плюхнулся на пол рядом с Рохи.

– Нет, ты правда ничего не помнишь? Совсем ничего?

– Угу. Тебе есть дело?

Она и говорила как-то странно: как голосовой помощник в мультиварке. Хотя нет, мультиварка разговаривает даже более естественно. Мёнчжун повертел в кармане записку – аккуратно сложенный клочок бумаги размером с ноготь. Там почерком Хейн было написано имя девочки, адрес и возраст. Ей, по идее, вроде как уже одиннадцать, а со старшими говорить не научили – незнакомым взрослым тыкает... Или сейчас для одиннадцатилетних это нормально? Неужто и Хиэ через пару лет будет с ним в таком тоне разговаривать? Просто немыслимо...

– Кто?

Интонации ее были не очень понятны, но, кажется, Рохи снова спросила, кто она. Посмотрев на пялившуюся на него девочку, он решил уточнить:

– Себя имеешь в виду?

– Тебя.

– Я? Я...

Кем бы назваться? Ну не скажешь же, что он ее похититель... Погруженный в эти раздумья, Мёнчжун чуть не ответил: «Секундочку, дай подумать». Что бы такое сказать, чтоб вплоть до получения выкупа обращаться с ней как можно человечней? Чтобы не надо было ее ни связывать, ни держать взаперти? Пусть он ее и украл, но так с людьми обращаться неправильно... «О, кстати!..» Эта мысль привела его в чувство.

– Эй, а ты почему ко мне на «ты» обращаешься?

– Сейчас это важно?

«Она права, сейчас это неважно».

– Э-э-э... хорошо. Я твой...

– Папа?

– А?

От изумления у Мёнчжуна аж плечо дернулось. На что Рохи лишь подозрительно хмыкнула и недоверчиво потрясла головой. Хоть она и потеряла память, но, похоже, у нее были сильные сомнения на этот счет – мол, что-то здесь не то. А ведь если в сериалах главный герой терял память, а потом находил родителей, то все было совсем не так – они частенько смотрели дневные драмы вместе с Хиэ, усевшись рядышком перед телевизором. Теперь же Рохи осмотрела его скептическим взглядом и сказала:

– Или нет? Не очень похоже...

– Да папа я твой, точно папа.

Слова вылетели из него почти рефлекторно, хотя надо признать, что мысль «Вот он, шанс!» промелькнуть успела. Ведь раз он отец, то тогда она будет слушаться и вести себя спокойно. А если не будет убегать и звать на помощь, то не будет и необходимости ее связывать, чего он так опасался. Теперь его больше всего заботил вопрос, как позвонить ей домой и потребовать выкуп. «Ничего, навешаем ей какой-нибудь лапши на уши, запишем голос, а потом дадим прослушать родителям...»

– Как меня зовут?

Мёнчжун оторопел.

– Чхве... Нет, Ким Хиэ.

Он все-таки назвал имя своей дочери. Рохи не торопилась верить ему и разглядывала Мёнчжуна своими огромными глазами сверху

донизу. А он почему-то избегал ее пронзительного взгляда. Да что ж такое! Она и память потеряла, да и вообще обычный ребенок, в конце-то концов! А он дергается постоянно... Это потому, что совесть нечиста. Не зря же говорят, что на воре шапка горит... Так, надо вызвать у нее доверие. Мёнчжун собрался с силами и посмотрел Рохи прямо в глаза. «Смотрим... Еще смотрим...» И – нет, не выдержал, отвел взгляд. В груди стучало так сильно, что ему пришлось вдохнуть и выдохнуть, чтобы успокоиться. Так, глядишь, и до тюрьмы дело может не дойти – сам от инфаркта окочуришься...

И тут ему в шею внезапно воткнулась чесалка. Хорошо еще, что он от испуга рефлекторно дернул головой и деревяшка скользнула мимо, а то бы точно горло пропорол. А еще говорят, что «от чесалки еще никто не умирал»...^[3] Проморгавшись, он увидел, что Рохи снова нацелилась палкой ему в шею.

Неловкая пауза как-то подзатянулась: за наставленной чесалкой был виден блеск ее глаз. «Ей точно память отшибло или она все-таки о чем-то догадывается?» В тишине комнаты было лишь слышно, как Мёнчжун громко сглатывает накопившуюся слюну. Наконец Рохи соизволила открыть рот:

– Еды.

И это был ее первый приказ своему похитителю.

Сбивая дыхание, Мёнчжун вприпрыжку выбежал из дома. Внизу под склоном была лавка, но в это время она, конечно же, должна быть закрыта. Куда-то ехать на машине без номеров он тоже уже не мог – если она будет мелькать на камерах наблюдения, то полиции не составит труда определить, где он живет. Так что теперь, накинув капюшон, Мёнчжун выбежал на поиски круглосуточного магазина, хотя понятия не имел, где такой может быть. Он надеялся, что его примут за спортсмена на пробежке, хотя по такой темноте кто бегать будет? Желающих вряд ли много наберется...

На его счастье, ближе к району жилой застройки один круглосуточный все-таки обнаружился. Внутри магазина сидел молодой парень-кассир, судя по виду – студент на подработке. Он уткнулся в телефон и был так увлечен игрой, что даже стандартное «Добро пожаловать!» произнес, не отрываясь от экрана. Мёнчжун пробрался к полкам с готовыми наборами в ланч-боксах, но к этому часу их уже разобрали, оставался только самгак кимпаб^[4]. Делать нечего, придется брать его. Он взял две упаковки кимпаба, бутылку воды и пошел к кассе. Парень привычным движением мазнул штрих-кодом по сканеру:

– Три тысячи двести вон^[5].

Мёнчжун, пошарив по карманам, расплатился наличными.

– Пакет нужен?

Он отрицательно помотал головой, забрал товары с прилавка и поспешил обратно домой.

* * *

– Это чё? – Рохи окинула кимпаб холодным взглядом.

– Д-д-дома еды ж не было, пока этим можно переку...

– Это еда?

«Черт!» Мёнчжун взглянул на Рохи, потом дернул за хвостик обертки, снял целлофан и протянул пленнице. Ее безмолвные губы

наконец шевельнулись – уголком рта она произнесла:

– Прикольно.

«Ффух, слава богу...» Его плечи расслабились, он улыбнулся. И тут же ему под челюсть снова воткнулась чесалка.

– Сойдет, почти съедобно. Но на завтрак хочу нормальной еды.

Умяв обе упаковки кимпаба и захлеб выдув всю воду, Рохи прямо где сидела, там и улеглась спать:

– Одеяло!

Едва Мёнчжун ее укрыл, она тут же уснула. Глядя на девочку, незадачливый похититель измученно прислонился к стене, хотя более точным словом было бы не «прислонился», а «рухнул». Какой-то чересчур длинной выдалась для него эта ночька...

* * *

Как только рассвело, Мёнчжун тихонько, чтобы не разбудить Рохи, вышел из комнаты. До кухни было всего несколько шагов, но на пути надо было преодолеть просевший пол и открыть старую деревянную дверь, которая скрипела и стонала так, словно заранее готовилась тут же развалиться на куски. Войдя на кухню, ты словно попадал в средневековую харчевню, какие обычно показывают в исторических сериалах, только с современным холодильником, как во фьюжн-сагыхах^[6]. Хотя, по правде говоря, холодильник тоже был очень древний: нормального современного многокамерного шкафа с распашными дверями ему не досталось – на кухне стоял лишь очень старый однодверный «гроб» с двумя небольшими отделениями. Ручка на дверце тоже когда-то отвалилась, и теперь, чтобы ее открыть, ему всякий раз приходилось цепляться пальцем за щель. В результате поверхность холодильника была захватанная, пожелтевшая, неопрятная. А внутри всегда подванивало протухшей рыбой, хотя Мёнчжун даже вспомнить не мог, когда в последний раз ее здесь хранил. Рыбу он не ел очень давно: может, только когда жили вместе с Хиэ, тогда – да, а так – даже вида не переносил...

Мёнчжун заглянул внутрь холодильника и грустно вздохнул – уж лучше б не заглядывал. Там дружно стояли в ряд бутылки сочжу^[7]: отдельно – мелкашки по 360 миллилитров, отдельно –

крупнокалиберные по 720. А еще было кимчхи, покрытое плесенью, как торт глазурью. Ему, в принципе, заходило и такое: недопитое сочжу-то само собой, да и кимчхи тоже. А что? Он же не маленький, от плесени сполоснул слегка – вот тебе и закуска. Но в нынешних условиях содержимое энтузиазма не вызывало, и Мёнчжун закрыл холодильник. Словно чтобы позлить его лишний раз, дверка морозилки грохнула, пошаталась и, лишь покапризничав, встала на место и закрылась.

«В лавку, что ли, снова переться?» – подумал Мёнчжун, но никуда не пошел – просто, не сходя с места, окинул кухню взглядом. На глаза попался пакет с мукой, стоявший в шкафу. Он уже и не помнил, когда ее купил и что хотел из нее приготовить, но мука у него почему-то была. Пакет не был плотно закрыт, весь какой-то помятый, но, на его счастье, где-то с половину содержимого там еще оставалось. Мёнчжун открыл шкафчик под раковиной, вытащил оттуда синюю пластмассовую миску и вытряхнул туда муку. Не так уж много, но для одиннадцатилетней девчонки должно хватить – желудок у нее не такой уж большой должен быть, как-то брюхо заполнит. Мёнчжун подставил миску с мукой в раковину и открыл кран. Он лил воду до тех пор, пока мука не разбухла. В смеси попадались комочки. Мёнчжун небрежно помешал в миске ложкой и уже собрался было поставить тесто на газ, как передумал, замерев на полпути.

Обтерев руки о штаны, он достал телефон. Сердце бешено колотилось, но в любом случае что сделано, то сделано, и обратно все уже не вернешь. У него в голове всплыло лицо Хиэ, но он громко вздохнул, усилием воли отогнал ее образ и поднял глаза. С телефоном в руке выглянул из кухни, проверяя, не подслушивает ли его ненароком Рохи. В комнате и коридоре было тихо: похоже, что девчонка по-прежнему спит в комнате. Мёнчжун снова подошел к раковине, глубоко вдохнул и начал с силой тыкать в экран, набирая номер. В трубке один за другим пошли гудки: с каждым гудком сердце у него сжималось все сильнее и сильнее. Он знал, что именно ему придется сказать, раз уж набрал этот номер, и от этого нервозность только усиливалась.

А гудки между тем все шли и шли. Мёнчжун не понимал, почему на том конце не берут трубку. И тут в телефоне послышался резкий щелчок – когда он его услышал, то аж вытянулся в струнку.

Приготовился вести разговор уверенно и заготовленные фразы произносить жестко.

– Ал...

– Абонент временно недоступен, оставьте сообщение после...

«Ах ты ж...» Он скривился и нажал на отбой. Они что там, в туалете застряли? Или не слышали звонка? В голову лезли разные мысли, но Мёнчжун никак не мог избавиться от ощущения, что происходит нечто странное. Когда ребенка похищают, то родители не то что часами – годами от телефона не отходят, разве нет? «Может, номером ошибся?» Мёнчжун еще раз сравнил номер исходящего вызова с тем, что заучил наизусть. Да нет, все правильно он набрал. Еще бы, номер у него в памяти как в камне высечен; ведь дело касалось его дочери – а заодно и той девчонки, что сейчас спит у него в комнате.

Выходит, все, что ему остается, – это просто дозваниваться. Но только Мёнчжун занес руку над смартфоном, как дверь с грохотом открылась и на кухню ворвались лучи солнца, а заодно с ними и его пленница. Она смотрела на него, скорчив недовольную гримаску. Сердце снова заколотилось. Да что ж такое! Девчонке всего одиннадцать, фактически ребенок, к тому же потерявший память и считающий его отцом. Как у нее получается постоянно держать человека на нерве?

– А, вс-с-стала? Ч-ч-что-то х-х-хотела? – Мёнчжун непроизвольно начал заикаться.

Рохи острым взглядом сосканировала обстановку на кухне и ровным голосом сказала:

– Еды.

– Г-г-готовлю.

– М-м-м, ладно тогда, – промычала девчонка и закрыла дверь.

Некоторое время Мёнчжун стоял совсем растерянный, но потом заставил себя собраться. В конце концов, отец он ей или нет? Как можно в таком тоне со взрослыми разговаривать?

– Эй! – Его крик наложился на стук распахнутой двери.

– Чё? – Девчонка смотрела в упор.

«Сейчас я ей покажу, как старших уважать!» Мёнчжун покрепче ухватил лопатку для блинов и напористо сказал:

– На сытый желудок оно всяко веселее, да?

– Само собой, чё спрашивать? – Недовольно покачав головой, Рохи закрыла дверь.

* * *

Иногда кажется, что ты видишь перед собой что-то вполне понятное, но на самом деле это абсолютно иная, непостижимая сущность. Ну это как если старику, который все время пользовался только кнопочным телефоном, дать смартфон. Или, допустим, ты думаешь, что подобрал щеночка, а через пару лет у него вырастают большие уши, большие глаза и очень острые зубы, и оказывается, что ты привел домой волчару. Вот и Рохи примерно так же взираала на накрытый стол. Ну ладно вода из-под крана, ну ладно тарелка вся в сколах, ну ладно кружка непонятного цвета – то ли желтая и грязная, то ли желтая от грязи... Но этот белый сгусток, похожий на моп от швабры, – это, вообще, что такое и как называется? Рохи, словно не веря своим глазам, некоторое время смотрела на непонятное месиво, которое по какому-то недоразумению почему-то попало в разряд «еды», потом подняла взгляд на кулинара. Тот в смущении поскреб затылок:

– Знаешь, бывают такие белые блинчики...

– Не знаю и знать не хочу, – не моргнув глазом ответила Рохи.

– Мука-сахар, добавляем-жарим. На вид, конечно, может, и не очень...

Мёнчжун мог не утруждать себя неуклюжими оправданиями – Рохи рывком поднялась с места. Ее взгляд был прикован к раковине, а точнее, к пакету из-под муки, который там валялся. Брезгливо, двумя пальцами она взяла упаковку и, стараясь не запачкаться, осмотрела со всех сторон. А потом, как громом пораженная, сунула пакет Мёнчжуну.

– Срок хранения – до девятого июня семнадцатого года. Уже больше чем на два года просрочена. Читать не умеешь?

Мёнчжун вздрогнул.

– Или забыл, какой сейчас год, какой месяц? Или правда неграмотный? Календарь же вот висит!

Девчонка мотнула подбородком в сторону стены: там действительно висел календарь, который ему дали в магазине сельхозудобрений. Мёнчжун сконфуженно схватил пакет из-под муки и спрятал за спину.

– М-м-мука ж не портится...

Рохи вдруг наморщила лоб и прямо как стояла – чесалка в одной руке, тарелка в другой – выбежала из кухни во двор, оттолкнув хозяина. Мёнчжун, спотыкаясь, бросился за ней. Во дворе девочка заозиралась, словно искала что-то. Мужчину охватила паника, в голове беспорядочно заметались тревожные мысли: «А что, если к ней возвращается память и сейчас она вспомнит, что я – не ее отец и что в этом доме она никогда раньше не была?»

– Ч-ч-что ищешь?

– Собака где?

– Собака? Какая еще собака?

К концу фразы голос Мёнчжуна задрожал. У них что, дома собака была? Он про это не слышал. Хотя откуда ему знать? Он же сбил девчонку на подъезде к дому и внутрь не заглядывал. Если у них действительно была собака, то, выходит, похищенная постепенно приходит в себя и, возможно, начинает подозревать, что здесь что-то не так...

Рохи стремительно повернулась к Мёнчжуну.

– Сказал, что подаришь собаку, и где она?

Мёнчжун захлопал глазами – как старый подгружающийся компьютер, он переваривал услышанную информацию. Но задержаться в моменте не получилось – ему что-то вонзилось в живот, причем довольно глубоко. Он закричал, перевел дух и посмотрел вниз: Рохи глубоко всадила ему в живот тарелку с белой субстанцией, и Мёнчжун в замешательстве эту тарелку покорно взял. У него возникло что-то вроде дежавю: примерно так его, зеленого салагу, гоняли «дедушки» в армии. Рохи властно сказала:

– Переделать.

Пока она не отвернулась, Мёнчжун пролепетал:

– На вид оно, может, и не очень, но все же...

Похоже, его вялые возражения стали действовать Рохи на нервы, и конец чесалки тут же нацелился ему в шею.

– Только попробуй еще раз мне такие помои сунуть!

Мёнчжун судорожно сглотнул слюну и слабо кивнул. Выражение лица у девчонки немного смягчилось: она убрала палку, развернулась и пошла в спальню. Мёнчжун погрозил ей вслед кулаком: это был самый смелый отпор, на который он решился.

– Кстати... – Рохи обернулась и внимательно осмотрела дом вместе с хозяином. – Я точно здесь жила?

В ее взгляде четко читалось: «Как-то подозрительно все это». Мёнчжун застыл на месте: ему словно с десятков здоровенных игл под дых вогнали.

– А что?

– Мерзко здесь чё-то... – И, недоверчиво покачивая головой, она зашла в спальню.

Едва за ней закрылась дверь, Мёнчжун рухнул на стул: у него так тряслись колени, что стоять он уже не мог.

* * *

Бойко перебирая ногами, Мёнчжун спускался вниз по склону. Его прерывистое дыхание эхом билось среди гор. Свое кулинарное творение он решил употребить сам. Рохи сказала, что таким только собак кормить – его это расстроило, но не выбрасывать же еду, в самом деле. С другой стороны, дерзкую девчонку голодной оставлять тоже нельзя. После того как Хейн бросила его, он воспитывал дочь один, поэтому мог приготовить что-то несложное.

И все-таки, что же именно произошло с Рохи? Допустим, память она действительно потеряла. Но ведь и то, как она себя ведет и как говорит, тоже нормальным не назовешь. Хотя кто ее услышит – ни за что не поверит, что ей только одиннадцать. Или это потому, что она из богатой семьи? Богатеи ведь считают себя центром мира и пупом земли. Они с молоком матери впитывают, что являются «белой костью, голубой кровью». Возможно, оно и так: детей у богатых с рождения балуют, потакают им. Но все равно...

И это еще не самое странное: у родителей ребенок пропал, а они трубку не берут. Спускаясь к магазину, Мёнчжун уже несколько раз звонил ее отцу на мобильник, но на звонки по-прежнему никто не отвечал. Он собрался уже отправить сообщение, но потом передумал.

«Ваша дочь у меня», «Это похищение, заплатите выкуп» – как-то странно такое словами набирать...

Или, может, у них дела за границей и они туда укатили?.. Ага, и оставили одиннадцатилетнюю дочку одну? Кроме того, как-то слабо верится, что в таком доме обходятся без помощников. Ну хорошо, пусть родители уехали, но какая-нибудь домработница-то должна остаться! И если в отсутствие родителей дочка пропала, кто-то из прислуги наверняка сообщит либо хозяевам, либо в полицию, это же очевидно. А может, они уже в полицию обратились? Преступник собрался вести переговоры о сумме выкупа, но не может дозвониться. Он сбит с толку, приезжает к ним домой, и тут полиция выскакивает из засады и берет его тепленьким!.. Может, у них такой сценарий разработан?

Нет, непохоже. Есть у него такая дурная привычка постоянно все усложнять... Нужно действовать по принципу, которым он руководствовался с детства: жить следует исключительно настоящим, решать вопросы по мере их поступления и делать то, что нужно делать в данный момент. А в данный момент ему надо было накормить Рохи.

* * *

Мёнчжун посмотрел на вывеску лавки, находившейся в нескольких шагах: «Супермаркет “Топ-класс”, добро пожаловать».

Едва очутившись в «Топ-классе», он моментально вымок от пота – словно под дождь попал. Еле кивнув на приветствие работника, еле волоча ноги, прошел к полкам – он сильно ослаб за последнее время. Чем бы закупиться? Его взгляд скользнул по стеллажам. Животные инстинкты – страшная сила. Вот генерал Ким Юсин заснул в седле, отпустил поводья, и лошадь сама довезла его до дома кисэн^[8]... Так и Мёнчжуна ноги сами привели в отдел с рамёном: когда он расстался с женой, то питался почти исключительно им. Но тут его словно молниейшибануло, и пачка лапши снова вернулась на полку. Он просто представил себе картину, как кладет рамён перед Рохи: «Ты чё принес? Ты это едой называешь?» Да она прямо в пакете ту лапшу в мелкий порошок сотрет... Ладно, а что тут сбоку лежит? Ага, карри и чачжан^[9]: водой развести, три минуты в микроволновке покрутить – и

готово. Хотя нет, карри острый, чачжан соленый... Ребенку такое не подойдет.

Мёнчжун направился в овощной отдел, взял морковь и яйца: морковь нарезаем, яйца взбиваем и делаем омлет. В этот момент у него в кармане завибрировал телефон – тот самый, «левый», который ему дала Хейн. Мёнчжун огляделся по сторонам, убедился, что продавец не подслушивает, и только потом нажал на кнопку.

– Ну как там?

Все как и раньше: какой была, такой и осталась. Ни «здрасьте», ни «алло»: только трубку снял – сразу за свое волнуется... И ее «ну как» относилось, конечно же, не к нему, мол, «как ты там?», и даже не к Рохи – все-таки под колеса попала, память отшибло, можно было бы и о здоровье спросить... Нет, ее «ну как» означало: «Ну как там с деньгами? Звонил насчет выкупа?» В один прекрасный день Хейн ушла от него, оставив с Хиэ на руках. Потом появилась спустя несколько лет и как ни в чем не бывало спросила: «И долго еще ты собираешься так жить?» Что тогда, что сейчас ей было важно не слушать, а говорить самой.

– Не отвечают.

«Интересно, она разозлится, если с ней так же кратко говорить?»

Хейн повысила голос:

– Не может такого быть! Ребенка похитили, а они трубку не берут? Что это за родители такие?

Ему очень хотелось сказать: «Да такие же, как и ты», но он сдержался. Еще не хватало тратить свои нервы на бессмысленную перебранку. А главное – Мёнчжун не был уверен, что сможет ее переспорить. Вместо этого нужно показать Хейн, что обиделся на ее слова.

– «Не может быть»? То есть ты хочешь сказать, что я им не звонил? Похи...

Он чуть было не прокричал на весь магазин «похищение», но резко оборвал себя на полуслове. Прикрыв рот ладонью, еле слышно продолжил:

– Где ты видела похитителей, которые не просят выкуп?

Но Хейн, похоже, было наплевать, обижается он или нет:

– Странно как-то...

В бакалейном отделе Мёнчжун взял соевую пасту чхонгукчан. Обычно считается, что дети такое не очень едят, но, к его удивлению, многим она нравилась. Хиэ ее тоже любила. Он брал побольше тофу, варил его с чхонгукчаном, и такая смесь даже с обычным голым рисом заходила на ура. Мёнчжун закинул в корзину пасту и ответил бывшей жене:

– Самое странное в том, что я сейчас с тобой в этом деле.

Он уже выходил из магазина – в одной руке растянутый пакет, в другой телефон, который приходилось все время держать у уха.

– Вечером еще раз им перезвони. Она сообщение родителям записала?

Мёнчжун чуть не споткнулся на ровном месте. «Да чтоб тебя, с вопросами твоими! А ведь как раз уже собирался трубку класть!» Ему захотелось послать бывшую жену подальше. Чтобы получить выкуп, они решили записать голосом Рохи две фразы: «Папа, спаси меня! Мама, хочу к тебе!» Фразы подбирала Хейн, и сейчас признаваться ей в том, что он об этом просто забыл, было нельзя.

– Угу.

Неопределенность его интонаций Хейн заметила моментально: они вместе росли в приюте, и она с детства научилась распознавать, когда у него меняется настроение. Потому и была такая досада на нее: она же знала, что без нее он совсем развалится, но все равно ушла.

Хейн недоверчиво уточнила:

– Точно записал? Они прочувствуют, что опасность реальная?

«Ага, поопасней ей надо, пореальней, и голос чтоб понапуганней, тогда сразу деньги бросятся платить... Ты ж это имела в виду, да?» – подумал он. И ошибся еще раз, промедлив с ответом, так как Хейн решила заколотить последний гвоздь:

– Файл сначала мне пришли, я послушаю.

Мёнчжун пришел в ярость:

– А ты в курсе, что я сейчас не по вайфаю? Ради тебя я даже мегабайта не потрачу.

– Ради меня? Хочешь сказать, что я только ради себя стараюсь?

Ладно, все равно никакого файла у него нет. Но и признаваться в этом Мёнчжун не собирался. «Сейчас домой вернусь и запишем – без лишних оскорблений и упреков».

Он только открыл было рот, чтобы возразить Хейн, как прямо перед ним остановился здоровенный грузовик. Из магазина выбежал продавец:

– Ну что же вы так поздно? Местные тетки уже с самого утра тофу спрашивают...

Недавнего покупателя же он удостоил коротким взглядом из серии «еще не ушел?». Под этим взглядом Мёнчжун развернулся и зашагал к своему дому на вершине горы. И тут Хейн почувяла что-то неладное.

– Что это за звук? Ты сейчас где?

«Скажу, что в магазине, так она сразу спросит: “А где ребенок?” Ладно, скажу просто, что дома».

– Дома.

Тут Хейн чуть удар не хватил. И она завопила так, что у него едва перепонки не лопнули:

– Ты совсем с ума сошел? Думаешь, мы тут в игрушки играем?

Да уж лучше бы в игрушки играли. Вжух! – и «Улыбнитесь, вы в скрытой камере!»; все оборачивается в шутку, а Рохи отправляется домой. Вжух! – и диагноз его дочки превращается в розыгрыш. Да, он бы разозлился на такие глупые шутки, но внутри был бы на седьмом небе от счастья. Эх, если б бог действительно существовал и если б он только смог обратить все в шутку... Мёнчжун бы дал ему любую клятву, любой обет, и если б потребовалось заплатить самую высокую цену, то он отдал бы свою жизнь, вообще не раздумывая. Но увы, никаких богов нет, и реальности надо смотреть в глаза...

– Ага, сошел. Тебе-то, конечно, оттуда виднее, что здесь и как. А что мне было делать? Дома есть нечего, а девчонке что – с голоду помирать?

На том конце Хейн глубоко вздохнула.

– Надеюсь, ты хоть не на машине? Я ее, конечно, на подставное лицо купила, но если в камерах постоянно мелькать, то могут и выследить.

– На своих двоих спустился. И машина другая нужна, а то подсунула какое-то говно с дымом, а теперь понтов полные штаны...

– Ты, главное, дело сделай – тоже себе такую сможешь позволить.

От этих слов Мёнчжун замер на месте и нахмурился. Обычно он старался подбирать слова, чтобы человек не чувствовал себя дураком и лузером, но сейчас из него рвалось такое, чего он представить не мог и сам от себя не ожидал.

– А ты знаешь, что я тебя сейчас просто использую? Приготовься к тому, что ты от меня и гроша ломаного не получишь. Если б не Хиэ,

вообще в эту тему никогда не вписался бы, – ледяным голосом произнес Мёнчжун.

– Я в курсе. Это все, или еще что-то так же трепетно воспринимаешь?.. Ладно, давай быстрее поднимайся к себе.

Вздых Хейн, казалось, положил конец их перебранке. «Ну нет, мы с тобой еще не закончили...» Ведь если она начала выносить ему мозг, потому что по звукам из трубки догадалась, где он сейчас находится, то и ему тоже кое-что было слышно – он понял, где сейчас его бывшая. Когда ее колкие фразы замолкали, то в паузах доносился весьма специфический шум. Мёнчжун еще сильнее притиснул телефон к уху: место явно многолюдное и просторное – звуки как будто эхом доносятся. Слов, конечно, не разобрать, но было понятно, что он точно слышит стук катящихся колесиков и женский голос, читающий объявления через какое-то устройство. Мёнчжуну не понадобилось много времени, чтобы пазл сложился – аэропорт.

– А ты где?

Хейн не ответила. От нехороших предчувствий у него все качнулось перед глазами, но он собрался и переспросил:

– А как же Хиэ?

Ответа так и не последовало, и Мёнчжун спросил снова:

– Что с Хиэ?

– Да тут вопрос важный возник, пришлось в одно место поехать...

«Вопрос важный, но не Хиэ?» Мёнчжун не сдержался и сам не заметил, как перешел на крик:

– Ты ее бросила?

В трубке было тихо, но он прямо почувствовал, что Хейн вся сжалась от этого вопроса. Потом наконец, колеблясь, ответила:

– Ну она же все равно сейчас без сознания...

И это сказала мать.

* * *

У его дочери была детская лейкемия. Два месяца назад во время терапии она впала в кому. Жизнь в ней едва теплилась, да и то исключительно за счет аппаратуры, поддерживающей деятельность организма. «Состояние нестабильное», «исход непредсказуем» – так

говорили врачи, что в переводе на человеческий означало: «Непонятно, сколько еще она сможет продержаться». Единственное, что им оставалось, – это сделать трансплантацию, но, к сожалению, тип костного мозга Мёнчжуна дочери не подходил.

В тот день Хиэ тоже была без сознания. Она была подключена к ИВЛ, и звук подаваемого кислорода казался звуком ее дыхания. Внезапно Мёнчжун испугался, что когда-нибудь он забудет, как на самом деле дышала его дочь.

– Хиэ, это папа пришел...

На что-то рассчитывать было глупо – девочка никак не отреагировала на его слова. «Ничего, она все слышит. И радуется, что папа с ней», – старательно убеждал себя Мёнчжун. В этот момент в коридоре послышался звук шагов. Он затаил дыхание и весь обратился в слух, сфокусировавшись на том, что происходит за дверью. А там медсестры злились на то, что у него уже накопилась большая задолженность, которую требовалось срочно погасить. И теперь им нужно либо прекращать лечение, либо уговорить его без лишнего шума самому забрать дочку из больницы.

«Только не сюда, только не сюда», – как заклинание повторял он снова и снова, но заклинание, увы, не сработало: стук туфель затих как раз напротив их палаты. Мёнчжун со скоростью света бросился под кровать, опередив входящих на долю секунды. Шаги приближались – он зажмурился, но потом все же рискнул раскрыть глаза: «Ничего себе!» У него перед носом были не белые халаты и сабо медсестер, а черная юбка с ярко-красными туфлями на каблуках сантиметровой по семь минимум. «Кто бы это мог быть?» Мёнчжун осторожно выглянул из-под кровати, посмотрел наверх – и натолкнулся на ее взгляд. Женщина вроде как поначалу испугалась, но потом скорчила гримасу и, цокнув языком, произнесла:

– И долго еще ты собираешься так жить?

Вот так они со своей бывшей женой Хеын и встретились после долгой разлуки – спустя три года после того, как она бросила их с Хиэ. С ее уходом в жизни Мёнчжуна многое поменялось. Деньги, которые он клал на счет со своей зарплаты, дом, который тоже считал своим, – все растаяло, оказавшись иллюзией, миражом. На счете было не то что пусто – баланс ушел в минус. Дом к этому моменту уже тоже оказался заложен. Вместе с женой исчезло все: и радостное время, когда у него

была своя крыша над головой, и деньги, которые он так кропотливо копил на обучение дочери. Стоило жене уйти, как к нему день за днем стали вламываться коллекторы из кредитных контор. И дом был снесен. Хотя даже если б и не снесли, то, возможно, он сам рассыпался бы в труху и без них. Не надо было ему так упрямитесь – может, тогда бы к нему на фирму не пришли. Хотя отжималы-коллекторы не были официальными приставами и действовали не вполне законно, но начальство в детали вникать не стало, и в его положение входить тоже не собиралось – его попросту уволили. А выходное пособие прямо из банка ушло кредиторам.

Жизнь, где нет ни кола ни двора... Где, казалось, только рассвело – глядь, а солнце уже село за скалы... Так жить ему не хотелось. И если б не дочь, он, наверное, не побоялся бы сделать окончательный выбор и шагнуть за край. Но после того дня, когда ей поставили диагноз, Мёнчжун начал цепляться за жизнь. Он нашел в горах заброшенный дом и перебрался туда. Теперь в мире для него больше не существовало никого, остались только он и Хиэ. И так было до тех пор, пока ей не исполнилось девять. До тех пор, пока не появилась его бывшая жена – так же резко и неожиданно, как и исчезла. До тех пор, пока не предложила похитить ребенка: «Заберем девочку – и родители заплатят сколько нужно».

* * *

Как только такси остановилось у клиники университета Йонин, Мёнчжун тут же выскочил из машины и на всех парах помчался ко входу. Он мотался по площадке лифта туда-сюда, все время с раздражением поглядывая на табло индикатора, где не спешили меняться этажи. Постоянное движение выдавало его нервозность снаружи, пересохшее горло – внутри. Казалось, что он вот-вот расплачется. Сердце разрывалось на части, как только Мёнчжун вспоминал, что его Хиэ лежит сейчас совсем одна, а к ее горлу подсоединены шланги толщиной с руку. Да, возможно, он жил неправильно, но почему за его грехи приходится расплачиваться дочери? Ведь даже в суде дети за преступления родителей уже давно не отвечают... Так почему же бог так жесток?

Мёнчжун зашел в лифт, нажал на восьмой этаж. Глубоко вдохнул-выдохнул, грудь его поднялась-опустилась, и в этот момент с его лица исчезло выражение заботливого папаши, трясущегося над своей ненаглядной дочуркой. Взгляд стал безразличным, ничего не выражающим. Мёнчжун достал заткнутую за пояс кепку, натянул поглубже. А через несколько секунд вышел из лифта и вел себя так спокойно, что никому и в голову не пришло бы, что это тот самый человек, который только что сломя голову забежал в клинику. Выйдя из кабины, он прижался к стене и осторожно вытянул шею. Сестринский пост находился не прямо напротив лифта, а чуть в стороне. Сейчас там дежурила старшая медсестра – она как раз говорила по телефону. У сестры была выдающаяся квадратная челюсть, которую она во время разговора сильно задирала вверх – градусов на 30. Ну почему сегодня именно ее смена? Стоило только представить, как она дико орет и яростно щурит глаза, – и у него по коже пробегал мороз.

– Прошу прощения...

Мёнчжун повернулся на оклик, раздавшийся у него за спиной, – женщина лет пятидесяти в медицинской маске катила перед собой тележку с огромным ворохом больничных пижам. Глаза Мёнчжуна заблестели.

* * *

– Нет, пока не можем дозвониться... Да... Уфф, хорошо, я схожу.

Положив трубку, старшая сестра недовольно поджала рот. Она никак не могла связаться с опекуном малолетней Ким Хиэ, который уже несколько месяцев не оплачивал больничные счета, и теперь сумма задолженности достигла двадцати миллионов вон. Выдворить девочку из больницы они не могут – их бы за это с грязью смешали, мол, «а как же гуманность? а как же права человека?». Так что, можно сказать, в этом плане ему повезло. Но был еще один момент: им надо было сообщить отцу ребенка очень важную информацию, а с ним никакой связи... «Ну что за человек! Ему бы в такой ситуации самому за нами бегать, извиняться, просить подождать и обещать все выплатить, а этот даже трубку брать не изволит!» Сестра поцокала

языком и автоматически проверила, кто там идет по коридору: то была женщина из частной прачечной, везущая пижамы.

– Добрый день!

– Да-да. – Кивнув прачке, медсестра вернулась на пост, взяла табель со стола и тяжело вздохнула: начальство поручило ей самой сходить в палату и проверить, вдруг опекун девочки сейчас там...

* * *

Пристроившись за тележкой с пижамами, Мёнчжун ухитрился не попасться на глаза медсестре. Конечно, женщина из прачечной смотрела на него с изумлением, ну и пусть – он отвернулся от нее и прошел в нужное крыло. Вот она, палата № 803: двухместная, с аппаратом ИВЛ. Понятно, что обычная палата на шестерых стоила бы гораздо дешевле, тут и сравнивать глупо, – но Хиэ самостоятельно дышать не могла и без ИВЛ ей было не обойтись. Мёнчжун каждый день вставал ни свет ни заря, шел на биржу поденщиков, всю неделю работал как проклятый, и все, что зарабатывал, уходило на то, чтобы посуточно оплачивать пребывание дочки в больнице. Но отрицательный баланс на его счете все рос и рос.

Он осторожно приоткрыл дверь. В одной палате с Хиэ лежала 70-летняя бабка, но сейчас ее что-то не было видно. Видимо, повезли на обследование – там, где раньше стояла кровать, сейчас было пусто. Бабка эта практически не приходила в сознание, и тут всякому было понятно, что ее смерть уже маячит где-то неподалеку. Обычно в соседи Хиэ доставались именно такие: повезет – протягивали месяц, нет – уходили через пару дней, так что текучка была высокой. А его дочь все держалась и держалась. «Она выберется, она выберется», – как мантру, повторял Мёнчжун.

Увидев Хиэ, рядом с которой никого нет, он чуть не разрыдался, но все-таки взял себя в руки, вспомнив ее слова: «Мужчины не плачут, нужно терпеть», – ей частенько приходилось это повторять, ведь он, по сути, был очень слабовольный человек.

– Хиэ...

Свисавший с кровати мочеприемник давно не опорожняли – мешок был заполнен настолько, что аж раздулся. Поскольку не с его

финансовым положением было нанимать сиделку, Мёнчжун поручил бывшей жене ухаживать за дочерью, пока сам он будет заниматься задуманным ими похищением. А она вот как ухаживала... И ведь ничего особенного не требовалось: в коме человек не капризничает, не ноет. Мыть, кормить, дезинфицировать палату тоже не надо – все это делали санитарки. Хейн оставалось просто немного присмотреть за своим же ребенком. Но мать у Хиэ была именно такая: другие люди и их проблемы ее нисколько не волновали. Пусть даже если эти «другие» – ее собственная дочь.

Мёнчжун оглядел палату – под кроватью стояла продолговатая мужская утка. Нужно перелить мочу в нее, а потом отнести в туалет. Он отсоединил катетер, открыл клапан и поднес к утке. Жидкость, будто едва дотерпев, тугой струей ударила в судно.

– Вот же как хорошо пописала...

Мёнчжун всегда так говорил, когда видел, что она облегчилась: ведь если есть продукты жизнедеятельности, то, значит, пока есть и жизнь.

– Ох ты ж...

Моча, заполнив все судно, полилась через край. Он посмотрел на пакет – там оставалось еще много. Надо быстрее закрыть клапан, но обе руки были заняты: одной он держал катетер, другой – утку, поэтому все, что ему оставалось, это просто созерцать, как желтая жидкость растекается по полу. Не выпуская утку из рук, Мёнчжун еще раз оглядел палату – может, найдется чем вытереть лужу...

И надо же – именно в этот момент он услышал звук приближающихся шагов. Звук становился все громче и громче, пока не замер ровно напротив их палаты. Вместе с ними замерло и дыхание Мёнчжуна. А заодно и пульс. Вытаращенными глазами, чуть не выкатывающимися из орбит, он смотрел на маленькое окошко в верхней части двери – там, за непрозрачным стеклом показалась знакомая квадратная челюсть.

– А, вы, наверное, пришли вещи забрать?

– Да, мы хотели перенести их в траурный зал.

– Крепитесь. Мы скорбим и молимся о том, чтобы ее душа покоилась с миром.

Так... судя по всему, та бабка по соседству с Хиэ все-таки приказала долго жить. Но Мёнчжуну сейчас было точно не до скорби и

переживаний – ему бы спрятаться самое время... В который раз он оглядел палату. В туалет? Опасно, там его точно застукают. На полу же пролитая моча, захотят ее вытереть – обязательно в туалет зайдут. От стресса он ухитрился расслышать, как кто-то уже прикасается к ручке двери: нервы натянулись до предела, в горле встал сухой ком. Если его увидят, то обязательно заставят подписать документы на выписку Хиэ, поэтому его тело привычно распласталось в полете как раз в ту секунду, когда дверь открылась и в палату вошла старшая медсестра с еще одной женщиной, судя по всему – дочерью почившей бабки.

– Это что еще такое?!

Лужа на полу, отсоединенный катетер... Медсестру аж перекосило. Кто-то криворукий отсоединил сборный мешок и не закрыл клапан. И ладно еще мочу разлили, но открытый клапан – это серьезное нарушение, ведь через него может проникнуть вирусная инфекция... Сестра покачала головой.

– Это кто-то из посторонних, наш персонал такого допустить не мог. Сейчас уберем.

Она наклонилась, чтобы закрыть клапан, – и напоролась на взгляд Мёнчжуна, скорчившегося под кроватью.

– Ай-я-а-а!

Обгоняя вопль медсестры, Мёнчжун выскочил из своего укрытия и со всех ног бросился вон из палаты. Обернувшись, он увидел, что медсестра что есть мочи бежит за ним. «Поймать хочет!» – догадался он и припустил еще сильнее.

– Мужчина, мы донора нашли!

Мёнчжун застыл на месте. Потом медленно развернулся. Его ресницы мелко подрагивали. Он подошел к запыхавшейся медсестре.

– Есть материал для пересадки костного мозга, его тип подходит Хиэ.

Ему, наверное, полагалось хлопотать, засыпать сестру вопросами типа «Ах, неужели это правда?», «А когда будут делать?», «Теперь она выживет, да?». Но он смог выдавить из себя только одно:

– Стоимость операции?

– Около тридцати миллионов вон. – На лице медсестры отобразилось что-то вроде сочувствия. – Но ее смогут назначить только после выплаты текущей задолженности...

Мёнчжун как в забытьи волочил ноги по больничному коридору. То, что нашли донора для дочки, – это, конечно, хорошо. Но 30 миллионов вон... От горя он еще крепче сжал губы. Теперь хочешь не хочешь, а дело с выкупом придется доводить до конца – ничего другого ему не остается...

И тут его словно током шибануло: «Рохи!» Он же совсем забыл про нее! Тем же стремительным аллюром, каким забегал в больницу, Мёнчжун теперь во всю прыть понесся обратно. «Ребенок дома один!»

Ему повезло сразу же поймать такси. В машине он несколько раз порывался крикнуть шоферу, чтобы тот ехал быстрее, но все же ему удалось сдержаться: глупо попадаться полиции на такой ерунде. «Максимальный контроль и самообладание», – об этом Мёнчжун даже сейчас не забывал. А потому хотя торопиться он, конечно, и торопился, но прямо к дому подъезжать не стал – на всякий случай попросил водителя остановиться на подъезде к месту, где поселился. Только лишь когда такси с зажженной надписью «Свободно» развернулось и скрылось из виду, он бегом бросился к себе. Дыхание рвало гортань, сердце, похоже, намерилось вырваться из горла вслед за дыханием, с зашкаливающей скоростью выстукивая «что ж ты со мной делаешь?». Но Мёнчжун уже не мог остановиться. Он не переживал за то, что Рохи может сбежать, или что к ней может вернуться память, или она обратится в полицию. Нет, таких мыслей у него не было. Ему было невыносимо, что ребенок, который только что потерял память, брошен совсем один в темном незнакомом доме где-то посреди гор – вот от этого душа у него действительно была не на месте. Когда он добежал до дома, во рту появился явственный металлический привкус – Мёнчжун знал его с детства, когда однажды лизнул старый ржавый засов. Сейчас он ощутил его снова – цена за то, что все время бежал вверх по склону, ни разу не передохнув.

Рохи сидела на крылечке и смотрела на небо. Ребенок перед домом в лучах света, идущего из комнаты, смотрел на него ясным взглядом – картинка была безмятежной. От переживаний у него начали подкашиваться ноги: он уселся рядом с Рохи, чуть не выплевывая легкие от одышки. Ему показалось, что к металлическому вкусу дыхания теперь добавился и металлический скрежет хрипов и сипов.

– Ох... одна... столько времени... извини... голодная... ох... еда... сделаю... уфф... сейчас...

Он думал, что Рохи снова на него разозлится, но в этот раз было не так – она смотрела на него, как на самое жалкое существо в мире. С трудом восстанавливая сбитое дыхание, Мёнчжун попытался ей улыбнуться. Самое главное, что девочка не испугалась и с ней ничего

не произошло. Теперь у него во рту был вкус какой-то гари, но Мёнчжун по-прежнему улыбался. Вот под его широкую улыбку как раз и заехала чесалка – снова, хотя уже совсем не так, как раньше: в этот раз удар был нанесен не спереди, а тактически грамотно: из засады, сбоку.

– Если суп из требухи готовить не будешь, то воздух словами не гоняй – побереги дыхание.

– В каком смысле? – Мёнчжун недоуменно захлопал глазами.

– В таком, что тебя сейчас со всем ливером наизнанку вывернет.

Фыркнув, Рохи убрала чесалку. Покачав головой, посмотрела на замершего с раскрытым ртом Мёнчжуна, потом забрала у него пакет и пошла на кухню. Мёнчжун был весь мокрый от пота – силы покинули его. «Да пошло оно все...» Он с облегчением откинулся на спину и растянулся на крыльце. Немного так полежал, отдохнул – и металлический привкус во рту исчез. А за ним и сипы в дыхании тоже ушли. Эх, вот спортом давно не занимался, и пожалуйста – результат... Нет, за здоровьем надо следить – хотя бы для того, чтобы о Хиэ было кому заботиться.

«Ладно, всё, встаем – еду для Рохи нужно готовить. Кстати, как там она сказала? “Побереги дыхание”? Волновалась обо мне, что ли?»

– Поднимайся быстрее. Или, думаешь, еда до ночи потерпит?

Мёнчжун подскочил как ошпаренный, словно его самого бросили на горячую сковородку:

– Всё-всё-всё, уже бегу, мэ.

* * *

– Переделать!

Рохи с грохотом пихнула ему миску из нержавейки, в которой лежал паровой омлет. До этого она постоянно подгоняла Мёнчжуна, жаловалась, что проголодалась, вот он и сделал омлет на скорую руку – просто из яиц. Да, без лука, без моркови, но зато вон каким пышным получился! Однако девчонка скривилась, будто ей специально аппетит испортили. Растерянный Мёнчжун зачерпнул ложкой омлет:

– Вполне съедобно...

– Недосолил.

– Да достаточно вроде.

– Ты точно мне отец?

От одной фразы насупившейся Рохи у него перехватило дыхание. В голове билось лишь одно: «Скажи хоть что-то, не медли с ответом!» – но вместо этого почему-то получалось только пучить глаза. Если б его сейчас видела бывшая, не преминула бы уточнить: «Неужто ты настолько тормоз?»

Рохи пристукнула ложкой по краю миски:

– Повторяю: мне не нравится.

«Ффух, кажется, пронесло, ничего не заподозрила...» От облегчения Мёнчжун чуть не произнес это вслух.

– Я что, всегда такое ела? Что-то не верится...

– Н-н-нет. Просто ты же папе пообещала соленого не есть. Неужто не помнишь?

Мёнчжун попытался издать благодушный смешок, но Рохи на это не повелась – напротив, стала пристально вглядываться в его лицо. Лоб у него покрылся испариной, и это тоже не ускользнуло от ее внимательных глаз. Потом она уткнулась взглядом вниз.

«Молчит... Сейчас, наверное, извиняться будет. А я ей тогда жестко скажу: “Давай ешь без лишних слов”».

– Переделать, – повторила Рохи.

И пришлось Мёнчжуну снова все переделывать. Если ей и в третий раз не понравится, то он тогда точно сам закудахчет, и гадить будет исключительно куриным пометом. Потому что, пока готовил, он того омлета уже напробоовался – чисто чтобы перестраховаться: а ну как не получится? На этот раз Рохи выбрала ложку побольше и засунула ее в рот; Мёнчжун с замиранием сердца наблюдал за процессом. Наконец, тщательно пережевав, она проглотила еду. Мёнчжун в этот момент тоже напряженно сглотнул слюну. Рохи наморщила лобик, а он в уме автоматически пересчитал оставшиеся яйца: сколько он их там купил?

– Слишком сладко. Откуда такие убогие стереотипы, что детям нравится сладкое?

Он и вправду подумал, что уж лучше будет сладкое, чем соленое, поэтому добавил чуть-чуть сахара. Вот же, все просекает...

– Я переделаю... – Покачиваясь от усталости, он обреченно поднялся с места.

– Сойдет. – Вопреки жалобам, Рохи задвигала ложкой по миске.

Всякий раз, прежде чем положить омлет в рот, она ковырялась в миске ложкой и непременно хмурила лоб. В общем, всячески делала вид, что ест через силу. Хотя, так или иначе, но еду внутрь себя все-таки пропихивала. Измученный Мёнчжун рухнул на стул, облокотился на стену: ноги совсем не держали его.

– Вот спасибо, благодетельница, порадовала аж до слез...

– Много текста.

Ложка пару раз мотнулась челноком туда-сюда и вдруг внезапно остановилась на полпути: Рохи зачем-то уставилась на край стола, словно задумавшись о чем-то. Понятно, что смущал ее не стол; мысли ее были где-то далеко – даже взгляд замер.

– А где мама?

От этого вопроса Мёнчжун побледнел. Если б пожелтевшая от старости галогенная лампа на кухне не излучала тусклый желтоватый свет, то девчонка могла бы догадаться, что с ним что-то не так. Он замешкался, подбирая слова, но тут Рохи, не спуская с него глаз, вдруг опустила взгляд.

– Она... умерла?

«Ну вот зачем она это спросила?» Мёнчжун отрицательно помотал головой. Это было чревато – она же захочет с ней встретиться, – но и наносить психологическую травму ребенку он не мог. К счастью, после его ответа напряженные уголки глаз у девочки немного расслабились. Рохи понимающе ухмыльнулась.

– Изменяла?

– Характерами не сошлись! – Он крикнул так, словно его кто-то кулаком в сплетение двинул.

Рохи с видом «ну-ну, конечно» как ни в чем не бывало закинула в рот еще ложку омлета. А у него боль так и не прошла. Потому что причиной такого внезапного ухода его жены, очевидно, была измена. Не то чтобы Мёнчжун это наверняка знал, просто смутно подозревал: «Уж не из-за этого ли?» В принципе, Хейн с самого начала не была прямо такой уж преданной женой, да и по отношению к дочери не была «сумасшедшей мамашей», души в ребенке не чаявшей. С другой стороны, она не стала уделять больше внимания внешнему виду – одежде или украшениям, – не шлялась где-то по ночам и не

отталкивала Мёнчжуна, когда его к ней тянуло. Но незадолго до того, как уйти, стала избегать физического контакта с ним.

«Если она когда-нибудь вернется, то я, так и быть, ее прощу и приму» – так он сам себе нафантазировал. Но действительность оказалась несколько иной: через месяц после ее ухода по почте пришло заказное письмо с документами на развод. Он их подписал, в назначенный день они встретились в суде – и всё, больше ничего. Ни что станет с деньгами, ни каково будет ребенку – на этом внимание не заострялось: Мёнчжун всегда жил настоящим. Он тогда спросил: «Хиэ ты тоже бросишь?», и жена ответила: «Да». На этом процедура развода завершилась. Тогда он еще подумал: «Да, между нами все кончено».

Рохи, не шибко переживая о душевных терзаниях Мёнчжуна и не думая, обидела она его или нет, подъела все подчистую до последней крошки, отложила ложку и сказала:

– Спать.

* * *

Бах! Глаза у Мёнчжуна слипались, и очередной клевок носом совпал с падением тарелки в раковину. От грохота он моментально пришел в себя, втянул обратно вытекшую изо рта струйку слюны и огляделся вокруг. Как так получилось, что за сегодня он устал больше, чем когда с утра до ночи работал поденщиком? «Так, нужно быстрее очухаться и заканчивать с этим. А то опять чесалкой прилетит...» Не успел он это пробубнить, как немедленно сбылось по его слову: дверь распахнулась, и то ли от испуга, то ли от того, что сустав защемило, Мёнчжун тут же почувствовал прострел в плече. Скривившись от боли, он тем не менее спросил:

– Ты чего?

– Долго еще эту посуду мыть будешь?

– Э... А что такое?

Ему показалось, что она сейчас опять будет его доставать, поэтому внутренне настроился на решительный отпор.

– Зайди ко мне, папа.

– Хорошо, – привычно ответил он и тут же застыл. «Папа...» В глубине души у него шевельнулось что-то вроде угрызений совести.

Надо же, стыдно перед похищенной – до чего же жалкий он похититель!

Наскоро закончив с посудой, Мёнчжун зашел в комнату. Там царил розовый рай: это Рохи вытащила из шкафа всю одежду и побросала на пол. Розовый цвет очень нравился Хиэ, особенно вон то платьишко с широким подолом. Дочка никогда не кланчила что-нибудь вкусненькое, но если на платье были оборки или рюшечки – хоть на груди, хоть на рукавах или на юбке, – ее глаза всегда начинали блестеть. И вот теперь ее вещи считает своими чужая девочка, которую он похитил, чтобы спасти дочь... Мёнчжун не смел поднять головы.

Из всего розового гардероба Рохи выбрала такую же розовую пижамку.

– Это что, мое?

Стараясь не смотреть ей в глаза, Мёнчжун кивнул. Узница недовольно покачала головой и брезгливо, двумя пальцами подцепила очередные розовые рюши.

– И это тоже?

Избегая ее взгляда, Мёнчжун начал собирать разбросанные по полу вещи. Последним забрал яркое платье, которое Рохи держала кончиками пальцев. Говорить с ней на эту тему ему было очень нелегко.

– С чего вдруг ты одеждой занялась?

– А что, мне вот в этом надо было спать?

Рохи с видом «у самого глаз нет?» подняла валявшиеся на полу джинсы и майку – это была одежда, в которой он ее сюда привез. До Мёнчжуна наконец дошло: джинсы были узкими, майка тоже в обтяжку. Понятно, что в таком она спать не могла. Рохи снова двумя пальцами оттянула на себе розовую пижаму:

– Так я в этом спала?

Не в силах вымолвить ни слова, он просто молча кивнул. Рохи осмотрела себя со всех сторон и покачала головой – мол, «ничего не понимаю». Из всех имеющихся пижам эта была самая скромная по расцветке: белые сердечки, разбросанные на розовом фоне, напоминали звездное небо над деревенским домом. Пижамы смотрелась просто ужасно на высокой, худощавой, короткостриженной Рохи – словно какой-то незадачливый паренек решил на Хэллоуин скосплить Пьеро. Девочка взглянула на Мёнчжуна. То, что одежда ей

не понравилась, он уже понял. Но то, что она сказала потом, он точно не ожидал услышать:

– Эм-м-м... Папа, а ты меня бил?

– Что-о-о?!

Рохи поднесла к его округлившимся от удивления глазам свою руку – та была вся покрыта синяками. Где-то они уже расплылись и стали сходить, но где-то были совсем свежие – еще с кровоподтеками. А на внутренней стороне руки остались следы будто от иглы, причем столько, что и не сосчитать. Только сейчас Мёнчжун вспомнил: Хеын ему вроде как говорила, что с девочкой дома жестоко обращаются, – вот оно и подтвердилось. Теперь ему стало понятно, почему Рохи в разгар жаркого лета носит майку с длинными рукавами. Но правду сказать он не решился:

– А, да нет... Это тебя пчелы покусали.

– Что? – Рохи эта версия явно не зашла.

– Н-у-у, ты их гнездо зацепила, а они как накинутся на тебя – прямо сотнями...

– Сотнями – и все только в руку жалили?

– Ну да, и что?

– А пчелиные укусы – они разве такие?

– Конечно!

– Хм... – Рохи склонила голову и продолжила изучать собственную руку. – Что-то совсем не распухла...

– Ну так сначала распухла, а потом прошла.

– Да?

– Ну а как же! Ты лучше посмотри, какая красота! – Мёнчжун решил незаметно сменить тему и вновь перевести разговор на ее пижаму.

Лицо Рохи тут же побагровело так, будто его в красную краску окунули.

– Что? Ты издеваешься?

Дерзкая, самоуверенная девчонка исчезла и больше не появлялась. Рохи была полностью растеряна, ее лицо покраснело, и, чтобы не расплакаться, она постоянно двигала зрачками.

– Если это прикол, то уже можно смеяться?.. Нет, реально, пап, ты ж видел, в чем я хожу. Зачем ты меня в такое одел?

Только сейчас Мёнчжун понял, какой она на самом деле ребенок и как по-детски себя ведет. Ведь именно в таком возрасте максимально переживаешь из-за своей внешности – например, что приходится носить то, что тебе не идет... Мёнчжун раскрыл шкаф, потянулся к дальнему углу и достал оттуда небольшую коробочку. Там были заколки, которыми пользовалась Хиэ: резиночки и цветочки. Понятное дело, всё исключительно розового цвета, но Рохи, наверное, подойдет. Он выбрал бело-розовую резинку и подозвал девочку рукой. Та бросила на него недоверчивый взгляд, но все-таки опасливо подошла. Она была настороже, но любопытство победило. Мёнчжун убрал ей волосы со лба наверх и закрепил резинкой. Получилось очень миленько.

– На, посмотри!

Рохи глянула на свое отражение в ручном зеркальце.

– На персик похожа.

Он непроизвольно рассмеялся. Рохи потеряла открывшийся лоб.

– Неплохо вроде...

От смущенной улыбки девочки у Мёнчжуна на душе снова начали сгущаться темные тучи. Он подумал о том, что завтра надо будет тайком съездить к ней домой.

23 августа 2019 года, пятница

– Папа, пожалуйста, сделай все! – Рохи смотрела на Мёнчжуна не сводя глаз. – Ну папа...

– Да нет, не «ну папа», а просто «папа». Скажи громко, внятно, с выражением: «Папа, сделай все, пожалуйста!»

– Это для чего?

Мёнчжун прикусил язык: Рохи была не из тех, кому скажешь – и они тут же побежали выполнять. Но сообщение записать как-то надо... Когда родители услышат тревожный голос дочери, то сразу поймут, что дело серьезное, и деньги заплатят послушно, без лишних разговоров. Кроме того, если они будут точно знать, что их дочь пока жива, то не будут обращаться в полицию, чтобы не подвергать ее опасности.

«Что же сказать Рохи? Неужто всем похитителям свои жертвы так уговаривать приходится?»

– Э-э-э, ну... если мне когда-нибудь станет трудно и кончатся силы, это меня подбодрит.

– Так ты ж все равно нигде не работаешь, тебе-то куда силы прилагать?

«Вот же попал! Откуда она узнала, что я безработный? Смотри, какая догадливая... Теперь снова голову ломать, придумывать что-то...»

– Нет, папа тоже работает.

– Что-то ни фиги не заметно. Это когда?

Ну вот, совсем запутался... Что же делать? Может, сменить тему, сказать, что старшим такие слова говорить нельзя? Или снова что-то выдумать? Мёнчжун решил выбрать второй вариант, потому как не был уверен, может ли похититель детей учить других правильному поведению.

– Н-у-у... так я по ночам.

– По ночам? Поэтому и вчера так поздно приехал?

– Угу. – Мёнчжуна кольнули угрызения совести, но он все равно кивнул.

– И чем ты занимаешься? Я ж ничего не помню.

– Потом расскажу. Давай сначала запишемся. Скажи: «Папа, пожалуйста, сделай все». – Он резко поднес телефон к ее рту.

Чем он занимается? Да чем угодно, ей сейчас можно лепить что хочешь. Все равно досконально разобраться во всем она не успеет – максимум через пару дней он ее вернет. Но врать в глаза, которые тебе доверяют, – это все-таки чересчур.

Рохи хмыкнула, но поднесла микрофон к губам. Мёнчжун зыркнул на нее хищным взглядом. Она начала говорить:

– Па...

Мёнчжун с силой ткнул ее пальцем в бок. От боли Рохи то ли выдохнула, то ли выкрикнула: «...па» – и он тут же нажал на «стоп». Девочка переломилась, словно загарпуненная рыба, и сердито посмотрела на него.

– Ты что?!

Не обращая на нее внимания, Мёнчжун резко, будто за ним гнались, вскочил с места и поспешил сохранить файл. А Рохи, сжав кулачки, разогнулась и подскочила к нему. Мёнчжун второпях ретировался из комнаты. «Теперь только б до родителей дозвониться: даем послушать голос, быстро получаем деньги и сразу же возвращаем ребенка. Потом платим за операцию и больше никогда в жизни к этому не возвращаемся», – в душе поклялся Мёнчжун. И подумал вдогонку, что созвониться с ее родителями нужно сегодня же.

– Чё ты там встал? Сюда иди! – зазвенел ее голос по округе.

Рохи хотела отомстить так подло напавшему на нее отцу и пошлепала за ним на своих маленьких ножках. Когда ей казалось, что она его уже догнала, Мёнчжун размашистым шагом отходил в сторону. Она снова бросалась его ловить, а он нарочно подпускал ее поближе и потом уворачивался. Только после нескольких неудачных попыток девочка наконец поняла, что он так над ней потешается. Она остановилась и закусила губу. Бесперывно улыбающийся Мёнчжун тоже перестал валять дурака, остановился и обернулся, потому что больше не слышал стука ее шагов у себя за спиной. Увидев, что Рохи разулась, он подумал, что она сейчас снова бросится за ним, но та вместо этого замахнулась на него кроссовкой.

– Ох!

«Куда уклониться? Влево! Нет, лучше вправо. Нет, все же влево...» В результате этих маневров он зацепился за булыжник и упал, да так, что воткнулся в землю точно лбом.

– Что там с тобой? – Рохи от волнения цокнула языком. Кроссовка по-прежнему была у нее в руке, она ее так и не кинула.

Какой там выкуп, какое похищение... Мёнчжун сейчас думал только о том, что вот как он лежит, так ему сквозь землю и провалиться.

* * *

Убедившись, что девочка заснула, Мёнчжун немного отошел от дома вниз по тропе. Пусть она и спит, но осторожность в любом случае не помешает. Он потер лоб – тот покраснел и уже распух. Мёнчжун достал телефон, послушал файл с возгласом «Па-па!» и покачал головой: что-то как-то неочевидно получилось. Сначала он хотел дать послушать файл Хеын, но потом передумал: обосрет его, как обычно, – и всё. Так что ничего он ей посылать не стал. Изначально Мёнчжун эту запись вообще просто так сделал, чисто для баловства. Но, прослушав еще раз, решил, что она может и в дело сгодиться: хрипловато-приглушенный вопль Рохи вполне можно было принять за крик испуга.

Набирая номер, Мёнчжун про себя умолял, чтобы на этот раз на том конце все-таки взяли трубку. Нажимая на «вызов», он уже вслух открыто бормотал «пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста». Но никто не ответил и на этот раз – Мёнчжун уже со счета сбился в какой. Он со вздохом сунул телефон в карман и снова зашагал по склону вверх к своему дому. Там по-прежнему было тихо. Мёнчжун аккуратно заглянул в спальню – Рохи все так же спала, тихонько посапывая с приоткрытым ртом. Все-таки она была еще ребенком, даже когда с каменным лицом хамила и дерзила; ну а сейчас, во сне, это было особенно заметно. Мёнчжун разулся и плашмя упал на пол рядом с Рохи. Ему вспомнился ее недоуменный возглас «па-па!». Может, она вообще не сильно избалована родительской любовью и не очень привыкла произносить это слово? Если так, тогда жаль ее, конечно. Но

вот ему-то дальше как быть? Что делать? За этими размышлениями Мёнчжун и сам незаметно уснул.

Ему снилась Хиэ, она сильно плакала. Он пытался ее утешить, тянул к ней руки, но достать до нее не мог – их разделяла холодная стеклянная перегородка. Мёнчжун начал колотить по стеклу, кричал «что случилось?» и «кто тебя обидел?», но дочка понурив голову лишь горько плакала навзрыд: звуки рыданий глухо пробивались даже через стекло. Теперь ему надо напрячь мозг и придумать, как к ней пробраться. Самое странное, что дверей вообще нигде не было: ни с его стороны, ни с ее. Но ведь их же как-то сюда поместили? Ощущение было такое, словно они находятся в огромном, разделенном на две части резервуаре типа аквариума, в который пока еще не запустили акул.

Тут Хиэ подняла голову – и его охватил ужас: от текущих слез лицо дочери начало медленно искривляться, растворяться, становясь словно размазанным: будто кисточку с красками опустили в воду. Мёнчжун протер глаза, а когда поднял их снова, на него уже смотрело лицо Рохи.

Она, в отличие от Хиэ, не плакала. Казалось, что Рохи напрягает все силы своего маленького организма, чтобы неотрывно смотреть на Мёнчжуна. И это не был ее обычный ровный взгляд. Нет, сейчас он был мощный, острый, будто пронизывающий насквозь... Мёнчжун уже не бил по стеклу, а застыл, прикусив губу от напряжения. Ему почему-то было страшно. И тут Рохи произнесла:

– Что ты наделал?

И Мёнчжун сразу все понял. Еще не проснувшись, он догадался, отчего ему снится именно такой сон. Это все из-за похищения. Из-за того, что, спасая своего ребенка, он решился подвергнуть опасности чужого. Вот поэтому так плакала Хиэ: запертая в пространстве, откуда нет выхода и где бессмысленно ждать помощи, ей оставалось только растворяться и исчезать в потоке собственных слез.

– Пр...ст...и

Слова почему-то застревали у него во рту – как будто ему в глотку кто-то вставил такую же стеклянную перегородку, не давая звукам вырваться наружу. Или даже не так: как будто кто-то сдавил ему горло так сильно, что было трудно дышать. Видимо, Хиэ можно спасти, только если он извинится и будет прощен. Мёнчжун уже не мог

свободно пошевелить дрожащими руками; задыхаясь, он начал плакать от своего бессилия, потому что ничего другого больше сделать не мог. От этого зрелища лицо Рохи понемногу стало искажаться. Мёнчжун подумал, что оно сейчас тоже начнет размазываться, как у Хиэ, но нет: на ее лице отразилась жалость. Сквозь ее гнев в какие-то моменты стало проступать любящее лицо, и от этого угрызения совести начали терзать его еще больше. Мёнчжун расплакался так сильно, что не мог дышать: он раскрыл рот пошире, и слезы текли прямо в горло холодными струями.

«Холодными?..» На этом месте Мёнчжун резко проснулся и раскрыл глаза. Его лицо было все мокрое – видимо, он действительно плакал во сне. Над ним склонилась Рохи:

– Так больно?

– А? Что? – рассеянно переспросил Мёнчжун, утираясь.

Холодная вода – откуда ей здесь быть? Он прикоснулся ко лбу и нащупал какой-то маленький холодный кубик. Это был лед.

– Я думала, что ты плачешь оттого, что лоб распух. Это ерунда, перестань, ты же взрослый мужчина...

Как и во сне, Рохи смотрела на него строго, но на ее лице была видна забота. «Наверное, из-за распухшего лба так волнуется. Потому и лед приложила, невинная душа... Знала, что нужно холодное прикладывать, но не догадалась в полотенце или в тряпку завернуть». От ее неуклюжей доброты у Мёнчжуна еще больше защемило в груди.

«Нужно быстрее ее возвращать, хватит уже с меня преступлений».

* * *

Поздно ночью Мёнчжун вышел из дома и спустился с горы. Рохи вышла его провожать: дошла до края двора и теперь спокойно смотрела на него сверху вниз. «Может, попрощаться хочет», – подумал он, но увидел, что она лишь неловко дернула рукой и тут же ее опустила. Мёнчжун же на это отмахнулся, мол, «да ладно, не надо». В темноте видно не было, но Рохи точно улыбнулась.

Спускаясь по тропе, он набрал Хеын. Нужно ее предупредить, что он поедет к девочке домой и сам посмотрит, что там и как, раз

родители трубку не берут. В глубине души у него имелись опасения, что это неправильный шаг и что ездить туда не надо. Пошли гудки, но бывшая жена тоже не отвечала. Мёнчжун глубоко вздохнул и сбросил звонок. «Достали уже, что за мода такая – никто трубку не берет! Всё, хватит, как сделаю, так и будет». Он решил общаться с ней жестко. Но через секунду уже писал сообщение:

Дозвониться не смог, они не подходят к телефону. Съезжу разведать обстановку на месте.

Мёнчжун успел дойти до конца тропинки, а ответа от бывшей все не было. «Сама всю эту кашу заварила, меня втянула, а сейчас непонятно чем занимается! Или это с Хиэ что-то случилось?» Нехорошие мысли полезли одна за другой. Ему хотелось все бросить и помчаться в больницу, но у него было незаконченное дело, и он решил сначала разобраться с ним. Тем более что это был далеко не первый раз, когда жена не отвечала на звонки и сообщения. Так что не привыкать.

Мёнчжун сел в машину и завел двигатель. Дорога была знакомой: по ней он вез сюда Рохи, такое точно не забудется. Проехав по трассе, Мёнчжун свернул направо на подъезде к нужному микрорайону, потом проехал немного вперед и на развилке снова свернул направо. Чем больше он углублялся в этот жилой комплекс, тем выше становились стены домов, окружавших его с обеих сторон дороги. Элитное, роскошное жилье.

Подъезжая к кварталу, где жила семья Рохи, Мёнчжун понемногу сбросил скорость. Его не покидало странное ощущение. Что-то здесь было не так, что-то изменилось с прошлого раза. Времени с тех пор прошло немного, и он догадался, что его сейчас смущает. На часах было 11 вечера. Примерно в это же время он позавчера сюда и приезжал. Вот только света сейчас было сильно больше – почти в каждом доме горели окна. Мёнчжун даже фары мог не включать – все и так было видно. А в прошлый раз в домах было темно – горели только уличные фонари... Сегодня все было иначе. Он тащился по району с черепашьей скоростью и также по-черепашьи вытягивал шею, осматривая дома по обеим сторонам проезда – не спали практически нигде. И это обстоятельство Мёнчжуна почему-то совсем

не радовало. Дурное предчувствие туманом за клубилось у него в груди. Он покачал головой: «Давай без паранойи. Сейчас важнее выяснить, чем так заняты родители Рохи. Они в курсе, что у них вообще-то ребенок пропал?»

Мёнчжун свернул налево и, оказавшись ровно на том самом месте, где в прошлый раз сбил Рохи, остановил машину. Перед нужным ему домом творился какой-то бардак. Точнее, даже не совсем бардак – просто дом был со всех сторон окружен толпой людей. Тем, кто стоял сзади, мешали головы передних, поэтому они раскачивались из стороны в сторону, чтобы увидеть, что же там происходит. Похоже, народ так спешил сюда, что даже свет в домах не успел потушить.

Выключив фары, Мёнчжун сдал чуть назад. Инстинктивно он догадался, что при таких раскладах лучше не подъезжать прямо к дому на глазах у всей толпы. Оставил машину чуть поодаль и к месту скопления людей пошел пешком. Чем ближе он подходил, тем плотнее становился гул. Люди смотрели в сторону дома с нескрываемым любопытством.

Мёнчжун оглядел зевак. Ему нужен был кто-то говорливый, кто охотно поделился бы с ним тем, о чем судачат люди, при этом не сильно интересуясь, что здесь делает посторонний мужчина явно не из этого района. Он обратил внимание на женщину лет пятидесяти, подошел поближе, но та даже не взглянула на него.

– А что тут случилось?

То ли его расчет оказался неверным, то ли женщина просто не расслышала вопрос, но она, скрестив руки на груди, с застывшими зрачками продолжала смотреть прямо перед собой. Мёнчжун произвольно повернулся в ту же сторону. Видно ничего не было – люди впереди загораживали обзор. Сам он был немаленького роста, но перед ним возвышалась голова высокого худощавого мужчины в одной пижаме. «Похоже, прямиком из постели выскочил и сразу сюда прибежал...» Мёнчжун наклонился чуть в сторону от маячившей головы – и остолбенел от изумления.

Вход в дом Рохи был перекрыт – его охраняла полиция. Наверное, из местного отделения на усиление прислали. Но если так, то тогда что-то должно было случиться внутри дома...

И тут кто-то закричал:

– Выходят!

Ворота открылись, из них показался полицейский в белом защитном комбинезоне и маске. Руки у него находились за спиной – он нес что-то, накрытое белым покрывалом. Труп! По толпе волной прокатился гул. Кто-то зацокал языком, у кого-то вырвался стон.

– Ч-ч-что тут с-с-случилось?

Вопрос задал кто-то из собравшихся. Мёнчжун развернулся, чтобы получше расслышать ответ: похоже, что молодая девушка, обхватившая себя руками, сейчас объяснит, что к чему.

– Говорят, что убийство.

У Мёнчжуна в голове словно белая вспышка полыхнула. Он отрешенно посмотрел на носилки: было непонятно, мужское это тело или женское, кто-то из родителей Рохи или еще некто. У Мёнчжуна все мысли перемешались, словно его двинули по голове чем-то большим и тяжелым.

И тут народ снова зашумел – на улицу вынесли еще одно тело.

Глава 2

Убийство

Ку Окпун жила и работала здесь уже четыре года – с тех пор, как сын решил открыть свое дело и попросил у нее в долг на развитие бизнеса. Все свое имущество – а на ее имя был записан лишь захудалый домишко – она продала, отдала деньги сыну и переехала жить к нему и невестке. Но деньги деньгами, а все равно Окпун чувствовала себя обузой, и на душе у нее словно лежал тяжелый камень.

Где-то через год совместной жизни обстановка в семье стала натянутой. Всякий раз, когда невестка проходила мимо сына, она делала несчастные глаза, а еда на столе день ото дня становилась все скромнее и скромнее. Однажды утром, где-то в полдесятого, Окпун зашла на кухню: там было непривычно тихо. Тогда она заглянула в спальню – дверь туда была открыта словно напоказ – и увидела, что невестка валяется на кровати, повернувшись к ней спиной. «Разбудить ее, что ли? Или сначала завтрак приготовить, а потом разбудить?» Погруженная в эти раздумья, Окпун вышла в коридор, а потом направилась в клуб общения старшего поколения. В последующие дни ей доводилось, как и раньше, сидеть за одним столом с невесткой, но все чаще и чаще она уходила из дома в клуб, где и проводила все больше и больше времени.

Там у нее появились подружки. Одна из них начала подрабатывать, помогая людям по дому. Окпун решила пойти по ее стопам и тоже обратилась в Центр занятости населения. Молодая сотрудница центра, на вид не больше 26–27 лет, сразу предупредила: «Ну, без опыта работы шансы не очень», но телефон у Окпун все-таки взяла. А ведь Окпун ее обманула: когда спросили, доводилось ли ей работать с привилегированной клиентурой в домовладениях премиум-класса, то она даже не поняла, о чем идет речь, но на всякий случай кивнула...

Так она и оказалась здесь. Место предполагало постоянное присутствие прислуги в доме, то есть проживание вместе с хозяевами. Поначалу Окпун сомневалась, но в конце все-таки приняла предложение. Сын с невесткой тоже поначалу не знали, как

реагировать на эту новость, но стоило женщине сказать, что жить она будет у нанимателей, как невестка тут же приготовила на ужин дорогую вкусную рыбу.

Так прошло четыре года. Работа была не очень тяжелой. В принципе, людям для жизни нужно примерно одно – прибраться, приготовить да постирать. Когда она изредка что-то путала и делала не так, то, конечно, приходилось выслушивать упреки, но «уж лучше здесь за деньги, чем дома от невестки бесплатно» – так она считала. В доме этом жила семья именитого профессора Чхве Чжинтхэ, но чем конкретно он занимался, ей было непонятно: Окпун и слов таких не знала – что-то труднопроизносимое. Жenu этого научного профессора звали Со Чжинью – это была очень приятная и добродушная женщина. Целыми днями она либо читала, либо распивала чай, а когда Окпун заходила к ней прибраться, то деликатно выходила в сад, чтобы не мешать домработнице. У супругов еще была дочь, причем занята она была не меньше, чем отец. Когда Окпун впервые ее увидела, то поначалу приняла за мальчика: стрижка короткая, взгляд твердый. Правда, лицо у нее было необычной белизны, и губы ярко-красные, так что когда у нее отрастали волосы или она надевала юбку, то девочку можно было бы назвать красивой. Вот только даже в разгар лета она чуть не каждый день носила плотную куртку-кимоно и широкие, волочащиеся по земле штаны-шаровары. Лишь потом, когда девочку показали по телевизору в программе о молодых дарованиях, Окпун поняла, почему дочь профессора все время носит такую форму: она занималась корейским мечевым боем.

Много ухода за ней не требовалось: Окпун нужно было лишь прибраться у нее в комнате и стирать белье. Когда девочка приходила со своего фехтования, то занималась с учителем английского. Когда английский заканчивался, приходил репетитор по другим предметам или еще какой учитель. По сути, времени отдохнуть у бедняжки не было. Окпун как-то захотела ей помочь и хотя бы портфель разобрать, так та не дала, сказала: «Я сама» – и точными, уверенными движениями рук расставила книги по нужным местам, строго следуя четкому принципу: для каждого предмета своя полка, внутри полки книги выставлены по размеру – точно так же, как и у ее отца. Вот уж воистину родная кровь...

В общем, работа в этой семье если и не была совсем уж курортом, то и слишком изнурительной ее тоже назвать было сложно. Поэтому Окпун решила, что если позволят, то она будет помогать им до тех пор, пока силы остаются. И тут профессор обратился к ней с предложением:

– У вас же как такового отпуска еще не было? Вот, съездите куда-нибудь, отдохните, развейтесь, а потом снова за работу. – И он с улыбкой протянул ей пухлый конверт.

Видя, что глаза на ее морщинистом лице округлились от удивления, профессор снова улыбнулся:

– Вы же за все это время отпуск ни разу не брали? Ну так навестите сына или отправьтесь куда-нибудь в путешествие.

Окпун долго отнекивалась и отказывалась, мол, не нужно, «да какое там путешествие?» и «зачем мне столько?», но все это было притворством – искренности здесь не было от слова «совсем». С сыном увидеться ей не так уж чтобы очень хотелось, но вот по внукам Окпун соскучилась. С такими деньгами она может детишкам и одежонку новую прикупить или мяса на ужин, так чтобы не смотрела на нее невестушка каждый день таким кислым взглядом.

Ее план сработал на отлично: внуки, оторвав задницы от дивана, схватили подарки в охапку и запрыгали вокруг бабушки, как семечки на сковороде. А невестка не поскупилась поставить на стол крабов в соевом маринаде – деликатес, который ей передали из родительского дома. И общалась со свекровью так почтительно! Чуть не после каждого слова приговаривала: «Матушка, матушка», – ох и приятно ж было! Окпун все настолько нравилось, что она собиралась пробыть здесь еще пару дней, но постепенно ей вновь стало не очень уютно: и детям, похоже, бабушка стала надоедать, и во взгляде невестки явственно читалось: «Когда же она наконец уедет?» А когда родной сын за ужином спросил: «Мама, а тебя, часом, не уволили?», то это стало последней каплей. После этих слов ей от злости захотелось опрокинуть на родственничков стол, за которым они все так дружно сидели. Стол она, естественно, опрокидывать не стала – просто сделала вид, что нужно уходить, и где-то около семи вечера вышла из дома. Сын ее не удерживал и не просил остаться на подольше, а невестка, проводив до ворот, попрощалась и заперла засов.

Женщина хотела было взять такси, но передумала и поехала на автобусе. К дому своих хозяев она подъехала в 20:12. В это время доктор Чхве (ну тот, который профессор) обычно еще не был дома, или же если приходил, то сразу спускался к себе в лабораторию, располагавшуюся на цокольном этаже. Супруга же его в это время ложилась спать, если уже не лежала в постели. Окпун отперла ворота во двор своим ключом и прошла по ухоженному саду, порядок в котором раз в три месяца наводила специальная служба. Подойдя к входной двери, женщина набрала код на электронном замке и вошла внутрь.

– Ой-ой-ой, что это за вонь? – Она тут же зажала нос.

С таким запахом Окпун никогда не сталкивалась за все семьдесят лет своей жизни. Все окна и двери в доме были закрыты. В новостях передавали, что температура у них в Йонине обновила прошлогодний рекорд и достигла максимума за всю историю метеонаблюдений – 40 градусов, и это еще с учетом ветра и влажности.

Сперва Окпун подумала, что хозяева куда-то уехали и по рассеянности оставили продукты, и вонь в непрветриваемом помещении идет от них. Тогда ей не пришло в голову, что даже испорченные продукты так сильно вонять не могут. А смрад стоял такой, что она чуть сознание не теряла.

– Госпожа Со! – Окпун позвала хозяйку, но той нигде не было.

По-прежнему зажимая нос, Окпун прошла в гостиную и стремительно, как на добычу, кинулась к балконной двери. К этому моменту у нее по спине уже ручьями лил пот. Она думала, что сейчас в комнату ворвется жара, но странное дело – воздух с улицы показался ей прохладным. Выходит, что это внутри дома была такая неестественно высокая температура. А почему? Разве может быть такая парилка лишь из-за того, что все закрыто? Домработница начала осматривать дом. В гостиной была еще одна дверь, ведущая во внутреннюю комнату. Туда Окпун никогда не заходила. Профессор всегда запирает эту дверь на ключ, а ключ всегда носил при себе. Когда он брал ее на работу, то сказал, что ни в этой комнате, ни в лаборатории прибираться не надо. Ей было, конечно, любопытно, что там такое находится, но она никогда не пыталась разузнать подробности. «Лезть в личную жизнь хозяев или распускать о них слухи – это прямая дорога к увольнению», – именно так ей и сказали в

агентстве по подбору персонала. Однако сейчас дверь в ту комнату была приоткрыта, и Окпун почувствовала, что туда обязательно нужно зайти. Сглотнув слюну, она осторожненько-осторожненько подошла к дверям.

– Господин доктор! – Никто не отозвался; тогда она слегка толкнула дверь кончиками пальцев. – Ой, батюшки! – И, помянув покойного отца, на подкашивающихся ногах попятилась назад.

В самом центре комнаты на полу лежал Чхве Чжинтхэ – он был проткнут здоровенным мечом с лезвием в метр длиной или даже больше. Из-за длинной рукояти, застрявшей у него в животе, профессор чем-то напоминал рыбу-удильщика. Вокруг было ужасно много крови – казалось, что пол покрыт красным ковром или покрывалом. Сумрак комнаты немного отступал перед светом уличного фонаря, проникающим через неплотно задвинутые светонепроницаемые шторы.

Продолжая пятиться, Окпун выбралась из дома на улицу. Трясущимися руками она едва сумела достать телефон и теперь в растерянности смотрела на экран, не зная, кого набирать: службу спасения или полицию. Наконец набрала службу спасения и назвала адрес. Но даже тогда она не догадывалась, что в той жуткой комнате до сих пор находился еще один человек. Этим человеком была хозяйка – госпожа Со Чжинью. И именно от ее разлагающегося тела и шла такая вонь.

* * *

Расследование дела было поручено инспекторам Пак Саньюну и Чхэ Чонману из городского управления полиции Йонина. К их приезду сотрудники местного отдела уже успели выставить оцепление и натянуть заградительную ленту, чтобы блокировать территорию от толпы зевак. Зайдя внутрь, детективы увидели, что на месте преступления работает бригада криминалистов во главе с их знакомым экспертом Са Икчуном, который сам подошел к разыскникам.

– Обстановка на месте не нарушена: после того, как заявительница от испуга покинула дом, больше в него, судя по всему, никто не заходил.

– Благодарю за службу и надеюсь на дальнейшее сотрудничество.

Икчун не понял, что Саньюн балагурит; вместо ответа наморщил лоб – мол, зачем, это же моя работа – и пошел в дальнюю комнату, что была за гостиной. Похоже, что тела после звонка в полицию действительно никто не передвигал. Когда свидетельница сообщила об убийстве в службу спасения, то сразу же поступил запрос на привлечение к работе людей из городского уголовного розыска и Национальной службы судмедэкспертизы. Саньюн и Чонман надели латексные перчатки, бахилы и тоже зашли в гостиную. В принципе, там все было в порядке, так что они последовали за Икчуном во внутреннюю комнату, где, видимо, все и происходило. Ужасный запах разлагающегося тела заполнял все помещение, да и само место преступления выглядело кошмарно. Как и говорила заявительница, мужчина был проткнут длинным клинком, кровь заливала весь пол аж до порога. В самом дальнем углу комнаты стоял распахнутый настежь и абсолютно пустой сейф. Если повезет, то на нем останутся отпечатки – рядом уже стоял маркер с номером улики.

– Следы есть?

– Угу. Вот только не обуви – носков. Да и стопа не вся полностью отпечаталась, так что вывод о предположительном размере сделать будет сложно.

Саньюн по старой привычке потер указательным пальцем висок и погрузился в размышления.

– Шеф, взгляните.

Он повернулся на оклик Чонмана. На лестнице, ведущей на второй этаж, сидела пожилая женщина, прислонив голову к деревянным перилам. «Ага, это, должно быть, Ку Окпун: она и труп первой увидела, и в полицию сразу позвонила», – догадался детектив. Ему, конечно, хотелось лучше обследовать комнату, но и беседа со свидетельницей тоже очень важна.

– Вы же госпожа Ку, правильно?

Та кивнула: в лице бедной женщины не было ни кровинки.

– Как вы себя чувствуете? Может, вас отвезти в больницу?

– Нет, все нормально. Это у меня от испуга... Ноги не держат...

– Мы бы хотели задать вам несколько вопросов, не возражаете?

Старушка сглотнула слюну, облизала пересохшие губы и с трудом произнесла:

– Хорошо.

Саньюн мотнул головой, давая знак подчиненному. Чонман сразу все понял, быстро огляделся по сторонам и принес из кухни стакан воды из кулера. Окпун лишь чисто символически смочила губы и тут же обхватила стакан двумя руками. Казалось, что если б она за него не держалась, то и сама не смогла бы больше сдерживаться.

– Давайте начнем с обстановки в доме. Расскажите, пожалуйста, что вы увидели, когда зашли внутрь.

Услышав спокойный голос Саньюна, Окпун подняла взгляд и заозиралась, словно ища кого-то глазами. Саньюн тут же сообразил, что это могло означать.

– Да, вы уже рассказывали это полиции, но прошу вас повторить еще раз, просто для того, чтобы уточнить некоторые детали.

Женщина кивнула и медленно начала говорить. С учетом того, что она была напугана и скована шоком, рассказ получился относительно внятными и логичными.

– Я не знала, что и госпожу тоже...

Приехав по вызову, полицейские обнаружили еще один труп. Свидетельница второпях не заметила его, так как он лежал за шторами. Когда домработнице показали тело, та неуверенно сказала, что это вроде как действительно ее хозяйка Со Чжинью. Труп уже начал разлагаться и сильно распух от газов, образуемых во внутренних органах. В таком состоянии его даже родные точно опознать не смогли бы: тело раздуло, словно воздушный шар, который вот-вот лопнет. Ку Окпун опознала хозяйку лишь по ночной сорочке и по ожерелью. Понятно, что точные результаты даст лишь вскрытие, но на текущий момент можно было сказать, что жертва на 99 процентов является супругой убитого профессора.

– Когда вы зашли в дом, ничего странного не заметили? Ну, помимо того, что было очень жарко? Может, что-то пропало?

– Пропало... – механически повторила Окпун вслед за инспектором, и тут ее осенило. Она сейчас была похожа на человека, которого шибануло током: глаза выпучены, челюсть отпала. Стакан, за который она держалась как за спасательный канат, выпал из рук и, шмякнувшись о мраморный пол, со звоном разлетелся на мелкие осколки.

– Рохи!

– Что?

– Рохи пропала, профессорская дочка!

Ее крик, скорее похожий на рыдание, сменился пронзительной тишиной.

* * *

В голове у него все перемешалось, в глазах – сплошной туман. Или это не в глазах, а в голове помутнение? Сердце бешено колотилось от дурных предчувствий. Чем дальше он уезжал и чем хуже ему становилось, тем сильнее он давил на газ. Похоже, что мотор этой старой развалюхи не справлялся с такой нагрузкой: машина тряслась всем кузовом, но Мёнчжун этого просто не слышал – ему было не до этого. Да что ж там в конце концов произошло? Ведь он оттуда только девчонку забрал, а тут родители убиты... Кто это сделал? Полиция уже начала расследование. Понятно, сразу выяснится, что ребенок пропал. И что, они тут же подумают, что похититель и убийца – это разные люди? Ага, как же... Вопросы наваливались на него скопом, хороня под собой.

«Стоп!» Резкий удар по тормозам, визг колес, машина застыла у обочины. Мёнчжун как припадочный зашарил по карманам в поисках телефона. Нашел, начал вытаскивать, в суете уронил куда-то на коврик, так что пришлось нагибаться и поднимать. Потом открыл бардачок, достал упаковку салфеток, в спешке выдернул сразу несколько штук и лихорадочно начал протирать поверхность телефона, стирая отпечатки. Этого ему показалось мало; он вытер мобильный о майку и штаны, а потом еще раз салфеткой, после чего забросил в кусты. Потому как его звонки на телефон профессора наверняка окажутся последними. Пусть убитый на них и не отвечал, но полиция обязательно пробьет номер, с которого звонили. Да, телефон «левый» и официального владельца они не найдут, но откуда шло соединение они установят: определят ближайшую базовую станцию, принимавшую сигнал, и его одинокий дом на склоне горы вычислят без проблем, это просто вопрос времени. Сколько у него осталось? Дня два? Или уже через день у его дома нарисуются легавые? Мёнчжун снова завел машину. Вот только свернул не направо, к дому, а налево.

Проехав по трассе еще где-то минут 50, он достиг темного участка дороги и углубился в горы. Мёнчжун хорошо знал эту местность. После продажи дома у него не осталось вообще ничего: жить ему было негде, и в поисках хоть какого-то крова он добрался до этого района. Камер наблюдения здесь было мало, а те, кто мог его узнать, старались обходить это место стороной – район был неблагополучный и пользовался дурной славой. Одна фирма начала было застраивать его малоэтажками, успела поставить только коробки зданий, но потом обанкротилась и перестала ими заниматься, так что в округе постепенно воцарялся бардак. Миновав так и не облицованные стены малоэтажек, Мёнчжун проехал чуть дальше в горы и заглушил мотор. Раз тропинок нет, то и жилья нет, а значит, и свидетелей не будет.

Выйдя из машины, он открыл крышку бака и сделал глубокий вдох; в воздухе уже чувствовался густой запах бензина. Порывшись в карманах, Мёнчжун достал зажигалку. Дочка всегда ругала его за то, что он курит, и Мёнчжун собирался выбросить зажигалку, да все руки никак не доходили. Он заозирался по сторонам – рядом валялся кусок обоев. «Ага, пойдет на фитиль». Собравшись с духом, он поджег бумагу, сунул в бензобак и тут же бросился бежать от машины как можно дальше. Секунды не прошло, как прогремел мощный взрыв. Обернувшись, Мёнчжун увидел, что автомобиль весь объят пламенем.

«Нужно встретиться с Хейн», – подумал он.

– Это зачем?

Многие считают, что в разгар рабочего дня в кафе народа немного. Но в этом, расположенном на стыке нескольких жилых комплексов, все было не так: здесь толпилось столько мамаш и носилось взад-вперед столько детей, что было непонятно – это нормальное кафе или фудкорт в центре развлечений. Именно в таком месте Хейн и показала ему фотографию, еще и приговаривая, как сваха: «Роскошный вариант – берегла, как могла, исключительно для тебя». Эх, знать бы тогда, чем дело обернется, – не повелся бы ни на какие деньги, пусть даже их не только на операцию дочке, но еще и на свой дом хватило бы...

На фотографии была девочка лет десяти-одиннадцати. Одета она была в какую-то черную спортивную форму, типа как у кэндоистов^[10]. Перетянутая поясом стройная фигурка выглядела не хрупкой, а вполне себе крепкой. Штаны на ней были широкие, мешковатые и, казалось, раздувались на ветру, но для кэндо это было как раз самое то. В одной руке девочка держала меч, но видна была только рукоять, а что там за клинок – металлический или деревянный, – было непонятно. Обычно детям поначалу дают деревянные мечи, но взгляд у фехтовальщицы был такой жесткий и резкий, что можно было догадаться, что тренируется она уже давно. Стрижка у нее была короткой, мальчиковой, да и в целом она походила на пацана. Хотя с такой чистой светлой кожей и огромными глазами могла участвовать в кастингах детей-моделей.

Игнорируя непонимающий взгляд Мёнчжуна, который смотрел на фото с видом «при чем здесь ребенок?», Хейн взяла со стола чашку кофе, поднесла к губам и сделала небольшой глоток.

– Ты ее украдешь.

«Пи-и-и-ип» – его накрыл звон в ушах, словно посылая предупредительный сигнал тревоги. Мёнчжун заткнул правое ухо и посмотрел вокруг: обычный будний день, заурядное кафе, местные тетушки ведут досужие разговоры, обсуждая, с чего вдруг упали цены на недвижимость... И тут среди этой обывательской идиллии – похищение. Такие вопросы вот так походя не обсуждаются. «Нет,

реально, почему из всех вариантов – именно похищение? С чего вдруг так резко?» Он был просто ошарашен таким предложением, а Хейн говорила, словно заколачивая клинья в потухшего взглядом Мёнчжуну:

– Ее отец – заведующий больницей, мать – домохозяйка. Богатство им по наследству досталось.

Когда-то давно его старый товарищ по школе неожиданно позвонил, предложил срочно встретиться, а потом начал трясти перед ним «ковриком здоровья»^[11]. Тогда Мёнчжун без лишних слов встал, развернулся и ушел. Вот и сейчас он выудил из кармана бумажку в 5000 вон. Кофе стоил 3800, сдачи было жалко, но он все равно бросил купюру на стол.

– Послушай сначала. Не понравится – удерживать не буду.

Мёнчжун сделал утомленное лицо, повернулся к бывшей и снова плюхнулся на место. По Хейн было заметно, что она этого ожидала. Хотя на самом деле причина, по которой он вернулся, была другая. Они с детских лет вместе росли в сиротском приюте, и ему всегда было любопытно, что же такое творится в голове у этой Со Хейн. Вот и сейчас он не мог понять, как же можно такой уродиться. В любом случае нужно разобраться, что она задумала. Ведь если он сейчас уйдет, то она может и с цепи сорваться. Из таких соображений Мёнчжун и вернулся назад. Уже потом, вспоминая этот момент их встречи, он частенько задумывался: «А что, если бы я тогда все-таки просто встал и ушел?»

Хейн теперь говорила чуть тише:

– Я узнавала: иногда девчонка остается дома совсем одна. Вот в такой день ты ее и уведешь. А потом позвонишь отцу.

Мёнчжун криво усмехнулся одной стороной рта:

– И?..

– И потребуешь денег. Сколько там нужно за лечение Хиэ заплатить?

«“Потребуешь денег...” Это из-за них я должен выслушивать бредни этой бабы, которая даже не знает, сколько стоит лечение ее дочери, балансирующей между жизнью и смертью», – подумал Мёнчжун, но вслух ничего не сказал, продолжая молча смотреть на Хейн. А та и не дожидалась его ответа – продолжала говорить сама:

– Триста миллионов? Смело заряжай папашке пятьсот – он заплатит.

– Слышь, у бреда тоже берега должны быть!

– Да знаю я, ты у нас сама доброта... Вот только что будет с Хиэ? Ее как спасти будешь? Не волнуйся ты так, детей же для чего похищают? Заберешь девчонку, созвонишься, получишь выкуп и вернешь в целости и сохранности – вот и всё. В таком вот ключе.

Хеын вела себя так, словно открывала Мёнчжуну глаза на то, как выйти из тяжелого положения. Вот только ему совсем не хотелось плясать под ее безумную дудку.

– Ты, похоже, совсем головой поехала, в заведующем клиникой с чего-то вдруг идиота увидела... Да он тут же в полицию заявит! Думаешь, сейчас такое прокатывает?

Но на его слова бывшая лишь непринужденно рассмеялась и посмотрела на него своим обычным взглядом: с жалостью и чувством превосходства гроссмейстера, на голову выше своего оппонента, просчитывающего его действия на несколько ходов вперед.

– Не волнуйся; у них не будет другого выхода, кроме как заплатить.

– Это как так?

– Всего пока рассказать не могу, но для начала скажу лишь вот что...

Женщина подалась вперед, Мёнчжун как зачарованный придвинул ухо поближе.

– Папаша ее в своих кругах, конечно, известный доктор и профессор, его имя каждая собака знает, вот только дома он над своей дочкой тайком издевается.

– Что? – Его голос непроизвольно сорвался на крик.

Хеын скорчила гримасу, показывая взглядом, чтобы он вел себя потише. Хотя это было излишне: посетительницы кафе никакого внимания на Мёнчжуна не обратили.

– Насилие над детьми, говорю. Мы ее забираем, делаем фото и требуем выкуп. Заплатит как миленький, и в полицию обращаться не будет.

– Но все равно... так же нельзя... у меня самого дочка...

Его реакция словно напрягла Хеын.

– Да мы же, по сути, ради нее это и делаем. Деньги получишь, а потом сообщай в полицию сколько влезет, если такой жалостливый. Или чужого ребенка спасти хочешь, а своего – нет?

Она явно давила на Мёнчжуна, чтобы получить его согласие прямо здесь и сейчас. И, по правде говоря, тогда-то он в глубине души и решился: «делаем ради нее» звучало совсем по-другому, маскируя изначальный смысл «совершаем преступление».

Его веки дрогнули, и в этот момент раздался звонок – на телефоне был номер больницы. Мёнчжун поднял трубку, словно прыгнув с головой в омут.

– Это звонят из больницы. У Хиэ начался приступ, она сейчас в реанимации, ей оказывается экстренная помощь. Приезжайте быстрее!

Мобильник упал на пол – у него отнялись руки. Хейн смотрела на него, не понимая, что происходит.

«Если и спасать ребенка, то своего».

24 августа 2019 года, суббота, ночь

В ходе расследования было установлено, что Чхве Рохи, одиннадцатилетняя дочь убитых супругов Чхве Чжинтхэ и Со Чжинью, школу не посещала, так как была переведена на домашнее обучение. Девочка была очень талантливым ребенком и настолько опережала в развитии своих сверстников, что в виде исключения учителя приходили к ней сами. Также она, уже по своей инициативе, посещала дополнительные курсы для одаренных детей. Когда Рохи возвращалась домой, то либо сразу шла к себе в комнату, либо отец отводил ее в обустроенную в подвале лабораторию, где они вместе проводили много времени. В общем, ухода за девочкой много не требовалось. Вот только ни в своей комнате, ни на курсах, ни в лаборатории ребенка не было.

Саньюн сразу отзвонился начальству и доложил ситуацию: пусть создают общий штаб, координирующий работу убийного отдела уголовного розыска и службы поиска пропавших без вести несовершеннолетних. Подавляя внутри себя излишнюю спешку и суету, он размеренно вернулся к осмотру. Понятно, что исчезновение девочки и убийство не могут быть не связаны, так что нужно как можно больше выжать из места преступления.

– Тут есть камера наблюдения, отслеживающая дорогу перед домом, так что проверь, кто заходил внутрь. А главное – посмотри, нет ли на видео девочки.

– Есть! – Чонман кивнул и, прихватив блокнот, вышел.

Камеры здесь должны быть – это все-таки Ынпха-дон^[12], самый элитный район города, – так что ребенок найдется. Пропала она или ее похитили – сейчас выводы делать рано. «Главное – что не труп», как любил приговаривать Саньюн.

Бригада криминалистов под руководством Са Икчуна все еще занималась сбором улик.

– Время смерти удалось установить?

Вместо ответа Икчун мотнул подбородком в сторону полицейского, с побелевшим лицом стоящего у плотных светоизолирующих штор.

– Открой.

Полицейский по команде отдернул занавеску, и тут глазам Саньюна открылось такое, от чего он, опер убойного отдела с более чем десятилетним стажем, аж крикнул. Стоявший рядом с ним следователь, заткнув рот и нос, тут же бросился вон из комнаты. Стало понятно, почему полицейский у окна так побледнел. За шторами был скрыт труп женщины. Несмотря на то, что лето было в самом разгаре, ее тело в белой ночной рубашке лежало на матрасе с электроподогревом. Внутренние органы у нее, судя по всему, сильно раздулись, так что труп тоже распух, а нижняя часть тела уже даже начала разлагаться. А еще в доме действительно было очень жарко.

– Когда свидетельница вошла внутрь, бойлер был выставлен на шестьдесят восемь градусов. Вода из котла подавалась по трубам отопления в комнаты, температура в которых достигала как минимум семидесяти градусов. Все окна и двери в доме были плотно закрыты – похоже, специально с целью того, чтобы разложение шло быстрее. Так что тут сколько ни ковыряйся, всё без толку.

Время смерти обычно определяют по трупному окоченению, ну и еще ректально замеряют температуру тела. Здесь же и в помещении температуру подняли, да еще и тело в электроматрас укутали, чтобы уж наверняка. К тому же и разложение тела в таких условиях шло значительно быстрее, поэтому обычными способами время смерти установить стало невозможно. Оставалось лишь надеяться на «вскрытие покажет»: тогда можно будет изучить содержимое желудка, увидеть, что жертва ела в последний раз, и примерно определить время смерти.

– Тут выяснилось, что еще и ребенок пропал – девочка одиннадцати лет, – так что ты давай быстрее запускай процесс, чтобы дело признали особо важным. Тогда и результаты вскрытия сразу получим.

Икчун раскрыл рот от удивления: он пока еще не знал об исчезновении ребенка. Обычно первые результаты аутопсии приходится ждать долго – как минимум две-три недели. Оно и понятно: судмедэкспертов мало, а работой их каждый день заваливают

с головой. Но если дело признают особо важным, то можно подать заявку на срочное исследование, и тогда предварительные результаты тебе – по крайней мере, устно – могут сообщить в тот же день. Пропажа ребенка к такой категории дел относится однозначно. А если установят, когда были убиты супруги и куда девался ребенок, то по этим ниточкам, возможно, и все дело удастся распутать.

* * *

После того как тела увезли на экспертизу, Санъюн решил еще раз обойти место преступления по внешнему периметру. За все время работы в убойном отделе он впервые очутился в таком богатом доме: размах внутри ощущался уже снаружи. Дом был большой, квадратов на 600–700: не дом, а настоящий особняк. Ворота – точь-в-точь, как показывают в сериалах, – были высоченными, высотой чуть ли не в два этажа. За ними виднелся великолепный сад с высокими, ровными, выстроеными как по линейке соснами, за которым явно следили и тщательно ухаживали. В общем, место явно ошеломляло входящих, словно говоря с чувством превосходства: «Вам-то столько за всю жизнь не заработать». Если же ты заходил внутрь дома, то это ощущение лишь усиливалось: два надземных этажа, один подземный, восемь комнат, четыре туалета. Как и говорила домработница, на цокольном этаже располагалась лаборатория, разделенная пополам: одна половина была с богатым декором, домашней барной стойкой и дополнительными столиками для приема гостей; в другой громоздилось непонятное оборудование для экспериментов, различные исследовательские материалы и научная литература. Шкафы здесь, понятное дело, тоже были забиты битком, причем книгами с такими названиями, что нормальному человеку и разобраться-то было невозможно, о чем там идет речь. На столе у стены стоял компьютер с тремя мониторами, густо облепленными записками-стикерами – тоже сплошь со словами, значение которых Санъюн не мог понять. Дом, безусловно, был роскошный, вот только хозяевам не суждено было жить в нем долго, счастливо и умереть своей смертью.

– Черт, да у них сортир как у меня комната... – Чонман был тоже поражен масштабами.

В реестре значилось, что в этом особняке зарегистрировано несколько домохозяйств. Понятно, что в действительности это был частный дом, в котором проживала лишь одна семья, но площадь его была настолько велика, что он попадал в категорию объектов роскоши и, соответственно, должен был облагаться налогом по повышенной ставке. Однако всегда найдется способ – и не один, – чтобы обойти налоги. Например, если сделать снаружи отдельную лестницу якобы для другой семьи, живущей на втором этаже, то тогда при желании можно признать, что данная постройка занята двумя отдельными домохозяйствами. Про себя все, конечно, будут думать, что за недвижимость с рыночной стоимостью в 5,5 миллиарда вон надо платить соответствующий налог, но вслух никто ничего не скажет.

Все окна в доме выходили на юг. Из комнат и гостиной, располагавшейся на первом этаже, открывался прекрасный вид на сад. В глубине сада была обустроена парковочная площадка на четыре машины. М-да, вот у Саньюна в районе дела обстояли несколько иначе: там к концу рабочего дня прямо борьба шла за то, чтобы бесплатно поставить машину где-нибудь в закоулке. А здесь ни с работы сломя голову бежать не надо, ни на какие иные ухищрения идти, чтобы на час пик не напороться...

Инспектор вернулся в дом и посмотрел на стену справа, где в позолоченной рамке улыбалась вся семья. Интересно, когда было сделано это фото? Похоже, что не очень давно. У профессора Чхве был заметно выступающий лоб, на который спадала челка. Вид у него был задумчивый. На фото профессор сидел в безукоризненном костюме и в целом производил впечатление успешного человека. Рядом с ним скромно сидела жена. Казалось, что она сильно моложе мужа, хотя на самом деле они были ровесниками – обоим по 38 лет. Приталенное белое платье, очень идущее к ее стройной фигуре, и волосы, уложенные вверх, создавали изысканный элегантный образ. А между супругами стояла дочь. Если б не желтое платье, то ее можно было бы спутать с мальчиком: отчасти из-за очень короткой стрижки, но главным образом из-за бесстрастного выражения лица. Возможно, это просто камера давала такой обманчивый эффект, но ребенок казался не слишком эмоциональным.

Чонман увидел, куда смотрит шеф, и без лишних слов сообразил, о чем тот сейчас думает.

– Девчонку пока не нашли.

– Дорожные камеры?

– В процессе, пока отсматриваем.

– Как только поступят результаты вскрытия и станет примерно ясна дата и время смерти, сразу сделай распечатку звонков. Да, и когда криминалисты закончат, то доступ к месту все равно блокируй до тех пор, пока я не скажу.

– Будет исполнено! – Чонман в шутку отдал честь.

Саньюн повернулся на выход, подчиненный пошел следом.

– А насчет ребенка как думаете? Может, похитили?

Инспектор остановился, посмотрел на напарника. Девочка исчезла, оба ее родителя убиты. Если это похищение, то преступники обычно требуют выкуп, а тут у кого просить? Не у кого. Какой смысл тогда похищать? Да, дело обещает быть непростым... В любом случае сейчас самое главное – обеспечить безопасность ребенка.

Саньюн снял латексные перчатки, прошел через двор за ворота и постучал по стене с переговорным устройством.

– Звонил им?

Он показал на табличку с названием частной охранной компании. Если в доме устанавливается охранная система, то камеры должны быть установлены как минимум перед воротами, а также в гостиной или коридоре.

– Сейчас свяжусь.

Пока Чонман набирал номер, Саньюн огляделся на месте. Похоже, что от всей охранной системы одна табличка и осталась: камер не было ни на воротах, ни по периметру ограды, да и вообще нигде. Странно, ведь если дом находится под охраной, то обычно видеонаблюдение не бывает скрытным – наоборот, всем четко дают понять: «Здесь полно камер, даже не думай сюда лезть». Но загадка разрешилась очень быстро, когда Чонман с несколько недоуменным лицом оторвал трубку от уха.

– По просьбе владельца дома контракт на видеонаблюдение был расторгнут.

– Когда?

– Двадцатого числа этого месяца.

А сейчас было два часа ночи 24-го.

– Потерпевшие – супруги Чхве Чжинтхэ и Со Чжинью, обоим по тридцать восемь лет. Чхве Чжинтхэ возглавлял клинику Хегван, Со Чжинью была домохозяйкой.

Оперативный штаб расследования свел разные отделы полиции Йонина в одну группу, состоящую из 12 человек и работающую по двум направлениям: одни занимались убийством, другие – розыском несовершеннолетней. Выступить на коротком совместном брифинге поручили Саньюну, который подключился к расследованию дела на самом раннем этапе. На экране за его спиной появилось фото профессорской семьи. Саньюн нажал на кнопку пульта-презентера, слайд сменился, и на следующем фото были показаны тела погибших.

– У потерпевшего Чхве Чжинтхэ одним ударом острого предмета рассечено горло. Также имеется сквозное проникающее ранение в области живота. Установлено, что рана нанесена длинным металлическим мечом, владельцем которого являлся сам потерпевший. Судмедэкспертиза установила идентичность предмета, которым было перерезано горло, и этого меча. Далее – ладони...

Щелчок, смена слайда.

– На ладонях убитого имеются резаные раны. Можно предположить, что они были получены, когда тот пытался защититься от меча.

Следы длинных порезов и разодранный кожный покров говорили о том, что профессор, видимо, пытался дотянуться до рукоятки, но ладони соскользнули.

– Другие следы борьбы? – спросил начальник городского управления полиции.

– Отсутствуют.

По кабинету волной прокатились вздохи. Если других следов сопротивления нет, то получается, что долгой борьбы не было, а значит, велика вероятность того, что жертва и преступник знали друг друга, нападение было внезапным и убитый не успел толком от него защититься. Кроме того, оружие убийства – меч – хранился дома. Из этого можно было сделать два вывода: либо конфликт жертвы и убийцы возник спонтанно, а меч просто подвернулся под руку, либо же его изначально хотели использовать как оружие убийства – тогда

получается, что преступник раньше бывал в доме и знал, что где находится. Саньюн подкрепил эти предположения еще одним фактом:

– Действительно, следов борьбы немного. А с учетом того, что в доме остались следы от носков, то есть преступник разулся, велика вероятность того, что жертва и убийца были знакомы.

На это все согласно закивали.

Нажатие на кнопку – и на экране появилась распечатка операций по платежной карте Чхве Чжинтхэ.

– На столе у убитого были обнаружены авиабилеты на Филиппины, время вылета – двадцать первого августа в двадцать три тридцать, дата возвращения – двадцать пятое августа. Пассажиром в них значится сам Чхве Чжинтхэ, билетов на имя Со Чжинью не обнаружено.

– То есть он летел на Филиппины один?

Сидящие на брифинге задумчиво покачали головами.

Саньюн признал, что пока не может дать разъяснений, по какой причине убитый решил отправиться туда без жены, и продолжил доклад:

– Теперь о супруге.

На экране появился слайд с разложившимся телом Со Чжинью. От одного только вида ее гниющего трупа многим стало нехорошо: присутствующих как из холодного душа окатило, и в кабинете воцарилась мертвая тишина. Глаза у убитой были раскрыты. Интересно, успела она увидеть, что случилось с ее ребенком? Когда-то в детстве Саньюн прочитал в сборнике мистических историй, что образ убийцы остается в глазах жертвы. Вот и теперь он не мог оторвать взгляд от ее глаз, словно пытаюсь разглядеть в них преступника.

– В крови женщины были обнаружены следы лекарственного препарата золазепам, имеющего снотворный и седативный эффект.

– Смерть от передозировки?

– Эксперты утверждают, что нет. Смерть наступила предположительно от перегрева организма: в доме был включен бойлер, а кроме того, расстелено электроодеяло, так что температура в комнате превышала семьдесят градусов. Что касается дозировки лекарства, то хотя она и не была фатальной сама по себе, но вполне достаточной для того, чтобы пострадавшая не проснулась от жары.

Эксперт-криминалист Са Икчун полагает, что в этих условиях хватило бы двадцати минут, чтобы наступила смерть от теплового удара.

– Не понимаю, зачем одного человека надо было насаживать на вертел, а другого запекать в духовке? – пробормотал инспектор Ко Ёнгон, тоже из убойного отдела.

Это замечание резануло Санъюну слух: так говорить об убитых, безусловно, не стоило. Но сейчас ситуация была неподходящей, чтобы устраивать по этому поводу перепалку, так что он сдержался и ничего не сказал.

Чонман робко поднял руку:

– Ее же специально так оставили, чтобы убить. Возможно, ее муж как раз в этот момент зашел, все увидел, и его за это тоже убили?

Шеф полиции остановил его:

– Давайте-ка пока воздержимся от версий, чтобы не формировать предвзятое мнение. Что-то еще?

– Дорожную камеру напротив дома проверяли? – задал вопрос Мун Чжухёк из отдела по делам несовершеннолетних.

– Да, мы получили запись. – Санъюн снова нажал на кнопку.

Изображение на экране дернулось, видео запустилось. Профессорский дом на нем был виден вполне отчетливо.

– Дата съемки – двадцать первое августа, время – двадцать три сорок две, то есть за два дня до того, как будут обнаружены трупы.

Картинка была несколько темноватой, но вполне различимой. Некоторое время на видео вообще ничего не происходило. Поскольку было уже поздно, то неудивительно, что ни прохожих, ни проезжающих автомобилей фактически не было. В какой-то момент даже могло показаться, что видео остановилось, так как на нем вообще ничего не менялось. Лишь на таймкоде 03:31 край экрана немного осветился – это были фары автомобиля, выезжающего из проулка. Одновременно с этим ворота дома открылись, и из них выскочил ребенок. И тут произошло неожиданное – в кабинете даже кто-то непроизвольно ахнул. Санъюн обернулся на звук – Чжухёк смутился и опустил голову: на экране машина сбила внезапно выскочившего на дорогу ребенка, и тот упал на землю. Лица на видео было не разобрать, но, очевидно, это была Чхве Рохи – пропавшая дочка профессора. Водитель (возможно, из-за шока) некоторое время оставался сидеть в

машине. Но когда вышел, то поднял тело и положил в салон. Машина уехала, и видео остановилось.

– Это что еще за тип? – Лицо начальника полиции было страшно перекошено.

То, что после столкновения водитель замер и продолжал сидеть на месте, говорило о том, что ДТП именно случайное. Хотя человек за рулем был не без странностей: голова полностью скрыта капюшоном – видимо, знал, что здесь будут камеры. Да и номера у машины были прикрыты.

– Куда они потом направились?

– Устанавливаем.

Шеф нахмурился.

– Он обратно к этому дому не возвращался?

– Нет. И до этого тоже на камерах не появлялся.

Если судить только по видео, то выходит, что похитителем ребенка является водитель. Но тогда он не может быть одновременно и убийцей. И что же, получается, это просто совпадение? Испугался, что сбил пешехода насмерть, закинул тело в машину и скрылся с места ДТП? Нет, так не получается, иначе зачем было номер машины заранее прикрывать? Или это был сообщник? Пока убийца был в доме, ждал снаружи, а когда увидел, что ребенку удалось сбежать, то наехал на него уже специально? Так или иначе, но девочку в любом случае надо искать. Во-первых, потому что ее жизнь сейчас в опасности, но также и потому, что она может оказаться единственным выжившим свидетелем убийства.

– Так, кроме этой машины, кто-то еще проходил-проезжал, входил-выходил?

– Я как раз собирался об этом доложить. Вопрос связан с определением времени смерти.

Санъюн запустил следующий слайд. На экране появилась эмблема охранной фирмы «S-секьюрити». Фирма эта специализировалась на обеспечении комплексной безопасности: установка камер видеонаблюдения, охрана домов, услуги телохранителей. Контора была известная и входила в тройку лучших охранных компаний страны.

– Мы запросили у них запись с домашних камер видеонаблюдения. Однако там нам сообщили, что двадцатого августа

договор на обеспечение средствами безопасности был расторгнут по личной просьбе клиента Чхве Чжинтхэ и все установленные камеры были демонтированы.

– Что? Как раз накануне? – У всех на лицах залегла тень сомнения.

– Чхве Чжинтхэ сам позвонил в колл-центр компании и подал заявку на аннулирование договора. У них есть запись этого разговора, мы ее прослушали и установили, что это действительно был он – его голос опознала домработница Ку Окпун.

– Хм... – задумчиво промычал шеф и пару раз пристукнул указательным пальцем по столу.

Все присутствующие понимали, о чем он сейчас думает. Убиты два человека, супруги. Их дочь, которая предположительно могла стать свидетельницей преступления, как раз в это время попадает под машину. Похищена она или нет – непонятно. При этом буквально за день до этого все камеры в этом зажиточном доме снимают по просьбе хозяина. Совпадения, конечно, случаются, но это уже как-то с перебором. «С нами что, кто-то поиграться решил? – подумал Саньюн. – Тогда чисто из принципа нужно эту гниду найти и взглянуть ей в глаза». И такой настрой был у всех присутствующих.

– Далее, официальные результаты аутопсии пока не получены, но судмедэксперты предварительно сообщили предположительное время смерти. Как уже говорилось, при осмотре места происшествия в помещении была отмечена высокая температура из-за включенного бойлера. В силу этого обстоятельства ректальная температура была повышенной, да и разложение трупа шло быстрее, поэтому время смерти пришлось определять по остаткам пищи в желудке.

– И что нашли?

– В желудке Со Чжинью оставались кусочки куриного мяса и овощей, скорее всего моркови. По распечатке платежей с ее карточки мы установили, что двадцать первого августа в девятнадцать ноль-ноль она заказывала доставку – суп из обжаренной курицы. Таким образом получаем временной промежуток между двадцать первым августа, семью вечера, и моментом обнаружения тел двадцать третьего августа в двадцать двенадцать. Если эти рамки сузить... – Он ненадолго задумался. – Если допустить, что Чхве Рохи действительно стала свидетельницей двойного убийства родителей, то тогда оно

произошло двадцать первого августа, где-то между девятнадцатью и без четверти двенадцать ночи.

– А что в желудке у профессора?

– Ничего.

Все пораженно уставились на докладчика.

– По словам домработницы, доктор Чхве придерживался своих принципов здорового питания и считал, что нужно есть только раз в день.

Шеф полиции потер левую бровь, словно пытаясь прогнать головную боль.

– В дом еще кто-то заходил?

– На видео ничего нет. Правда, периметр участка очень большой и с одной камеры, что на дороге перед домом, весь не просматривается.

Это означало, что вдоль длинной ограды есть участки, скрытые от видеонаблюдения, и если кто-то хотел перелезть через стену и забраться в дом, то вполне мог это сделать.

Первую планерку подытожил начальник уголовного розыска, возглавивший оперативный штаб:

– Наша приоритетная задача – обеспечить безопасность ребенка, поэтому группа Мун Чжухёка из отдела розыска несовершеннолетних плотно занимается установлением местонахождения пропавшей Чхе Рохи. Дальше, поскольку цели похитителей пока не выяснены, то категорически запрещается сообщать о произошедшем. Однако исчезновение девочки очевидным образом связано с убийством родителей, так что инспекторам Пак Санъюну и Чхэ Чонману поручается обход и опрос соседей. Эти две группы должны работать в тесной связке друг с другом и при выяснении новых обстоятельств немедленно делиться информацией.

Получив задание, Санъюн и Чонман не стали задерживаться в управе.

– Похоже, в ближайшие дни нам дома побывать не светит.

– Не плачь, ты уже большой мальчик. Сначала маленьких надо домой вернуть.

В ответ на это Чонман лишь кисло усмехнулся.

Детективы обходили жилой массив уже битых два часа, но ничего толком выяснить не удавалось. Поскольку на теле профессора были обнаружены повреждения, полицейские надеялись, что кто-то мог услышать шум борьбы. Но когда они начали опрашивать соседей, оказалось, что надежды были напрасными. Вот уж воистину пафосный райончик! Там были такие усадьбы, где один сад занимал больше трех соток, так что расстояние между домами было значительным. Куда бы они ни заходили, кого бы ни спрашивали, люди лишь отрицательно мотали головой и смущенно улыбались: в таких домах звукоизолирующие стены положены по статусу.

Когда полицейские снова встретились у дома профессора, Чонман раздраженно сказал:

– Черт, у меня уже комплекс неполноценности развился.

У Санъюна было примерно такое же чувство, но он промолчал, улыбнулся и ободряюще похлопал напарника по плечу.

Дом, стоящий прямо за участком профессора, они оставили напоследок и сейчас шли туда просто для очистки совести, не особо рассчитывая на удачу. Солнце палило нещадно, в горле пересохло. Голова так раскалилась, что хотелось сделать в ней люк и хорошенько проветрить все внутри. С шеи по спине непрерывно стекали струйки пота. Повисшие плетьюми руки Чонмана обессиленно болтались из стороны в сторону, периодически задевая Саньюна, так что тому пришлось специально отступить на шаг в сторону, чтобы не сталкиваться с напарником лишней раз.

Едва они нажали на звонок последнего дома, как ворота тут же с лязгом открылись. Надо понимать, это разрешение войти? Немного потоптавшись у входа, полицейские все же зашли внутрь. Пока шагали по садовой дорожке, входная дверь раскрылась: на пороге стояла запыхавшаяся женщина в легком тренировочном костюме. Видимо, она занималась спортом, вот только пóтом, в отличие от них, не обливалась: из дома веяло приятной прохладой кондиционера.

– Я догадалась, что вы полицейские. Вы же из-за соседей пришли, да? – На ее лице было заметно откровенное любопытство. Ей хотелось узнать подробности дела, вот только рассказывать про случившееся они не могли, да и рассказывать было особо нечего, по правде говоря.

– Двадцать первого августа в интервале с семи часов вечера и до полуночи вы никакого шума у них не слышали? Ну, например, звуки ссоры или драки?

Женщина покачала головой:

– Нет, ничего. Кроме того, к нам в тот день пришли гости – коллеги мужа по работе.

Ну понятно – если они дома решили корпоратив устроить, то что могли услышать? Похоже, здесь им тоже нечего ловить. Саньюн сложил блокнот и чисто автоматически, как зацикленный ролик на Ютьюбе, снова повторил тот же вопрос, что задавал и остальным:

– Вы же знали семью профессора Чхве? Возможно, к супруге его заходили?

– Нет, так близко мы знакомы не были, общались на уровне «здрасьте – до свиданья». Конечно, в лицо друг друга знали и при встрече здоровались, но на этом всё. Да здесь, наверное, весь район такой – бесцеремонных соседей, чтобы совать нос в чужие дела, пожалуй, и не найдешь.

То же самое они слышали и в других домах. Вот были же раньше времена, когда все друг к другу в гости ходили: спроси, сколько у кого ложек на кухне, – тут же назовут. Но теперь эпоха другая, и такое поведение считается назойливым и бесцеремонным.

– Возможно, у них с кем-то были конфликты? Вы, случайно, не видели, кто к ним обычно приходил?

Женщина усмехнулась – мол, во дает:

– Вы что, не слышали про доктора Чхве Чжинтхэ? Он же знаменитый профессор, главный специалист по головному мозгу, светило нейрохирургии. – Для пущей наглядности женщина постучала пальцем по голове.

– Да, само собой. – Саньюн покивал и взглянул еще раз на собеседницу. Он подумал, что фраза еще не закончена и сейчас последует какой-то аргумент, но лицо женщины выглядело так, будто он спросил какую-то нелепицу. Округлив глаза, она произнесла:

– Да с чего у него конфликт с кем-то может быть? Он же в Калифорнии учился, на медицинском факультете в Ю-Си-Эл-Эй^[13]!

Звук «си» в названии университета она произнесла с особым нажимом и получилось шипение – «щщщи». Саньюн мягко улыбнулся, сказал: «Спасибо, что уделили время», – и, не тратя времени на дальнейшие расспросы, направился к выходу.

* * *

В каком бы навороченном районе ты ни жил, но человек, пусть даже и знаменитый хирург, все равно остается человеком. Вполне возможно, что у него были какие-то финансовые проблемы, о которых остальные не догадывались. Саньюн отправил Чонмана назад в отдел, чтобы тот до вечера получил полный список банковских операций по счетам и кредитным картам убитых супругов.

Со Чжинью была типичной домохозяйкой. Периодически она ходила в Центр культурного досуга, где слушала лекции о поэзии. Но и там ни с кем не сдружилась и близких знакомых не завела. Даже лектору она ничем особенным не запомнилась – может, лишь только более сдержанная и замкнутая по сравнению с другими слушателями. Когда детективы посмотрели детализацию телефонных звонков, то

оказалось, что у нее не было приятелей, с которыми бы Чжинью регулярно перезванивалась или встречалась. Время от времени она созванивалась с матерью, но других социальных контактов у нее практически не было. Так что если говорить о конфликте, который мог бы стать причиной убийства, то вряд ли этот конфликт был с человеком из ее круга общения. Поэтому теперь надо было отрабатывать контакты мужа, и Саньюн решил для начала навестить в клинику, которую тот возглавлял.

* * *

Клиника Хегван, основанная в 1991 году, специализировалась на заболеваниях сосудов головного мозга и была официально признана Министерством здравоохранения. Формально Чхве Чжинтхэ возглавил клинику три года назад, хотя фактическим ее руководителем был уже давно. Изначально больницей руководил его отец Чхве Доннок. После того как Чхве Чжинтхэ выучился на хирурга в медицинской школе при Калифорнийском университете, ему предложили остаться там на кафедре. Но вместо этого он предпочел вернуться на родину и работать в клинике своего отца. Всем было понятно, что когда-нибудь он сам станет заведующим, этот курс был предопределен. Его отец был уже в преклонном возрасте, сам давно не оперировал, но формальный пост руководителя все равно оставался за ним. Однако в 70 лет у него случился рецидив рака легких, он передал дела сыну и спустя год после этого скончался.

Клиника Хегван оказалась крупнее, чем предполагал Саньюн: восьмиэтажное здание с различными лабораториями, реанимацией, приемным покоем, столовой и даже реабилитационным центром. На первом этаже шумело людское море: посетители шли непрерывным потоком – из регистратуры вызывали одного пациента за другим, кто-то брал талончик с номером, кого-то оформляли на госпитализацию. Варясь в своей жизни полицейского, Саньюну редко доводилось самому ходить по больницам, и теперь ему казалось удивительным, что в их небольшом городе может быть столько больных. Пройдя мимо регистратуры, он направился в административное крыло и постучал в дверь кабинета.

– Инспектор Пак Саньюн, первый отдел уголовного розыска полиции Йонина.

В кабинете стояли в линейку три стола, за самым дальним из них привстал и остался стоять на полусогнутых мужчина – судя по табличке, главный администратор клиники. Его лицо выглядело растерянным, хотя он явно догадывался, зачем к ним пришли из полиции. Администратор отвел Саньюна в комнату отдыха, обустроенную в глубине отдела, и усадил за круглый столик, а сам сел напротив.

– Вообще-то мне не очень часто доводилось лично пересекаться с директором клиники...

В административный отдел приходят самые разные посетители, зачастую весьма специфические, но разговор с полицейским из уголовного розыска давался мужчине явно нелегко – было видно, что он напряжен. Саньюн же, напротив, в этой тихой комнате чувствовал себя как рыба в воде.

– Ничего страшного; просто расскажите то, что знаете. Что за человек был ваш заведующий? Какая репутация была у него среди сотрудников? Прошу вас, не стесняйтесь.

– Хм, да как сказать... Все же он был очень известной фигурой в области энцефалопатии, делал много операций. Но, несмотря на занятость, вел исследовательскую деятельность, состоял в научных сообществах, да еще и на телевидении выступать успевал – мы его между собой называли энеджерджером. Раз в год у нас обязательно шли переговоры об уровне заработной платы: о том, что фиксированные ставки установлены раз и навсегда, даже речи не шло. Так что в этом плане у сотрудников тоже не было нареканий. Условия при уходе в отпуск по беременности или по уходу за детьми точно были не хуже, чем в других больницах.

– Вас связывали с директором какие-то личные, нерабочие отношения?

– Абсолютно нет. Люди с нижних этажей редко пересекаются с теми, кто на самом веру. – Сам понимая, что его ответ прозвучал двусмысленно, администратор улыбнулся: его отдел находился на первом этаже, а кабинет директора – на последнем, восьмом.

– А с кем тогда из больницы он общался ближе всего?

В этот момент в дверь постучали и в комнату вошла сотрудница клиники; на подносе у нее стояли два бумажных стаканчика с апельсиновым соком. Саньюн не без удовольствия увидел внутри кусочки льда: от них веяло такой прохладой, что хотелось выпить сок залпом.

– Хм... В операционной он много разговаривал с ассистентами из хирургической бригады, но исключительно по делу. А вот личных разговоров...

От Саньюна не укрылось, что девушка, которая принесла сок, несколько напряглась и переглянулась с администратором. Ее взгляд был острый и резкий, а у него – взволнованный, вроде как показывающий «не вздумай болтать лишнего». Детектив понял, что, если он хочет еще что-то узнать, расспросы нужно вести уже не здесь.

– Что ж, теперь мне нужно осмотреть клинику.

Саньюн поднялся, его собеседник тут же подскочил следом.

– Но тут же больные лежат, да и персонал работает...

– Не волнуйтесь, я никому не помешаю.

Инспектор слегка кивнул на прощание и решительно вышел из комнаты. Ему показалось, что за его спиной администратор порывался было что-то сказать вдогонку, но, видимо, передумал. Сверившись со схемой здания, висевшей в коридоре, Саньюн поднялся на второй этаж, где была смотровая заведующего. Прямо у дверей стоял стол, за которым медсестра в розовой униформе разбирала документы. Посетителей у смотровой не было. Почувствовав, что кто-то зашел, медсестра подняла голову и привстала.

– Прошу прощения, в настоящий момент прием не ведется.

Саньюн показал свое удостоверение, и медсестра снова опустилась на стул. Он решил не гнать с места в карьер и начал разговор с общей непринужденной фразы:

– Вы, наверное, в шоке от случившегося? Ведь все произошло так внезапно...

– Еще бы! Даже не представляю, что с нами дальше будет.

Хм, что-то как-то немного сочувствия: тут человек умер, а она за свое рабочее место волнуется... Хотя, с другой стороны, разве не все мы такие? И нельзя сказать, что вот, смотрите, какая она плохая; просто, как говорится, своя рубашка ближе к телу. За занозу в своем пальце переживаешь больше, чем за смертельную болезнь другого.

– Скажите, вот доктор Чхве Чжинтхэ – он в целом каким человеком был? Любая информация, все что угодно: какой характер, кто к нему приходил, с кем он общался... Возможно, он обращался к вам с какими-то личными просьбами?

– Я, наверное, действительно больше других общалась с заведующим, поскольку вела амбулаторных больных. Но на личные темы мы совсем не беседовали. И вообще, в плане обхождения это был очень щепетильный человек.

– В чем это выражалось?

– Ну как сказать... Например, он никогда не давал личных поручений, ну то есть не по работе. Вы можете сказать, что это естественно и что так и должно быть. Тем не менее таких начальников предостаточно. Другой на его месте мог бы приказать: «Распечатай школьный альбом моей дочери» или «Сделай за нее домашнее задание» – люди же всякие бывают. Но шеф никогда себе такого не позволял. Даже воду или кофе не просил принести – всегда сам ходил. Очень приятный был человек, всегда с уважением...

– И остальной коллектив о нем тоже хорошо отзывался?

– В основном да.

– Тогда, может, с кем-то из пациентов мог возникнуть конфликт? Ну, допустим, пострадал от врачебной ошибки...

Медсестра опустила взгляд, задумчиво потерла щеку, но потом все равно помотала головой:

– Когда в больнице поработаешь, то, конечно, на всяких пациентов насмотришься: «Почему плата за лечение такая высокая?» или «Почему операцию сделали, а боли не прошли?». Но это все рутина, дело привычное. А за последнее время я даже таких случаев припомнить не могу. Знаю только, что с момента основания клиники за все время фатальных врачебных ошибок ни одной не было.

Это означало, что мотивом убийства не могла быть месть родственников за умершего по вине врача пациента. Саньюн кивнул, отметил в блокноте: «Врачебная ошибка – нет». Получается, что в клинике тоже особо не за что было зацепиться. У него оставался последний вопрос:

– Насколько я знаю, с двадцатого по двадцать пятое число у профессора был запланирован отпуск. По нашим сведениям, он вроде как собирался лететь на Филиппины. Вам что-то об этом известно?

– Да, я слышала про отпуск. Мы обсуждали это с профессором, когда составляли график приемов и операций.

– Он летел один?

– Один? Хм... В такие подробности он не вдавался.

– Он часто летал отдыхать за границу?

– Нет. На конференцию – да, мог, а на отдых – в первый раз. Он даже летом во время отпуска все равно мог в клинику заходить. Ужасный трудоголик, даже дома работал: у него, как вы, наверное, знаете, там тоже лаборатория была. А кроме работы, еще и научные статьи писал. Так что нет, не такой он был человек, чтобы куда-то ехать развлекаться.

– Значит, впервые с ним такое, говорите...

«Такой работяга, такой трудоголик, даже посреди отпуска на работу наведывался, а тут вдруг решил каникулы себе устроить и за границу прошвырнуться? Нет, наверняка у него в жизни произошло что-то важное. Теперь бы узнать, что именно...»

Пока Саньюн был погружен в эти мысли, дверь напротив стола медсестры распахнулась и вышел мужчина в хирургическом костюме – оказывается, там была операционная. Под маской лица не разглядеть, но на вид это был довольно молодой человек, где-то чуть за тридцать. Увидев, что медсестра разговаривает, он запнулся:

– Э-э-э...

Девушка сконфуженно подскочила, поочередно переводя взгляд с одного мужчины на другого.

– Господин Юн Чжондо, это из полиции по поводу заведующего.

Инспектор отвернулся от медсестры и заглянул вошедшему прямо в глаза. Потому что во взгляде медсестры, точно так же, как чуть раньше у администратора, чувствовалось некоторое напряжение. Уж не из-за Юна ли напряглись эти двое?

* * *

Саньюна отвели в ординаторскую. Юн Чжондо, который проводил операцию, в штат клиники не входил, а был, что называется, почасовиком: можно сказать, здесь у него было что-то вроде подработки. Его звали при большом наплыве пациентов, когда свои

сотрудники не успевали всех принять. После смерти заведующего он, судя по всему, делал плановые операции вместо него. Саньюну пришлось подождать его где-то минут десять: за это время тот успел переодеться, снять хирургический костюм и надеть обычный белый халат, который очень шел к его белой рубашке.

– Прошу прощения, что отвлекаю от работы...

– Ничего. Вы же тоже по важному вопросу.

Чжондо сел напротив инспектора. Красивая гладкая кожа, приятные черты лица; видимо, в профессии, где требуется стерильная чистота, все производят такое впечатление.

– Я уже разговаривал с сестрой, но хотелось бы уточнить некоторые детали и у вас. Возможно, вы знаете что-то еще или по-другому оцениваете ситуацию. Как я слышал, этот отпуск заведующего сильно отличался от прежних?

– Да, пожалуй, что так.

– А почему? Вы про это ничего не слышали?

– Слышать не слышал, но...

Юн Чжондо замялся, и детектив понял, что, может, и не слышал, но явно о чем-то догадывается. Он ободряюще кивнул и изобразил взглядом крайнее внимание.

– Я так понимаю, что у него были не очень хорошие отношения с супругой. И когда он внезапно взял отпуск, я еще подумал: «Неужели они проведут его вместе?»

– И что конкретно между ними произошло?

Чжондо замахал руками:

– Нет-нет, не то чтобы я что-то точно знаю... Просто по общей атмосфере ощущалось... Мне доводилось слышать, как директор общается по телефону, причем довольно часто на повышенных тонах. Я, естественно, в таких случаях всегда выходил и его разговоры не подслушивал, но мне показалось, что он разговаривал с женой. Опять же, это мои предположения, но какая женщина была бы рада, если мужа и на работе, и дома только исследования интересуют?

– Ах вот как...

Саньюн пометил в блокноте, что надо будет получше разобраться, какие отношения были между супругами.

– Может, что-то еще вспомните?

– Даже не знаю... Я был не особо в курсе их жизни. Тоже понять не могу, как такое произойти могло.

– Да уж...

– Извините, толку от меня немного.

– Вовсе нет. Если что-то еще вспомните, то вот, пожалуйста, звоните.

Саньюн протянул свою визитку и поднялся со стула. Кивнув на прощание, он размашистым шагом вышел из ординаторской.

* * *

После ухода инспектора Юн Чжондо повертел в руках визитку, потом положил ее в карман и тоже поднялся. «Может, надо было ему все-таки рассказать?» – мелькнуло у него в голове. 20 августа, когда профессор Чхве оформил отпуск, Чжондо позвонил ему домой, чтобы сообщить, как прошла операция у пациента с ишемическим инсультом. Он делал так всегда, и в этот раз, отчитавшись, уже собирался положить трубку, как профессор задал ему очень странный вопрос насчет ресторанчика, где подавали суп из обжаренной курицы: когда-то Чжондо водил туда профессора с женой. Поначалу вопросы были обычные: как называется, до скольких работает и все такое. Но потом профессор неожиданно спросил, есть ли там камеры видеонаблюдения. Чжондо вопроса не понял и переспросил, зачем ему это надо. Профессор начал что-то говорить – мол, они с женой буквально оттуда и она там вроде как что-то потеряла. Тут явно была какая-то ошибка, потому что шла первая половина дня, а в это время ресторан еще не открывали. Как бы там ни было, Чжондо сказал, что про камеры ничего не знает, профессор ответил «понятно», и на этом разговор закончился.

Молодой человек продолжал стоять в задумчивости: «Или все же сообщить об этом полицейскому?» Потом передернул плечами и тоже вышел из ординаторской. Вряд ли этот случай имеет отношение к делу...

«Если подумать, то с Хейн-то все и началось. Если б она не всплыла так внезапно и не предложила похищение, то никогда бы я на это дело не пошел, какой бы отчаянной ни была ситуация. Наверное, это из-за дочки у меня помрачение рассудка наступило, чтобы за чужого ребенка деньги требовать... Так, остынь и успокойся. Сейчас толку в пустых сожалениях нет; надо разобраться, как такое вообще произойти могло. Итак, что мы имеем? Идея с похищением была ее. Она же постоянно наседала на меня и торопила со звонком о выкупе».

У Мёнчжуна появились сильные подозрения насчет бывшей жены: уж не она ли это все подстроила? Когда Хейн пропала, а потом появилась лишь для того, чтоб развестись, он без лишних слов сделал так, как она хотела. И Хиэ она у него из рук силой не вырывала: у жены изначально даже мыслей таких не было, чтобы оставить дочку себе. Когда ей сказали, что за ней сохраняется право раз в месяц видаться с ребенком, Хейн лишь саркастически улыбнулась: этим правом она так за все время и не воспользовалась. Так что можно сказать, что это у Мёнчжуна была обида на бывшую жену, а Хейн на него вовсе никакой обиды не таила. Просто по какой-то непонятной причине решила заманить его в капкан... В общем, она это, больше некому. Ну и как лишнее доказательство – именно сегодня она перестала отвечать на звонки. Теперь по-любому нужно с ней встретиться. Вот только где она сейчас? В больнице у дочери? Мёнчжун решил направиться туда. Есть риск, что он попадет на глаза медсестре и та снова начнет допекать его расспросами о выплате задолженности и грозиться, что Хиэ выпишут из больницы. Но сейчас ему было все равно – он потерпит.

Лифт отвез его на восьмой этаж. Сестринский пост был пуст, но даже если б там кто-то и был, то вряд ли бы узнал уверенно и решительно шагающего Мёнчжуна. Вот, палата № 803. Он глубоко вдохнул, открыл дверь – и в тот же миг замер на месте. У него задергался глаз.

– Вы кто? – На кровати приподнялась женщина лет пятидесяти. На ее лице лежала тень измождения, кожа была увядшая, растянутая,

потерявшая упругость. Видимо, она только что плакала – глаза были опухшие. Мёнчжун тоже захотел спросить: «А вы кто?»

– Постойте, это же кровать...

Это было место Хиэ, но сейчас ее здесь было. Внезапно его охватило дурное предчувствие, глаза загорелись недобрый огнем.

– Эй, кто вы?

Женщина обращалась к нему, но он уже ничего не слышал. Увидев его перекошенное лицо, она больше вопросов не задавала, а просто подошла к своему лежащему рядом ребенку. У Мёнчжуна под ложечкой словно набух горящий ком. Он помчался к дежурному посту. «Нет, только не это, не может быть!» Да, он задолжал за лечение. Да, он прятался под кроватью, когда медсестры заходили к Хиэ в палату. Но он не думал, что они вот так выбросят ее на улицу. «Вы же медики! От вас же жизни человеческие зависят! Как же так можно было?»

– А ну выходи! – прокричал он над пустым столом дежурной. Его голос эхом заметался по коридору.

Проходящие мимо пациенты и посетители останавливались и тарасились на него. Из палаты выбежала медсестра, ее лицо было знакомым.

– В чем дело? – Она подошла к донельзя возбужденному Мёнчжуну.

Медсестра, конечно, сердилась, хотя ее голос и не был резким, – возможно, не хотела его провоцировать в присутствии людей.

– Хиэ! Где моя Хиэ?

Его губы скривились, к концу фразы он уже чуть не плакал. Когда-то в новостях Мёнчжун видел, что больных выкатывали из палаты в коридор и оставляли лежать прямо там. И ему была нестерпима сама мысль, что его дочь могли выставить как ненужный хлам. Мёнчжуну хотелось избить всех, кто носил белые халаты: врачей, медсестер – без разницы. И пусть полиция его застрелит, он этого уже не боялся: теперь ему было наплевать на свою жизнь...

Медсестра покачала головой:

– Ким Хиэ? Девочка? Она же в палате.

Хиэ действительно лежала не в коридоре, а в больничной палате. На лице у нее была кислородная маска, на пальце – прищепка с пульсоксиметром, измеряющим насыщенность крови кислородом. Приборы попискивали, словно оберегая ее покой. Для девочки время как будто замерло – она лежала точно такая же, как и в прошлый раз. Вот только палата была совсем другой – гораздо просторнее, больничных коек рядом не стояло, зато были предусмотрены отличные условия для размещения родственников: большая двуспальная кровать, отдельный диван со столиком, на котором стоял телефон. В углу – холодильник, на стене – телевизор. А еще – платяной шкаф и даже отдельный обеденный стол. Одноместная палата... Мёнчжун и не знал, что ее сюда перевели. Этого не может быть! Сопровождавшая его медсестра ушла, а он все продолжал ошарашенно улыбаться. Дверь аккуратно приоткрылась, и в комнату зашла женщина лет шестидесяти, тоже в медицинской униформе. На груди у нее был прикреплен бейджик с надписью «Чхве Пунок, сиделка».

– А-а-а, так это вы отец девочки...

Ему хотелось прямо тут же на месте разрыдаться.

– Это как? Откуда?

– Что?

– Кто вас нанял?

Глаза женщины округлились, она непонимающе пожала плечами:

– Это нужно уточнить в администрации.

– А оплата услуг сиделки?

– Так за три месяца предоплату внесли. А вы что, не знали? Вы точно ее отец? – Чхве Пунок с подозрением посмотрела на него.

А Мёнчжун смотрел в лицо дочери. Улучшений вроде не было заметно, но ведь и ухудшений нет. Теперь, когда он убедился, что с ребенком всё в порядке, его стали обуревать другие мысли. Он пинком распахнул дверь и выбежал в коридор.

– Эй!

Сиделка окликнула его, но Мёнчжуна было не удержать – он стремительно несся в административный отдел. Там сидел мужчина, судя по табличке – главный администратор Ким Ховон. Он проверил у посетителя удостоверение личности, после чего начал что-то искать в компьютере.

– Так, пациентка Ким Хиэ, одноместная палата-люкс повышенной комфортности. Палата заказана и полностью оплачена из внесенной суммы в размере пятидесяти миллионов вон. Из этой же суммы погашена имевшаяся задолженность за лечение и пребывание пациентки в больнице, а также оплачена стоимость предстоящей трансплантации. Сама операция назначена на второе сентября, будет проведена во второй половине дня.

Ноги у Мёнчжуна непроизвольно подкосились, и он плюхнулся на стул.

– Кто... кто же все это оплатил?

– Здесь указано, что плательщиком выступил Ким Мёнчжун. А вы что, не в курсе? – Администратор тоже посмотрел на него с видом «он точно ее отец?».

Вот только никакой оплаты Мёнчжун не вносил. Лишенный последних сил, он едва поднялся с места.

– Вам нехорошо?

Не ответив, Мёнчжун вышел из кабинета. Администратор, к счастью, его не удерживал и вопросов больше не задавал.

Мёнчжун тащился, еле волоча ноги. Он не знал, что и думать, голова была абсолютно пустой. Сам не свой, он вышел из больницы и опомнился лишь на улице. Что же ему сейчас делать? Мёнчжун не понимал, во что влип и что вокруг него происходит. Хотя самое главное – это Хиэ, с ней все разрешилось. Точнее, разрешится: операция назначена. «Ты же жизнь свою был готов отдать, чтобы ее спасти, разве нет? Ну и вот, видишь, как славно получилось?»

Мёнчжун внезапно остановился и второпях помчался обратно в больницу – поблизости не было ни одного таксофона. Что, впрочем, неудивительно – у кого сейчас нет мобильного? Он подбежал на ресепшн.

– Я могу от вас позвонить? Очень срочное дело!

Сотрудник в белой униформе с доброжелательной улыбкой поставил на стойку обычный проводной телефон. Странно, но довольно многие посетители обращались к нему с этой просьбой. Мёнчжун поднял трубку, громко вздохнул и затыкал по кнопкам: номер Хейн он помнил наизусть. Работник на ресепшне деликатно отвернулся, чтобы не мешать ему. В трубке раздались гудки, Мёнчжун немного подождал, но ему снова никто не ответил. Что ж, теперь все

стало понятно: это ловушка, и он угодил в нее двумя ногами. Деньги заплатила Хеын, но откуда они у нее? Явно не с похищения – тут особого ума не нужно, чтобы догадаться.

«Алло, это я. Теперь мне все понятно: тебе зачем-то понадобилось втянуть меня в это дело. Но я звоню не для того, чтобы устраивать разборки. Мне нужно тебе кое-что сказать...»

Оставляя ей голосовое сообщение, Мёнчжун был спокоен, как никогда. Он говорил очень медленно, время от времени переводя дух, и все, что роилось у него в голове, он формулировал в четкие фразы. Хотя суть его длинного спича сводилась к одному: «Я тебя прощаю». Ее обман и предательство были омерзительны, но он решил, что будет признателен ей за них, потому что они позволят спасти Хиэ.

Мёнчжун снова вышел из больницы и поплелся к автобусной остановке, но ноги совсем не держали его, и он уселся прямо у входа. Что ж, ему повезло. Глаза у него были красные, хотелось расплакаться, но он, стиснув зубы, сдержался. Сказать, что он больше не злится на бывшую жену, было бы неправдой. Мёнчжун не знал, к чему она это все подстроила, но важен был лишь результат: их дочку прооперируют и она будет жить. Сотни, тысячи раз он думал о том, что ему все равно, что с ним будет, только бы выжила Хиэ. И сейчас где-то глубоко в его груди медленно тлело чувство благодарности к бывшей жене, которая придумала эту схему.

Машина, проезжающая мимо клиники, притормозила.

– Эй, вам что, плохо? – окликнули из нее Мёнчжуна.

Он ничего не ответил – просто отвел глаза, быстро поднялся с места и потащился дальше в сторону остановки. У уличной торговки, продававшей шляпы прямо на обочине, купил кепку, натянул ее чуть ли не на брови и сел в подошедший автобус. Сейчас ему надо вернуться в свою хибару на горе. Он обязательно отдаст Рохи, причем в целости и сохранности. Но чуть погодя: до второго сентября ему любой ценой нужно продержаться на свободе.

Куда бы отвезти девчонку? Удастся ли ему бегать и скрываться до сентября? Может, уехать куда-нибудь в глухую провинцию, где его никто не будет искать? Или это не такая хорошая идея? Обычно полиция думает, что ты свяжешься с семьей, друзьями или бывшими подружками и захочешь укрыться у них. Вот там они и будут тебя поджидать. Поэтому лучше всего уехать в какое-то неожиданное место, которое никто не сможет вычислить. Но как быть с Рохи? Что она об этом подумает и не заподозрит ли чего? А ну как к ней внезапно вернется память – и что тогда?

От этих мыслей у него голова шла кругом. Раньше, когда Мёнчжун поднимался к себе на гору, то до дома доходил уже задыхаясь, буквально свесив язык на плечо. В прошлый раз, например, он хрипел и чуть кровью не харкал – больше десяти минут пришлось отсиживаться на крыльце и приводить пульс в порядок. Но сегодня Мёнчжун был настолько погружен в свои мысли, что дыхания даже не замечал.

Рохи сидела на крыльце. Палка-чесалка по-прежнему была при ней, и она куда-то ею целилась. Мёнчжун провел взглядом по направлению атаки – перед ней на земле сидел черный кот: он часто сюда приходил и кланчил чего-нибудь поесть. Хиэ называла его Наби, то есть «бабочкой». Сам кот был весь черный, только вокруг шеи светлела полоска белой шерсти, как будто к смокингу повязали галстук-бабочку, – вот отсюда и прозвище. Рохи шугала его и прогоняла палкой. Мёнчжун подошел и взял кота на руки.

– Это же Наби. Он не царапается, ведет себя прилично. Просто приходит, чтобы его покормили. Вот только нечем у нас сегодня поживиться, у самих ничего нет...

Словно поняв его слова, Наби извернулся у него в руках, аккуратно спрыгнул на землю и потрусил в лес. Поначалу шевеление кустов выдавало его присутствие в зарослях, но вскоре стихло и оно.

– Я что, любила котов?

Котов любила Хиэ. Хотя не только котов – и собак тоже. А еще людей, даже своего незадачливого папку... Чтоб не расплакаться,

Мёнчжун потряс головой:

– Нет.

– Да? А то я, конечно, не помню, но что-то они мне не очень...

Рохи хмыкнула, покачала головой, потом нахмурилась и посмотрела на руки Мёнчжуна. Затем перевела взгляд, пристально глядя ему прямо в глаза. Мёнчжун съежился: похоже, она опять что-то задумала. За секунду у него в голове промелькнула тысяча мыслей: «К ней вернулась память! Сейчас как вскочит, как заорет, как кинется вниз по дороге, зовя на помощь! Потом приведет людей, и меня арестуют. И Хиэ не смогут сделать операцию». Хотя он и приучал себя гнать из головы всякий негатив, но сейчас его прорвало. Ничего не поделаешь, ведь до настоящего момента он привык ожидать от жизни только плохое...

– Ты что, ничего не принес?

– А? – удивился Мёнчжун, даже не сразу поняв, что она имела в виду.

– Ты в курсе, что мне вообще-то есть надо? Тебя целый день не было, теперь пришел и ничего не купил... Или сегодня тоже собрался меня мучными комьями травить?

Мёнчжун с облегчением вздохнул: так это она из-за еды так напряглась... Немного поразмыслив, он сказал:

– Может, сходим на толкучку?

– Толкучку? А это что такое? – Теперь пришла очередь удивляться ей.

Мёнчжун усмехнулся: похоже, раньше ей никогда не доводилось ходить по рынкам и закупаться у местных торговков. До сентября им, конечно, лучше лишний раз нигде не светиться, но видеть ее несчастные глаза он тоже не мог.

– Ну, это базар, маленький рынок. Там можно всякого-разного вкусного купить.

– Вкусного? – Рохи задумчиво потерла подбородок своей маленькой ладошкой и кивнула. – Это подходит, пошли.

* * *

Спуск по дорожке с горы занял более десяти минут. Шли пешком: в такси нельзя, там шофер их сразу вычислит. У таксистов же целыми днями в машине радио включено, и про исчезновение ребенка они, скорее всего, будут в курсе. Мёнчжуну подумалось, что и листовки «Пропал человек» в первую очередь будут показывать водителям общественного транспорта. Кроме того, манера речи у Рохи уж очень специфическая, и высока вероятность того, что таксист обратит на это внимание. Ну и сидеть в машине придется совсем рядом с водителем, так что он сможет их хорошо рассмотреть. В общем, по целому ряду причин поездка в такси представлялась небезопасной.

Сесть на автобус они тоже не могли. Остановка была относительно недалеко – прямо у круглосуточного магазинчика под горой, – но это был исходный пункт маршрута, людей там садилось немного, и незнакомого ребенка заметили бы сразу.

– А почему у тебя нет машины? – спросила Рохи.

И что прикажете ему на это ответить? «Я ее сжег, чтобы меня полиция не нашла»? Нет? А что тогда? Продолжать врать? Это становилось труднее, чем раньше: сейчас, когда Мёнчжун глядел в ее чистые глаза, ложь застревала у него в глотке.

– Просто нет, и всё, – ответил он уклончиво, отводя взгляд.

Девочка остановила шаг и внимательно посмотрела на него.

– Точно...

– Что точно?

– Пахнет.

– Чем пахнет?

Во рту у Мёнчжуна пересохло, он рефлексивно сглотнул слюну и моргнул. Рохи, сверлившая его взглядом сквозь прищур глаз, наконец произнесла:

– Бедностью. – Она принюхалась еще и причмокнула губами. – Ладно, давай уже свои мучные комья. Раз денег нет – пошли домой.

Девочка остановилась, развернулась и потянула его за руку назад. Хотя на ее лице еще оставалось сожаление: ей явно хотелось пойти на этот загадочный базар, хотелось полакомиться чем-то вкусненьким, но с учетом обстоятельств, в которых оказался ее отец, она вошла в положение и решила потерпеть.

«Хеын, нам это никогда не простится – такую девчонку родителей лишить...» Не отпуская руку Рохи, Мёнчжун опустил перед ней на

колени, чтобы их лица оказались на одном уровне.

– Ты неправильно поняла. Машины нет не потому, что денег не хватает, а потому что я ее продал – слишком старая была. Все, пошли быстрее, нас ждет вкусный ужин.

Рохи некоторое время смотрела на Мёнчжуна, словно размышляя, правду он говорит или просто так успокаивает. Но, в конце концов, моргнула и улыбнулась. И это было самое детское выражение лица за все время, что он ее знал.

* * *

Они остановились посреди рынка, где на маленьком пяточке торговали мини-рулетками кимпаба и обжаренными в кляре креветками.

– Ну точно, мы бедные – снова повторила Рохи и покивала, словно соглашаясь сама с собой.

– Говорю же, что нет, – промычал Мёнчжун с набитым ртом, пережевывая кимпаб. Параллельно он потчевал Рохи креветками, а та послушно раскрывала рот, словно маленький ребенок, каким, по сути, и являлась.

– А почему мы тогда едим с улицы?

Ели они в обычной передвижной палатке-фургончике, где, кроме них, была еще целая толпа народу: кто-то, как и они, сидел на деревянных скамейках, кто-то ел стоя, держа тарелки на весу. Набор блюд в таких палатках был вполне стандартный: кимпаб, тток-покки или чапчхэ^[14].

Набив рот креветками, Рохи непрерывно вертела головой: вокруг было столько всего нового, и ее раздрало любопытство.

– Мы едим не «с улицы», это рыночная палатка. Просто ты пока еще маленькая и в этом не очень хорошо разбираешься, но потом, когда подрастешь, поймешь, что вот так перекусывать, стоя на рынке, гораздо прикольнее и вкуснее, чем дома или в ресторане.

Не особо поняв, что он имел в виду, Рохи надула губки и пожала плечами. У нее это получилось так мило, что Мёнчжун не выдержал и рассмеялся.

– А дочка-то, поди, в маму пошла...

Вот она, обратная сторона задушевности рыночного общения: удара с этой стороны Мёнчжун не ожидал. Наблюдательность проявила торговка кимпабом – морщинистая тетушка лет под шестьдесят. Волосы у нее были выкрашены в такой радикально черный цвет, что смотрелись неестественно. Заметив, что Мёнчжун поднял на нее взгляд, тетка решила совсем его добить:

– На папку-то совсем не похожа, вот и говорю, что в маму пошла.

У Мёнчжуна подскочил пульс.

– Да? Я и вправду похожа на маму? – Теперь и Рохи не сводила с него глаз.

– Что? Хм...

Мёнчжун снова напрягся: «Неужто Рохи что-то заподозрила? Или эта тетка? В новостях уже успели сообщить о пропаже ребенка или еще нет? Пока мы на рынке, нужно девчонке тоже какую-то панаму или кепку прикупить».

– А, ну тут это...

В этот момент у него очень удачно зазвонил телефон – старый, которым он пользовался еще до всей этой истории. Как вовремя! Теперь не придется углубляться в этот опасный разговор. Мёнчжун зна́ком показал Рохи, что, мол, извини, звонят, и та не стала мешать – уткнулась в тарелку. Наблюдая за ней, Мёнчжун принял звонок. Номер был незнакомый.

– Алло!

Ему никто не ответил.

– Алло! – повторил Мёнчжун.

– Это я, – послышался в трубке голос Хейн.

Йонин был довольно странным местом. Где-то чуть больше года назад сюда в рамках государственной программы релокации стали переводить правительственные учреждения. Город начал быстро развиваться и в настоящий момент относился к числу самых современных и высокотехнологичных. Однако стоило выехать на его окраины или в ближайший пригород, то там можно было лицезреть нетронутый облик провинции, где гор и рисовых полей много, а камер видеонаблюдения как раз наоборот – мало. Вот у одной такой горы в пригороде Йонина и была обнаружена подозрительная сгоревшая машина.

В составе следственной группы на место происшествия прибыл и психолог-профайлер Син Чонрим. Окинув взглядом обстановку, он сразу же вспомнил, что несколько дней назад в утренней сводке городского управления полиции проходило двойное убийство супругов и исчезновение малолетней.

«Обгореть машина может в двух случаях: либо автомобиль – полная дрянь и загорелся в пути, либо сам водитель дрянь редкостная и сжег его для того, чтобы уничтожить следы...» – подумал он и попросил привлеченных к расследованию криминалистов найти в обуглившейся машине хоть что-нибудь: любая мелочь могла стать зацепкой и дать надежду, что дело удастся распутать. И его надежды оправдались – в углу машины обнаружился обрывок волоса.

– Смотрите, телефон выкинули!

Осмотр растянулся на несколько часов, но в итоге на месте происшествия, кроме мобильника и волоса, больше ничего не удалось обнаружить. Отпечатков на телефоне не было, а в детализации звонков значилось только два номера: один неидентифицируемый, явно оформленный на подставное лицо, а вот второй – на номер убитого профессора. Что касается волоса, то его тут же отправили на срочную генетическую экспертизу. Как и предполагал Син, он принадлежал пропавшей Чхве Рохи, поиском которой занималось все городское управление полиции. Профайлер немедленно направился туда, чтобы встретиться с Мун Чжухёком из отдела розыска несовершеннолетних.

– Преступнику, несомненно, очень хорошо знаком этот район. Полагаю, он проживает в радиусе пяти или, если брать с запасом, максимум десяти километров от того места, где нашли машину. Судя по тому, что в салоне не осталось следов крови, нельзя исключать вероятность того, что ребенок пока жив.

* * *

Когда Син Чонрим зашел в офис группы № 1, занимавшейся поисками ребенка, то ее руководитель Чжухёк вместе с подчиненным как раз собирался на выезд. Вместо приветствия они обменялись взглядами, в которых четко читалось: «Еще что-то нашли?» – но по мрачным лицам все было понятно и без расспросов. Чжухёку уже сообщили и про сожженную машину, и про волос Рохи, и про отсутствие пятен крови. При этом последнее обстоятельство само по себе не было таким уж обнадеживающим фактором: убийства бывают и бескровные, таких случаев полно. Поэтому половина его отдела искала Рохи среди живых, а вторая прочесывала горы возле того места, где была сожжена машина: если ребенок погиб – неважно, из-за наезда или по какой другой причине, – то тело должны были спрятать где-то неподалеку. В общем, как и всегда, – надежда и отчаяние были разделены поровну и шли рука об руку.

– По мнению профайлера Сина, преступник пока не покинул Йонин. Поэтому под особый контроль должны быть взяты основные трассы внутри города, а также выезды на шоссе и автомагистрали. Если исходить из того, что это было спланированное похищение, а не просто случайное ДТП, то все равно критическая фаза в семьдесят два часа уже прошла и по горячим следам человек не нашелся. Выходит, нужно переключаться на публичное расследование.

– Это опасно. Если ребенок жив, то преступник может задержаться, – и кто его знает на что пойти...

– Да, решение непростое. Начальник оперативного штаба сейчас как раз собирает совещание. Похоже, тоже никак решиться не может.

Понять сомнения начальства было нетрудно. Если б ребенок точно был мертв, то тогда надо давать делу самую широкую огласку и разворачивать широкомасштабное публичное расследование, чтобы

поймать преступника. Но пока есть малейшая вероятность, что девочка жива, действовать нужно крайне аккуратно. Если впоследствии выяснится, что ребенок был жив и погиб из-за того, что похититель почувствовал себя загнанным в угол, то на них обрушится такой шквал критики, что мало не покажется.

«Так что же, лучше, чтобы девчонка уже была мертва, при таких-то раскладах?» – подумал Саньюн и огорченно цокнул языком.

– С Пак Чхольвоном на сегодня договаривались?

– Да, мы утром созвонились, я напомнил, что к четырем нужно прийти. Минут десять еще есть.

Пак Чхольвон обслуживал камеры наблюдения в доме профессора и был последним, кто видел его живым. Так что у него, как у свидетеля, нужно было выяснить, в каком состоянии был профессор, что говорил, что делал... Ну и в списке подозреваемых техник тоже был на первом месте, само собой. Поэтому Саньюн смог обосновать шефу полиции, что в целях следствия нужно вызывать Пак Чхольвона на допрос. Начальник дал добро.

Чхольвон был очень пунктуален – зашел в кабинет за минуту до назначенного времени. Он был довольно худощавого телосложения, ростом сантиметров 175–180, с каким-то осунувшимся лицом. Саньюну сначала показалось, что у мужчины справа в районе шеи имеется татуировка, но, приглядевшись, он понял, что это старый шрам.

– Извините, что пришлось вызвать вас сюда, – произнес Саньюн, протягивая вошедшему стакан с тоником. Сколько раз за свою бытность полицейским ему приходилось повторять эти слова...

Чхольвон кивнул, двумя руками взял напиток, но сразу поставил его на стол.

Саньюн спокойно рассматривал свидетеля. Он заранее навел справки и был немного в курсе его биографии. 54 года, довольно рано женился, 30 лет назад овдовел – жена умерла при родах. Больше в брак не вступал, на текущий момент жил один. Возможно, из-за боли утраты он постоянно жертвовал деньги детским домам. Возможно, по этой же причине выглядел сильно старше своих лет. На лице его лежала какая-то тень.

– Вы давно уже работаете в «S-секьюрити»?

– Да, около десяти лет.

Голос у Чхольвона был очень примечательного низкого тембра. И характер у него, похоже, уравновешенный и надежный, раз в одной фирме десять лет продержался.

– Скажите, дом погибшего профессора Чхве Чжинтхэ вы стали обслуживать относительно недавно?

– Все верно, где-то месяца два назад. Раньше я обслуживал его клинику – где-то уже года три-четыре. Профессор хотел, чтобы за все отвечал один человек, вот поэтому и сменил техника.

– Понятно... Выходит, профессор к вам хорошо относился?

– Да нет, до такой степени мы не были знакомы. – Пак Чхольвон помотал головой. До этого застывшее лицо немного расслабилось, и сейчас его выражение было скорее смущенным, чем недовольным.

– Вы часто виделись с профессором?

– Нет. У нас практически не бывает ложных срабатываний – ну, то есть когда сигнализация включается по ошибке. А если это не ошибка и в дом действительно кто-то забрался, тогда выезжает специальная тревожная группа. Я же занимаюсь техническими вопросами – установка системы, демонтаж... Ну еще ремонт, если понадобится. Так что часто мы с ним не пересекались.

– Выходит, выезд тревожной группы тоже предусмотрен договором?

– Насколько я знаю, да.

Содержание их беседы Саньюн в подробностях заносил в протокол.

– Разрешите задать вопрос о вашем визите к профессору двадцатого августа. Заявку на демонтаж камер наблюдения вы получили в этот же день?

– Да, все правильно.

– Профессор буквально несколько месяцев назад сменил персонал, отвечавший за его дом. Зачем потребовалось снимать видеонаблюдение, да еще так внезапно?

– Хм, даже не знаю... Такие заявки обычно поступают в колл-центр, а дальше их передают специалистам по удержанию клиентов – отдел ретенции, так они называются. Насколько я знаю, там их уговаривают остаться, предлагают различные дополнительные услуги, но если клиент на уговоры не поддается, то тогда уже заявку окончательно передают нам.

– Возможно, профессор что-то сам вам пояснил?

– Да не особо. Мне вообще-то эта ситуация тоже показалась странной. Я спросил, почему он решил отказаться от видеонаблюдения: может, какие-то замечания есть или недоволен чем... Но он ничего объяснять не стал, сказал, что просто вот так решил – и всё. Потом, правда, я еще раз переспросил, и он ответил, что нашел другую фирму.

– Какую?

– Он не сказал. Я было поинтересовался, но он дал мне понять, что такие вопросы задавать некорректно – типа, «а вам обязательно нужно об этом знать?». Поэтому я дальнейшие расспросы прекратил – в конце концов, я же не из отдела по работе с клиентами, мне это не нужно.

«Хм, только поменял обслуживающий персонал, каких-то больших эксцессов тоже не было, а контракт расторг... Тут сама собой напрашивается мысль, что какие-то подводные камни все-таки имелись. Надо будет выяснить, в какую фирму он собрался переходить». Отложив это в памяти, Саньон перешел к следующему вопросу:

– В котором часу вы пришли к профессору?

– Где-то в десять утра. Я поехал к нему прямо из дома, даже в офис не заезжал.

– Судя по записям на дорожных камерах, вы пробыли там около трех часов. На демонтаж обычно требуется так много времени?

– Три часа? Надо же, я даже внимания не обратил... Хотя в том доме было много камер, даже в подвале имелась. С ней, я помню, как раз особенно много мороки было. А, и еще меня профессор чаем угощал в перерыве, тоже какое-то время заняло.

– Больше ничего? Может, еще какие-то обстоятельства вспомните?

– Он несколько раз спрашивал, сохраняет ли компания копии видео с камер. Я сказал, чтобы он не волновался: это строгойше запрещено законом о защите персональных данных. Все диски с видеозаписями я при нем пересчитал и тут же ему отдал.

«А ведь среди улик, собранных в особняке, дисков не было... Куда они могли подеваться?»

– И где в доме были установлены камеры?

– Перед воротами две, одна в гостиной и еще одна в дальней комнате за гостиной.

«В той самой, где нашли тела Чхве Чжинтхэ и Со Чжинью».

– А еще у него под землей помещение было, типа лаборатории – то ли для опытов, то ли для исследований, не знаю. Так там тоже камера была подвешена. В общей сложности всего пять камер.

– Возможно, вы почувствовали или заметили в доме что-то странное, необычное?

Чхольвон покачал головой.

– Нет, личное знакомство мы с ним не вели и близкими друзьями тоже не были. Как уже говорил, я пытался узнать у него, почему он решил отказаться от камер, но профессор мне ничего толком не сказал. Потом я попил чай, закончил работу и ушел.

Действительно, уличная камера зафиксировала, как техник выходит из дома и идет по обочине.

– Расскажите, пожалуйста, что вы делали двадцать первого августа.

Этот вопрос удивил свидетеля: он недоумевающим взглядом посмотрел на Саньюна.

– Нет-нет, не волнуйтесь, мы вас ни в чем не подозреваем. Это стандартная процедура, обычный вопрос для уточнения данных, мы его всем задаем. Просто что помните из того дня, то и расскажите.

Техник ненадолго задумался, потом ответил:

– В тот день у меня было где-то четыре заявки на установку систем. В последнем доме пришлось повозиться; когда закончил, было уже где-то полседьмого вечера или даже ближе к семи. Короче говоря, поздно работу закончил. Поэтому позвонил на фирму, предупредил, что в офис возвращаться уже не буду. Мы обычно так и делаем, если заказ к концу рабочего дня закрываем. А потом у меня была встреча, и я сразу направился туда, даже домой не заходил, чтобы переодеться.

– Что за встреча?

– Да с одноклассником бывшим, до ночи с ним сидели-выпивали. Потом он вроде как собрался в службу «трезвый водитель» звонить или типа того, из-за этого поругались немного, но в результате пошли спать в чимчжильбан^[15]. Утром там же помылись, похлебали супчика, чтоб похмелье не мучило, да на том и разошлись. Время уже было на

работу идти, так что прямо оттуда в офис и поехал. А потом работал целый день.

– А не могли бы вы дать телефон вашего приятеля, с которым вместе отдыхали?

Чхольвон посмотрел на детектива неприязненно. Саньюн же, напротив, в ответ приятно улыбнулся и сказал: «Пожалуйста, очень вас прошу», – и протянул ручку с бумагой, так что свидетелю ничего не оставалось, как выполнить его просьбу.

– Название сауны писать? – По сварливой интонации техника было件нятно, что настроение у него испортилось, но Саньюн с неизменной улыбкой ответил:

– Да, пожалуйста.

Название Чхольвон записал уверенно, без запинок и раздумий. Взяв бумажку, полицейский поклонился в знак благодарности и опять широко улыбнулся.

– Простите, что пришлось задавать вам всякие неудобные вопросы. Это не очень приятно, но я надеюсь на ваше понимание.

– Да нет, все нормально. Тут же человек погиб, так что спрашивайте, если нужно.

– Спасибо за такое отношение. Если вдруг потом что-то понадобится уточнить, то я вам перезвоню. И вы тоже, если что-то вспомните, – пожалуйста, звоните.

– Хорошо. – Чхольвон кивнул, попрощался и вышел из кабинета.

Саньюн с каким-то странно-отстраненным выражением лица неотрывно смотрел ему в спину. Когда дверь за свидетелем закрылась, к столу шефа подошел Чонман.

– Что-то интересное заметили?

– Двадцать первого числа во время убийства он встречался с другом. Видел, как он его номер записывал? Быстро, четко... Так что, похоже, про приятеля своего он не наврал.

– Хм, тогда получается, это не он убийца?

Саньюн, покачивая головой, подпер рукой подбородок. Он по-прежнему не отрывал взгляд от двери. На его лице явно читалось: «Что-то тут нечисто».

– Получается, нет на него ничего, причем не просто ничего, а вот прямо совсем ничего... – Указательным и средним пальцем он

подцепил листок с телефоном, оставленный свидетелем после допроса, и подтолкнул его напарнику. – На, алиби его проверь.

– А что с ним не так?

– Всё так. Даже с перебором.

– В каком смысле? – недоуменно спросил Чонман.

Саньюну пришлось развернуться на кресле к подчиненному.

– Слишком уж оно у него хорошее. И с приятелем встретился, и всю ночь с ним провел – прямо ни на секунду один не оставался...

«У Чхольвона нет алиби только на один час: с 18:30 до 19:30. Если убийство произошло между 19:00 и 23:45, то теоретически за полчаса можно было добраться от его фирмы до дома профессора. Вот только профессорская жена в 19:00 по доставке получила куриный суп: за оставшиеся полчаса убить двоих и после этого скрыться – на это уже времени явно не хватило бы...»

Мысли Саньюна прервал Чонман:

– Ну так и что тут такого? Я тоже с приятелями выпиваю. Бывает, что потом и в сауну идем.

Саньюн больше ничего не ответил, лишь смотрел на записку с номером. Гулять всю ночь напролет, ходить по саунам – оно, конечно, бывает. Вот только по внешнему виду Чхольвона было не очень заметно, что он такой лихой гуляка: очень тихий, даже подавленный вдовец, который больше никогда не женился, – это да, такое впечатление он производил. И что-то оно совсем не стыковалось с пьянками в кабаках. Да и на допросе показания он давал как-то уж слишком гладко. Понятно, с той встречи всего пару дней прошло, забыться она не успела, но все равно ощущение было такое, словно он все заранее репетировал, а теперь повторяет заученный текст. С телефоном его одноклассника опять же непонятно. Сейчас у всех номера в мобильном хранятся, тут не то что давнего приятеля со школы – номер матери родной наизусть не помнишь. А этот номер он без запинки тут же отбарабанил. И вдобавок еще и названия ресторана с сауной записал...

– Займись его алиби, говорю. Созвонись с его школьным приятелем, договорись о встрече. Надо узнать, какой он в обычной жизни.

– Если алиби надежное, то зацепиться будет не за что...

– Все равно надо проверить. Когда слишком хорошо – тоже нехорошо. Есть у меня такое чувство.

– Все чувства – капуста, а нынче не сезон. – Чонман недовольно покачал головой, взял листок и пошел на выход.

– Ах ты ж засранец! – Саньюн схватил колпачок от маркера и кинул в напарника, но промахнулся.

Нетронутый стакан с тоником для Чхольвона так и остался стоять на столе.

* * *

Вечером того же дня Саньюн сидел в кафе; на выходных здесь всегда было многолюдно. Он сидел здесь не просто так, а ждал Ли Хунчжона – того самого школьного приятеля Чхольвона. Свидетелю не очень хотелось идти на допрос в управление: оно и понятно, по полициям расхаживать любителей мало. А поскольку прямого отношения к преступлению он не имел, то они решили встретиться в этом кафе.

У инспектора был свой резон, чтобы побыстрее поговорить с Хунчжоном: ему нужно было понять, что за человек этот Пак Чхольвон. Профессора с женой убили 21-го числа. Понятно, что на этот день у техника было крепкое алиби: как с утра вышел на работу, так целый день и ходил по новым клиентам, устанавливал видеокамеры. В компании «S-секьюрити» инспектор получил список домов, куда должен был прийти Пак. Саньюн обошел их все, показывая фото подозреваемого, и люди везде подтверждали, что да, был такой. Вот и Хунчжон тоже по телефону подтвердил, что они действительно встречались с Чхольвоном, выпивали допоздна, а потом пошли в сауну. Но все-таки не выходил из головы у инспектора этот странный техник. Спроси у него кто – сам не смог бы ответить почему.

Саньюн не знал, как выглядит Ли Хунчжон, поэтому всякий раз дергался и поднимал голову, когда кто-то входил внутрь. Наконец в кафе зашел весьма упитанный мужчина в легком летнем костюме. В руке он держал платок, которым непрерывно вытирал пот с загривка. Огляделся по сторонам, наткнулся на взгляд Саньюна и подошел к его столику.

– Простите, вы, случайно, не...

Полицейский поднялся с места.

– Да, это я вам звонил. Меня зовут Пак Саньюн, инспектор уголовного розыска. Садитесь, пожалуйста.

Хунчжон торопливо пожал ему руку и плюхнулся на стул. Понизив голос, детектив коротко рассказал свидетелю о случившемся, четко дав понять, что Пак Чхольвон ни в коем случае не является подозреваемым, – он просто хотел кое-что уточнить по поводу его приятеля. Хунчжон жадно отхлебнул кофе со льдом, который заказал для него Саньюн, и начал рассказ:

– Честно говоря, мы с ним не сказать чтобы прямо такие близкие друзья. Он мне после окончания школы вообще ни разу не звонил. А в тот день внезапно объявился и предложил сходить выпить по рюмашке. Спрашивал еще, не занимаюсь ли я, часом, страхованием. А я и в самом деле страховой агент. В школе мы действительно хорошо дружили, поэтому я и пошел – дел-то особых у меня в тот день не было. Он, как я понял, жил одиноко: ни жены, ни детей, ни друзей-знакомых. С того, похоже, и накатило на него в плане выпить, да и мне то и дело подливал. Ну, вот меня и ушатало. Я сказал, что мне домой надо, попросил такси или «трезвого водителя» вызвать. А когда очухался – мы были уже в сауне. Я спросил, почему он меня на такси не посадил или с водителем не отправил, а он сказал, что опасался за меня, типа чтобы со мной ничего не случилось. Ему неловко было за вчерашнее, извинялся, даже супом похмельным угостил. Мы супца похлебали и разошлись... Уф, чтоб я еще хоть раз с ним куда-то пошел! Жена мне потом такое устроила! А вы почему спрашиваете?

Толстяка было не заткнуть: казалось, что если он перестанет говорить, то сойдет с ума от тишины и скуки. Саньюн слушал льющийся на него поток слов с полуприкрытыми глазами. Так или иначе, но показания Чхольвона подтверждаются. Вот только общий фон их встречи оба приятеля описывали совершенно по-разному. С чего вдруг у одного выходит, что желание встретиться было вроде как обоюдным – вдвоем весело погуляли, вдвоем в чимчжильбан решили пойти, – а второй утверждает, что и звонок был совершенно неожиданным, и в сауну он идти не собирался? В общем, тумана в деле меньше не стало.

– Это я.

Услышав до омерзения спокойный голос, звучавший так, словно ничего не случилось, Мёнчжун сам чуть не заорал: «Что ты творишь? Что ты еще со мной сделать удумала? Почему все это время трубку не брала?» Вот только рядом сидела Рохи, глядя на него своими чистыми глазами. Так что ему больше ничего не оставалось, как сдержаться и изобразить вымученную улыбку. Он встал из-за столика, за которым они сидели, и, не пускаясь в детальные объяснения, просто показал пальцем на телефон – мол, поговорю и вернусь. Лишь отойдя в сторону и убедившись, что никто не обращает на него внимания, Мёнчжун раскрыл рот, чтоб обрушиться на Хеын с вопросами, но на том конце трубки его опередили: бывшая жена спросила раньше.

– Да что тут вообще происходит?

Мёнчжун не поверил своим ушам: вообще-то развернувшийся сценарий предполагал, что эту реплику должен был произносить он. «Так, надо успокоиться...» Мёнчжун потряс головой, чтобы прийти в себя.

– Это я тебя должен спросить, что происходит. Что за схемы ты тут мутишь?

В трубке повисла тишина. И тишина эта Мёнчжуну совсем не нравилась: она беспокоила и вселяла тревогу. Едва он подумал: «Буду давить, пока не добьюсь ответа», как Хеын наконец отозвалась. Голос ее подрагивал, и в целом говорила она не в своем привычном стиле – бойко и саркастично, – а медленно, обрывисто, с паузами между словами:

– По новостям же... Родители убиты... Теперь ты на меня стрелки переводишь, типа я все подстроила?

Мёнчжуну оставалось лишь пораженно хлопать глазами. Он перестал хоть что-то понимать в тот самый момент, когда увидел, что тела убитых родителей Рохи кладут в труповозку. Но после того, как ему сказали про операцию Хиэ, все снова стало для него просто и понятно: решающим стало только одно – жизнь дочери. На все остальное он смотрел через призму этого единственного критерия. Кто

с ним так поступил, зачем это было нужно, почему использовали именно его – все эти вопросы он просто выбросил из головы, и там сразу стало легко, свободно и просторно. Теперь же все снова становилось сложным и запутанным.

– А кто тогда, если не ты?

Мёнчжун еще плотнее вдавил трубку в ухо, но все равно заозирался по сторонам – не слышит ли Рохи. Та, похоже, подавилась креветкой, и тетка-торговка давала ей воду и стучала по спине, одновременно озираясь по сторонам и явно высматривая его. Мёнчжун прижался к стене.

– Ты сейчас где? – спросила в телефоне Хейн.

– На рынке. В тот дом сейчас нельзя, там опасно.

– За тобой что, уже следят?

– Ты же новости смотрела: полиция ищет машину, которая на месте происшествия засветилась. – Мёнчжун глубоко вздохнул и сказал с упреком несправедливо обиженного: – Я похититель детей, а не убийца.

Даже ему самому стало понятно, насколько глупо звучат его слова. Тем не менее это было правдой – он действительно никого не убивал. И буквально минуту назад был абсолютно уверен, что все это происки Хейн.

– Давай прямо сейчас встретимся и все обсудим. А то я уже совсем ничего не понимаю.

Хейн замялась. «Хиэ!» – мелькнуло в голове у Мёнчжуна.

– А ты сейчас где?

– Я? Да я тут выехала ненадолго...

Он почувствовал, как его душу наполняет холод. «Она больше не мать», – подумалось ему. Бросить больную дочь, не хотеть быть с ней рядом – это даже хуже, чем три года назад, когда она их просто бросила. Только сейчас Мёнчжун понял, что больше ничего не испытывает к бывшей жене: было грустно и обидно, но он вычеркнул ее из сердца.

– Я так понимаю, что все это время тебя с Хиэ не было.

Хейн ненадолго замолчала.

– Сейчас есть вещи поважнее.

Вот прямо так категорично и заявила, мол, родная дочь – это неважно. И куда только дрожь в голосе подевалась... Ну что ж, вот все

и определилось: эта женщина больше не мать – в который раз пришлось в этом убедиться. Но встретиться с ней все равно надо. Встретиться, чтобы по крайней мере выяснить, она это устроила или нет. А если не она, то тогда кто. И какое отношение этот кто-то имеет к Хиэ. А также почему убиты родители Рохи.

– Ты сейчас где? Я подъеду.

– Лучше не сюда. Давай встретимся в Ёнчжи-доне. Помнишь то кафе, куда мы раньше ходили?

«Не хочет говорить, где находится... Нужно будет взять такси. Или лучше все-таки на метро?» Мёнчжун в задумчивости вышел из своего закутка, бросил взгляд на Рохи – и оцепенел. В трубке Хеын продолжала что-то говорить, но ему уже было не до этого. Тетка из лавки-фургончика поддерживала девочку, а та обессиленно висела у нее на руках. Торговка заметила его и что было мочи закричала:

– Эй, папаша!

В какой-то момент Мёнчжуну показалось, что время словно погрузилось в вакуум – замедлилось и едва течет сквозь него. А потом этот вакуум пронзил вопль тетки:

– Папаша! Дочка твоя... Да быстрее же ты, сукин кот!

От этих воплей окружавшая его стена вакуума рухнула, и время понеслось снова: ноги Мёнчжуна сорвались с места, и он с сумасшедшей скоростью помчался к фургону.

– Рохи!!!

На земле возле лотка виднелись пятна ее рвоты.

* * *

– Здесь ребенок, примите без очереди!

До больницы они доехали на «скорой». Едва машина остановилась, санитары тут же переложили Рохи на каталку и повезли в приемный покой. Мёнчжун словно привязанный бежал за каталкой до кабинета экстренной помощи. Пока медики занимались своим делом, он, обливаясь слезами точь-в-точь как незадачливый отец из сериалов, пытался до них докричаться:

– Температура поднялась... (всхлип)... Потом вырвало... А потом ни с того ни с сего сознание потеряла... – Его пояснения были

сбивчивыми, половина слез, половина слов.

К задыхающемуся от волнения Мёнчжуну обратилась медсестра:

– Наш персонал сам со всем справится. Вам же необходимо сходить оформить карту приема пациента.

– А?

Под напором медсестры он отступил на шаг и поднял заплаканное лицо. Немного придя в себя, увидел, что девочку уже осматривает доктор. Одновременно с этим вторая медсестра, быстро воткнув ей в вену иглу-катетер, делала забор крови на анализ. «Не из-за меня ли она так мучается? Почему ее так внезапно стошнило и стало плохо? Почему снова приходится смотреть, как маленького ребенка тычут иглами: сначала Хиэ, теперь Рохи?» Все эти мысли давили на Мёнчжуна изнутри, а снаружи его подгоняла медсестра, в который раз повторяя, что ему нужно заполнить документы. Она не отставала от него до тех пор, пока он действительно не пошел оформляться. Так что если с медиками все действительно было как в сериале, то сам он очутился в зоне суровой реальности.

– Что?.. А, да-да.

Мёнчжун кивнул и пошел на выход. Сенсоры сработали, дверь автоматически раскрылась. Стойка регистратуры находилась справа от процедурного кабинета. Мёнчжун постарался отбросить переполнявшее его волнение и сказал:

– Мой ребенок... Им сейчас там занимаются...

Сидящий за стойкой молодой регистратор, даже не подняв головы и не отрывая взгляда от монитора, положил пальцы на клавиатуру.

– Имя ребенка?

– Чхве Ро...

Запнувшись на полуслове, Мёнчжун испуганно съежился: он чуть не забыл, кем на самом деле является и в какой ситуации находится. Назови он настоящее имя девочки – и об этом тут же сообщат в полицию. «Что, хочешь, чтобы на тебя наручники прямо здесь надели? Тогда не видать тебе операции Хиэ, как своих ушей!» Мёнчжун чуть не до крови прикусил нижнюю губу. Регистратор наконец поднял удивленные глаза на странного посетителя:

– Чхве – как?

– Нет-нет, Ким Хиэ.

Мёнчжун назвал номер удостоверения личности дочери. Во рту у него все пересохло, нервы были натянуты как струна: регистратор моргнет – а у него в горле перехватывает так, словно на него накинули удавку. Хотя в реальности прошло лишь несколько секунд, но для Мёнчжуна они показались вечностью. Наконец сотрудник больницы кивнул и вновь заколотил пальцами по клавиатуре.

«Уф!» Мёнчжун не смог сдержать вздох облегчения. Но не успел он расслабиться, как тут же накатила вторая волна кризиса.

– Господин заведующий! – Парень за стойкой обернулся и позвал начальство.

Из глубин регистратуры всплыл какой-то непонятный мужичок лет пятидесяти, непрерывно поглаживающий себя по круглому выступающему животу. Молодой регистратор показал ему что-то на экране, заглядывая толстячку в глаза и явно ожидая реакции. Мёнчжун почувствовал, что заведующий изучающе на него смотрит, поэтому неловко улыбнулся и от напряжения крепче ухватился пальцами за край стойки. «А ну как у них там прошла информация, что Хиэ уже госпитализирована?» Вот сейчас этот заведующий как что-то заподозрит, как вспомнит, что сегодня по новостям передавали, и как его узнает! Если дело действительно примет такой оборот, тогда нужно будет бежать отсюда со всех ног. Раз Рохи уже в больнице, то о ней в любом случае позаботятся и сделают всё, что нужно. А если ему удастся вырваться, то тогда, конечно, он выдаст себя как преступника, но зато выиграет время, чтобы продержаться до операции Хиэ.

– Ладно, пока прими, а там посмотрим.

– В смысле «посмотрим»? – спросил Мёнчжун пересохшими губами.

– Да это у нас сбой в компьютерной системе. С вас тринадцать тысяч восемьсот вон.

– А, в этом плане...

Мёнчжун пошарил по карманам и достал деньги – это Хейн дала ему на оперативные расходы. «Даже тут не своими расплачиваюсь...»

– Всё в порядке, вы оформлены. Вот ваш чек, а это передайте, пожалуйста, медсестре. – Парень из регистратуры протянул распечатанный лист с номером пациента.

Мёнчжун схватил обе бумажки и бросился назад в отделение. Стресс от возможного разоблачения уже прошел, и теперь он больше

переживал за Рохи.

В палате она была одна: у изголовья кровати висела капельница, раствор из которой быстро вливался в небольшую детскую руку. «Ребенок, игла...» У Мёнчжунa снова защемило в груди: он вспомнил свою дочь. Веки у Рохи были прикрыты: она то ли спала, то ли просто лежала с закрытыми глазами. Похоже, лечение действовало: покраснение спало, жар тоже. Бледность пока оставалась, но выражение лица было теперь гораздо более спокойным.

– Скажите, что ребенок до этого ел?

Пока он отрешенно смотрел на Рохи, сзади подошел доктор. Это был молодой человек не больше тридцати лет, под белым халатом синий костюм, на груди бейджик с надписью «Чон Чжэхан, врач приемного отделения».

– Креветки в кляре.

– А у нее, случайно, нет аллергии на креветок?

– Ну-у...

Мёнчжун сконфуженно моргал, уставившись в пол: про аллергию он не знал, да и откуда? А сама Рохи об этом не помнила – вот и наелась...

– Мы сейчас прокапываем ее антибиотиками, это снизит аллергическую реакцию. Симптомы, как видите, уже ослабляются. Если она ела только креветки, то, скорее всего, у нее на них аллергия. Но если вы точно не уверены, тогда нужно будет сделать полный тест на аллергены, он покажет общую картину. Это уже амбулаторно.

– Хорошо, я понял. А что сейчас?

– Сейчас с ней всё в порядке. После капельницы ей должно стать лучше, так что вы сможете ее забрать.

Мёнчжун радостно выдохнул:

– Спасибо вам!

– Не за что. А это дайте мне. – Врач показал на бумажку из регистратуры, которую Мёнчжун так и держал в руке. Получив медкарту, он слегка поклонился и передал ее сестре за столом.

Мёнчжун снова опустил взгляд на Рохи. Надо же, аллергия... Ему про это было невдомек. Да и вообще он мало что про нее знал. Оно, конечно, понятно, но это постепенно становилось опасным. До сентября времени оставалось немного – так ли уж необходимо ему

постоянно держать девчонку при себе? Он вздохнул и провел руками по лицу, словно смывая груз забот.

В этот момент Мёнчжун каким-то образом почувствовал, что обстановка вокруг него странно изменилась. Врачи и сестры неотложки, которые занимались Рохи, что-то тихо обсуждали между собой, то и дело бросая в его сторону косые взгляды. Мёнчжуну снова стало не по себе, как только что в регистратуре. Зря он Рохи как дочку оформил... Да еще и номер удостоверения личности назвал... Медики заметили, что он за ними наблюдает, и тут же отвернулись – явно что-то скрывают. Один из врачей одними глазами, чтобы не заметил Мёнчжун, показал сестре на телефон, и та, прячась за спинами остальных, сняла телефонную трубку. Нервы у Мёнчжуна снова натянулись до отказа.

– Папа! – Слабый голос девочки немедленно привел его в чувство. Он оглянулся и увидел, что Рохи уже сидит на кровати.

– Ты как? Голова не кружится?

– В туалет!

В глазах у нее уже были заметны прежние напор и уверенность, говорила она тоже внятно и разборчиво. И про туалет не канючила, как другие дети, а сказала четко и прямо, в своей отрывистой манере, звучащей, скорее, как приказ. В принципе, можно было сказать, что и на этот раз все обошлось, вот только странное поведение персонала по-прежнему тревожило. Хотя Рохи об этом знать не обязательно.

– Хорошо, пошли.

Мёнчжун достал из-под кровати ее обувь, помог обуться, потом перевесил флакон с раствором на передвижной штатив и последовал за шаркающей по коридору Рохи, толкая капельницу перед собой.

* * *

– Позвонила?

Вместо ответа на вопрос врача медсестра лишь мрачно кивнула. После чего последовал тяжелый вздох.

– Я бы таких уродов просто убивала!

Когда девочке закатали рукава, чтобы поставить капельницу, то медики просто застыли от увиденного. Рука под длинной футболкой (и

это в такую-то жару!) представляла из себя один сплошной синяк с кровоподтеками. Вся внутренняя поверхность от плеча до локтя была усеяна чем-то вроде уколов от иглы. Это что же такое надо было с ребенком вытворять? У всей бригады неотложки аж в глазах помутилось от гнева. Без лишних разговоров они решили сообщить об этом в полицию, что, собственно, и требовала от них должностная инструкция. Чтобы отец девочки ничего не заподозрил, они аккуратно переместились поближе к телефону. Именно в этот момент им передали кое-что из регистратуры: это был документ о содействии закрытому полицейскому расследованию в поисках пропавшего ребенка по имени Чхве Рохи. Если среди поступивших в приемное отделение будут замечены дети, то сотрудников больницы просят немедленно связаться с полицией: либо по общенациональному номеру 112, либо напрямую по мобильным телефонам сотрудников уголовного розыска Йонина. Ниже приводился список контактных лиц и их номера, а в самом низу была прикреплена фотография пропавшей девочки, очень похожей на их пациентку. В карте, правда, было указано имя Ким Хиэ, но понятно, что если ребенок похищен, то его настоящее имя никто называть не будет. Хотя даже если это не та девочка, все равно имелось подозрение на жестокое обращение с детьми. Поэтому они без малейших колебаний позвонили по указанному телефону.

«Лишь бы только побыстрее приехали», – волновались медики, так как отец с дочерью должны были уйти, когда закончится раствор в капельнице. Но полиция действительно проявила расторопность: в приемный покой уже спешно заходили Мун Чжухёк и Пак Саньюн. Заметив, что весь персонал отделения собрался у дежурного поста, они подошли к ним.

– Это вы звонили в полицию? – негромко спросил Чжухёк, показывая удостоверение.

– Да, мы, – полушепотом ответила медсестра. – Вот только имя девочки другое указано.

– Ничего, мы всё проверим. Проведите нас, но только тихо. Где они сейчас?

Медбригада дружно повернулась в сторону туалета в глубине отделения. Чжухёк и Саньюн помчались туда: мужской был пуст, но девочка могла попроситься в женский. Саньюн без стеснения толкнул

дверь, из которой как раз выходила какая-то женщина: напуганная, она вжалась в стену.

– Прошу прощения.

Пускаться в объяснения было некогда – оставив изумленную женщину недоумевать у него за спиной, они прошли внутрь. Но ничего, кроме разочарования, их там не ожидало – лишь опрокинутая капельница валялась на полу в луже вытекшего раствора.

Где-то за час до этого Санъюн сидел в общем кабинете, где работала их сводная группа, и крайне внимательно рассматривал фото, снятые дома у убитых супругов. Ему бросилось в глаза одно отличие, которое не встретишь в семьях с детьми, – внутри все чисто и аккуратно, даже слишком. Если в доме есть ребенок, то так быть просто не может. Пусть ты и супербогач, живущий в огромном особняке, все равно там и сям будут валяться разбросанные игрушки, а на полках громоздиться кучи детских книжек. А детские книжки – они особенные: выпускаются в самых разных форматах и в самых разных расцветках, так что как ты их на полках ни расставляй, все равно будет выглядеть неаккуратно – его замужняя сестра когда-то на это жаловалась.

Санъюн посмотрел на следующую фотографию: комната Рохи. Никаких кукол, никаких игрушек, никаких полок с яркими книжками. Ну, допустим, детских книжек у нее не было – так бывает. Но ведь книги у нее в комнате все-таки были, вот только полки смотрелись уныло-ахроматично: лишь черное и белое в различных оттенках. Инспектор двумя пальцами коснулся экрана планшета, увеличил картинку. Больше половины книг на полке – явно не детские: по психологии и другим мудреным предметам, изучающим природу человека. Дети такое обычно не читают. А может, это профессорские книги сюда поставили? Санъюн в сомнениях покачал головой: «Ага, в огромном доме – и места не хватило...»

– Шеф! – Оклик Чонмана вернул его в реальность. Чуть ли не вприпрыжку подчиненный подбежал к Санъюну. – Насчет девчонки позвонили!

В кабинете все оторвались от своих дел и посмотрели на них. К его столу быстро подошел Чжухёк.

– Это точно?

Санъюн вскочил с места, его кресло откатилось назад и стукнулось о стеллаж.

– Откуда?

– Из университетской больницы.

– Больницы? Есть пострадавшие?

Чжухёк сильно помрачнел.

– Уж не с Рохи ли что-то случилось?

– Говорят, поступила с аллергической реакцией.

– То есть похититель из-за аллергии сам ее в больницу привел? –

Санъюн недоверчиво скривился, мол, чушь какая-то. – Он, часом, не дебил? Может, ему мозгов не хватает?

Так или иначе, но Санъюн и Чжухёк помчались в больницу. Выпрыгнув из машины, они забежали внутрь, увидели, что весь медперсонал столпился возле туалета, и кинулись туда. Но ни Чхве Рохи, ни ее похитителя там уже не было.

* * *

Когда они шли в больничные туалеты, Мёнчжун был как на иголках. Слишком уж бросалось в глаза поведение врачей и сестер: похоже, медики заподозрили неладное. Но сбежать было невозможно: Рохи еще не прокапали. Состояние ни туда, ни сюда: и попадаться нельзя, и убежать тоже. Когда у него уже мозг расплавился и кишки внутри завернулись от безысходности, девчонка сама вытащила иглу из руки. Не веря своим глазам, Мёнчжун ошарашенно глядел, как капли раствора стучат по полу.

– Уходим. Рядом с туалетом есть еще один выход на улицу, – с застывшим лицом сказала Рохи.

...И вот теперь они идут по обочине шоссе: девочка впереди, мужчина сзади, отставая где-то шага на два. Некоторое время Мёнчжун попевал за ее мелкой поступью, но надолго его не хватило. Сколько же им еще так идти? Он протянул дрожащую руку и позвал попутчицу:

– Эй, послушай... Ты сама-то как? Может, надо было оста...

От слов Мёнчжуна Рохи встала как вкопанная, развернулась к нему лицом и окинула ледяным взглядом. Он ускорил шаг и догнал ее.

– Э-э-э...

Едва Мёнчжун раскрыл рот, чтобы перейти от своего блеяния к чему-то более вразумительному, как девчонка быстрым движением отвернулась к обочине, подобрала валявшуюся там палку и

момента́льно приставила к его горлу. Веки Мёнчжуна задрожали, он судорожно, с прибулькиванием, дернул кадыком.

С жестким взглядом, от которого бросало в дрожь и который просто невозможно было представить у ребенка, Рохи спросила:

– Ты кто?

* * *

Дежурный техник из службы безопасности университетской больницы еще был на работе, поэтому записи с камер можно было посмотреть сразу на месте. Точное время было известно, так что нужный кусок нашелся быстро. Поскольку эта клиника являлась центральной окружной больницей Йонина, то и приемное отделение было оборудовано по последнему слову техники, в том числе качественными HD-камерами. Бывает, что камеры устанавливаются такие, что на них лица разглядеть вообще невозможно: черно-белые, с низким разрешением, толку от них немного. Но тут, на их счастье, картинка была вполне неплохая.

На экране бригада неотложки толкала перед собой каталку, за край которой держался мужчина. Вот на нем и было сфокусировано внимание полицейских.

– Здесь ребенок, примите без очереди!

«Да ладно! Неужто камеры настолько хороши, что даже звук записывают?» Но звук был не с видео – сзади стоял врач приемного отделения, явно довольный произведенным эффектом от своей реплики. По его лицу было понятно, что ему до смерти интересно, что тут делает полиция, и он решил увязаться за ними. Когда полицейские, вздрогнув, обернулись, врач усмехнулся и пояснил:

– Это тот мужчина так кричал. Потому его и приняли за отца – уж слишком он был взволнован и всех подгонял. А он точно ее похитил?

Кажется, врачу захотелось поиграть в детектива. Саньюн отвернулся и снова погрузился в просмотр видео. В какой-то момент лицо девочки, лежащей на каталке, четко попало в объектив камеры, установленной на потолке.

– Стоп! Здесь можно увеличить?

Техник из охраны кивнул с видом «ну само собой» – похоже, он очень гордился своими гаджетами. Одной рукой застучал по клавиатуре, другой ловко крутнул колесико регулировки масштаба изображения: кадр стал крупнее и лицо получилось разглядеть вполне отчетливо.

– Это она, – сказал Саньюн.

– А это тогда кто? – Чжухёк помахал медкартой, где было записано имя «Ким Хиэ».

Понятно, что под настоящим именем профессорскую дочку оформлять было нельзя. Но удостоверение личности с указанным номером действительно существовало и действительно принадлежало Ким Хиэ. Нужно было установить, кто она такая. Саньюн был абсолютно уверен, что в подобной стрессовой ситуации преступник выбрал это имя не случайно.

* * *

Куда бы они ни шли, надо было думать о камерах наблюдения, а любой прохожий казался полицейским. Поэтому всякий раз, когда кто-то бросал на них мимолетный взгляд, Мёнчжун втягивал голову в плечи, а если видел любое устройство с проводами, то тут же поднимал воротник рубашки, не разбираясь, камера это или нет. Рохи по-прежнему шагала впереди – молча, не произнося вообще ни одного слова, так что было непонятно ни куда они идут, ни что у нее на уме. Мёнчжун боялся заговорить первым. Тем более что он сам не знал, куда им теперь идти. С другой стороны, до бесконечности вот так молча шагать и шагать вперед тоже было нельзя.

– Спасибо тебе.

Рохи резко остановила шаг, порывисто обернулась и бросила на Мёнчжуна яростный взгляд. Он вздрогнул и непроизвольно отпрянул назад.

– Поблагодарить решил? – Ее рот искривился, словно произнося ругательство. – Похищенную?

И что тут на это возразишь? Спорить было не о чем: ему просто было очень стыдно. Еще бы – заложница спасает шкуру своего похитителя... Хотя нет, ему изначально было стыдно становиться

похитителем. А если теперь признаться ей, что, мол, «украл тебя ради денег», то тут от стыда хоть с моста в реку бросайся. И если б не боязнь высоты, он бы так и сделал. Без шуток, только это и останавливало.

* * *

Едва выбравшись из больницы, они увидели, как к приемному отделению подлетела черная машина. Из нее выскочили двое мужчин – очевидно, полицейские. Мёнчжун еще не отошел от того, что Рохи по своей воле вытащила капельницу, а тут снова пришла пора в ступор впадать. И только когда девочка схватила его за руку и потащила за собой, он немного пришел в себя. Мёнчжун полагал, что они сейчас пойдут к центральным воротам больницы, но Рохи тянула его в другую сторону; он подчинился и они спрятались за грузовиком, стоящим на парковке.

Некоторое время спустя те двое, что приехали на черной машине, выбежали из приемника, снова запрыгнули в машину и проехали через центральный выезд.

* * *

– Рассказывай. – Речь Рохи была краткой, отрывистой и категоричной, как приказ, которого не ослушаешься. В ее словах чувствовалась сила; взгляд был жесткий, колющий.

Мёнчжун, запинаясь, начал говорить. Про то, что на самом деле он не ее отец. Что его настоящую дочь зовут Ким Хиэ и она чуть младше Рохи. Что дочь – это все-таки дочь, и ею навсегда останется. Что назвали ее не в честь известной актрисы... Слова лились из него потоком, непоследовательным и бессвязным.

– И донор для пересадки костного мозга есть: с трудом, но нашли. Даже дату операции назначили – второе сентября. Я хотел до этого времени продержаться, а потом сразу тебя отпустить.

Рохи глубоко вздохнула.

– Короче, ты не мой отец?

Интонация была вопросительная, но было понятно, что, по сути, это вопрос риторический. Мёнчжун кивнул.

– И ты меня похитил? Ради денег?

Он снова кивнул. После чего осмелился взглянуть в ее сузившиеся глаза.

– Мои родители сообщили в полицию и теперь нас ловят?

«Уфф, а здесь аккуратней...» В этот раз просто покачать головой не получится: ни в знак согласия, ни возражения. Осталось только опустить глаза вниз.

Белое личико Рохи дернулось от смутной тревоги.

– Деньги уже получил?

– Да нет же! Даже дозвониться до них не смог.

Рохи наморщила лоб. Потом, словно сообразив что-то, вновь посмотрела на Мёнчжуна, отчего тот понурил голову.

– Дозвониться, значит, не смог, но полиция тебя ищет?

Во рту у него так пересохло, что Мёнчжун невольно сглотнул. Получилось громко – даже Рохи услышала. У него заложило уши, как в самолете при наборе высоты: вечером на дорогах Йонина машин было довольно много, но он не слышал их гудков – видел только проносящиеся мимо силуэты.

После паузы Рохи спросила:

– Ты их убил?

Как-то совсем не по-детски у нее мозги устроены: похитил, но родителям не позвонил; если не позвонил, то, значит, и заявление не подавали; а если никто не заявлял, то почему за ними охотится полиция? Вывод отсюда только один: выкуп просить не у кого, и в полицию с заявлением обращаться некому. Потому как родители ее уже убиты. В логике ей не откажешь, вот только...

Мёнчжун вскинул голову так, что чуть шею себе не сломал:

– Это не я их убил!

Когда кричат «не я убил», это значит, что их все-таки действительно убили и они мертвы. Лицо Рохи подернулось, словно по воде пробежала рябь. Она села у обочины, прямо там, где стояла. Мёнчжун боялся, что девочка сейчас упадет в обморок или что-то подобное, поэтому подошел поближе и стал рядом. Голова у нее была полностью свешена вниз. Хотя уже было темно, но Мёнчжун заметил, что краснота на ее шее полностью не прошла. Он положил руку ей на

плечо: тело девочки мелко дрожало. Мёнчжун не знал, что сказать, хотя что в такой ситуации скажешь?

Мелкая рябь на ее лице постепенно превращалась в накатывающее цунами. Не поднимая головы, Рохи плакала навзрыд. Казалось, она сейчас закричит. Пусть она и потеряла память и не помнила родителей, но сам факт того, что папа и мама мертвы, потряс ее. Спустя некоторое время всхлипы стали тише: похоже, плач лишил ее сил, но Рохи словно прорвало, и из ее опустевших стеклянных глаз все текли и текли слезы. Мёнчжун подал ей руку, чтобы поднять с обочины, но у нее совсем не оставалось сил, так что даже держаться за него она не могла. Если б он ее отпустил, девочка просто свалилась бы на землю. Тогда, не отпуская ее ладонь, Мёнчжун повернулся спиной, присел и, крепко прижав второй рукой, взвалил ее на себя. Рохи не сопротивлялась и покорно лежала у него на спине.

Всхлип... Еще один... От этих звуков, доносившихся из-за спины, сердце сжималось обручем. Это все из-за него! С другой стороны, когда он узнал, что ее родители убиты, то у него мелькнула мысль, что Рохи и выжила-то именно благодаря ему. Ведь если б он тогда ее не увез, то загадочный убийца мог потушить огонек и ее жизни. Хотя это просто отговорки и самоуспокоение: в конце концов, что бы там ни происходило у них в доме, но выбраться целой и невредимой ей удалось самой, а его заслуга лишь в том, что она сейчас плачет, оставшись без родителей.

Было уже поздно. Вереницы машин расцарапывали темноту светом фар, а Мёнчжун все нес Рохи на спине. Он не знал, когда прекратится плач у него за спиной, не знал, куда им дальше идти, – просто шел и шел вперед.

– Верни меня.

Когда после долгого молчания раздался ее голос, Мёнчжун поначалу подумал, что это ему показалось – настолько тихо она говорила. Возможно, из-за того, что была напугана. Возможно, наоборот – думала, что такой поворот событий напугает Мёнчжуна.

– В полицию обращаться не буду. Скажу, что ничего не помню.

Мёнчжун без лишних слов развернулся и пошел в направлении города. Проходя мимо дорожного указателя, он поднял голову, словно сверяясь с направлением. На самом деле он знал маршрут и сделал это для Рохи – мол, «все нормально, возвращаемся к тебе домой». Девочка

уткнулась лицом ему в плечо. Некоторое время они шли молча. От долгого плача глаза у Рохи сильно опухли – она это чувствовала, даже не прикасаясь к лицу руками. То ли из-за распухших глаз, то ли от того, что слишком устала, но ей захотелось спать. На спине у Мёнчжуна было тепло. Наверное, так же было тепло, когда ее носил на спине отец или прижимала к груди мать... Почему это случилось с ними? Возможно, когда она вернется домой, то полиция даст ей ответ. Ее тело качалось вверх-вниз в такт его шагов.

«Баю-баю, баю-баю, дай тебя я покачаю...»

В голове – именно внутри, а не в ушах – вдруг зазвучал чей-то ласковый голос: он как будто всплыл на поверхность сознания из темной комнаты ее утраченной памяти. Голос был женский. Мама... По словам Мёнчжуна, он забрал ее не из дома – оттуда она успела самостоятельно выбраться. «Может, я стала свидетелем чего-то?» Следуя за женским голосом, зовущим из темноты, Рохи погрузилась в глубины своей памяти.

– Прости, но зачем ты увела меня из больницы?

Рохи открыла глаза. Мёнчжун говорил на ходу, не останавливаясь, но его слова можно было понять без труда. Она вспомнила недавние события – как шушукались врачи из кабинета неотложной помощи, как бросали на Мёнчжуна подозрительные взгляды, и как она сама наблюдала за ним, пока тот места себе не находил, переживая за нее. Вот тогда она и вспомнила, что Мёнчжун за все это время ни разу не назвал ее настоящим именем – только «Хиэ». А сразу после того, как он ее сбил, назвал Рохи: это было последнее, что она успела услышать перед тем, как потерять сознание. Станный дом, затерянный среди гор... Одежда, не подходящая ни по размеру, ни по фасону – все это тоже. Но главное – чужое имя...

Заметив, как он напрягается при общении с сотрудниками больницы, Рохи сразу поняла, в чем дело. В принципе, там можно было спокойно дожидаться приезда полиции, но... Но почему-то ей захотелось вытащить его оттуда. Почему? Этого она и сама толком не понимала.

Это был ее план: попроситься в туалет, а потом вместе сбежать. Да, он обманывал ее, но ей было интересно с ним эти несколько дней. А дни эти были тем единственным, что Рохи сейчас помнила. Она специально вела себя с ним дерзко и вызывающе, но он относился к

ней как к настоящей дочери и ни разу не разозлился и не сорвался на нее. Нельзя сказать, что это было нормально: так или иначе, но Мёнчжун все-таки замешан в этом преступлении, и пока не очень понятно, действительно ли он не имеет никакого отношения к смерти ее родителей. Так что вместо ответа она просто уткнулась взглядом в землю и видела только шагающие ноги Мёнчжуна в старых кроссовках. Кроссовки были измятые, потрескавшиеся, забитые грязью, причем настолько плотно, что трещины уже казались элементами дизайна. Когда-то белые шнурки выцвели и теперь были непонятного цвета. Поверх кроссовок – желтые хэбэшные штаны. И кто только сейчас такие носит?

Едва Рохи об этом подумала, как перед ее глазами мелькнул какой-то проблеск света. И в этом свете она увидела мужские ноги в черных брюках и черных носках. И на этих ногах словно что-то поблескивало. Девочка потрясла головой. От этого у нее будто сменился слайд: по ощущениям дело происходит в помещении, все те же ноги в черном... Мужчина остановился, а через несколько секунд на пол и ему на носки полетели капли крови, как будто их разбрызгивали из пульверизатора. Она начала вспоминать! Глаза у нее распахнулись: как будто в поисках чего-то Рохи выпрямилась и заозиралась по сторонам.

– Ты чего? – спросил Мёнчжун, почувствовав шевеление.

По шоссе ехала полицейская патрульная машина. Он рефлекторно отвернулся к ограждению дороги. Но взгляд девочки был прикован к этому автомобилю. Проблески мигалки словно приклеились к ее глазам: она продолжала видеть их, даже закрыв веки. И вид их был мучителен.

– Полицейский...

– Что полицейский?

– Убил.

25 августа 2019 года, воскресенье

– Ким Хиэ, девять лет, находится в университетской больнице города Йонин, диагноз – детская лейкемия. – Чонман положил перед Саньюном планшет.

На экране большими буквами было написано «Журнал учета воспитанников детского сада “Надежда”»; слева вверху имелась фотография три на четыре, с которой сияла ясная детская улыбка. Кожа девочки казалась исключительно белой – то ли из-за густых черных волос, то ли из-за того, что им уже был знаком ее диагноз. Было ощущение, что если присмотреться, то можно разглядеть ниточки вен у нее на шее. Вместо стандартного шарика боб-каре у Хиэ была прямая челка, ниспадающая на лоб, отчего она была похожа на куколку. Как бы там ни было, но полицейским с первого взгляда стало понятно, что на фото совсем не Рохи, а совершенно другой ребенок.

– Зачисление в начальную школу было отложено из-за болезни.

...Когда они доехали до больницы, то ни Рохи, ни ее похитителя там уже не было. «Снова все впустую», – проворчал Чжухёк, но Саньюн так не думал. Он сразу же пошел к руководству больницы: если подозреваемый хотел, чтобы Рохи приняли и оказали помощь, но указал при этом другое имя, вряд ли оно будет случайным.

– Может, он вообще его выдумал?

Саньюн считал иначе: в регистратуре сказали, что мужчина, который привез Рохи, сразу указал имя и идентификационный номер. Имя действительно можно придумать какое угодно, номер удостоверения личности – тоже. Но вот чтобы они случайно совпали – так не бывает. А значит, похитителю эти данные были известны заранее...

Детектив взял планшет Чонмана с материалами из детского сада, которые им передали в управлении образования. Глядя на фото Хиэ, ему в какой-то момент стало жалко эту милую девочку с такой солнечной улыбкой и таким страшным диагнозом, но потом он указательным пальцем смахнул ее изображение вниз экрана.

– Смотри-ка, имя отца указано – Ким Мёнчжун, а вместо имени матери – прочерк.

«Ничего странного, в эпоху разводов-то...» Санъюн подключился к полицейской базе данных и ввел запрос на Ким Мёнчжуна: номер удостоверения личности отца был указан в журнале учета детского сада. На экране тут же появился скан удостоверения с фотографией владельца.

– Ну ничего себе!

Санъюн был поражен настолько, что только бормотание Чонмана убедило его в том, что это ему не почудилось: человек на фотографии оказался мужчиной, лицо которого попало на камеры видеонаблюдения больницы – это он привез ее туда. Личность похитителя наконец-то была установлена!

Итак, он использовал имя своей настоящей дочери, чтобы похищенную приняли в больницу. Вот только зачем? Объяснения было два: первое – он просто идиот; второе – он не думал о последствиях, когда ребенок так страдал.

– А ну стой!

Лицо у инспектора внезапно застыло и стало жестким. Он уставился в планшет, буквально сверля его взглядом. Раздел «Наличие судимостей» не был пуст – Ким Мёнчжун привлекался к уголовной ответственности. Санъюн посмотрел на Чонмана и показал, по какой статье: судимость была за убийство.

* * *

Больница, в которую по «скорой» доставили пропавшую Чхве Рохи, была университетской клиникой Йонина. То есть той самой, где в палате интенсивной терапии лежала Ким Хиэ. Дочь Мёнчжуна перевели туда, так как состояние девочки ухудшилось. Время посещения еще не наступило, но перед палатой понуро сидели изнуренные родственники. Казалось, что даже воздух там более густой и тяжелый, чем в других отделениях. Едва Санъюн и Чонман зашли в комнату ожидания, сидящие подняли голову и посмотрели на вошедших. Посетители каким-то образом почувствовали, что новоприбывшие отличаются от них по настрою и пришли сюда совсем

по другому поводу. Автоматические двери из закаленного стекла автоматически открываться не захотели, и Чонман нажал на кнопку вызова сбоку.

– В чем дело?

У женского голоса, доносящегося из небольшой коробочки переговорного устройства, была очень специфическая манера растягивать окончания слов. Чонман наклонился поближе к микрофону и сказал:

– Это полиция, нам нужно кое-что уточнить. Откройте, пожалуйста, двери.

– Секунду. – В динамике что-то щелкнуло, и связь оборвалась.

Разговор ненадолго вызвал оживление среди ожидавших в приемной, но, похоже, у них даже на любопытство сил оставалось немного, и они снова опустили глаза в пол.

Секундой дело не обошлось – им пришлось ждать не меньше пяти минут, пока дверь наконец открылась и к ним вышла медсестра.

– Вы по какому вопросу?

Чонман показал удостоверение и сказал, что им нужно проверить одного пациента, после чего мотнул головой в сторону посетителей, давая понять, что не хочет говорить при свидетелях. Сестра впустила их внутрь и, как только они вошли, сразу же заблокировала дверь. Похоже, пропускная система здесь действительно была строгая. Навстречу полицейским вышла женщина в белом халате.

– Я дежурный врач отделения. Чем могу помочь?

– У вас есть пациентка по имени Ким Хиэ?

Уже задавая вопрос, они поняли, что Хиэ здесь: в самом центре палаты на кровати лежала маленькая девочка. Глаза у нее были закрыты, к телу подключены различные трубки, по телосложению скорее походила на дошкольницу – в общем, выглядела как сломанная кукла-марионетка на веревочках.

– А, вот же она! Скажите, вы с ее родителями никогда не встречались? Может, отца когда-нибудь видели?

– Да, видела несколько раз. Он часто сюда приходил. Хотя в последнее время что-то не появляется...

– Случайно не знаете, почему?

– Подробностей не знаю. Знаю только, что раньше он вообще не оплачивал больничные счета. Когда девочка лежала в обычной палате,

то он всегда старался незаметно туда пробраться, чтобы ему о долгах не напоминали. Жалко было, конечно, что в этой ситуации ему ничем помочь нельзя... Но сейчас все разрешилось – и задолженность погашена, и даже депозит за операцию внесен, так что уже назначена дата, когда ее будут делать.

– То есть он полностью оплатил лечение и операцию?

Саньюн и Чонман переглянулись: это было крайне подозрительно. Если родители похищенного ребенка мертвы, то откуда тогда взялись деньги? Преступник же выкуп не получал. Но полицейские не забыли про опустошенный сейф в доме профессора. А также про наличие у подозреваемого судимости за убийство. Может, все-таки именно он провернул это дело? Определил, где у камер мертвые зоны, пробрался в дом, забрал все ценное, что там было, убил хозяев, а когда дочке, ставшей свидетельницей его преступления, удалось сбежать, то снова через мертвую зону камер выбрался наружу, сел в машину, припаркованную в укромном месте, и похитил ребенка... Могло же такое быть? Могло.

– А на какой день назначена операция?

Если уж отцовская любовь в нем настолько сильна, то не прийти на операцию в назначенный день он не сможет.

– А какое это имеет отношение к полиции?

– Подробности пока раскрыть не можем, но, если в общих чертах, мы ищем отца этой девочки. Не могли бы вы взглянуть на эту фотографию?

Саньюн показал врачу фото на своем телефоне. Это был кадр с видеокамеры, заснявшей приезд Рохи в больницу.

Взгляд женщины коротко дрогнул, после чего она быстро посмотрела на фото и сразу кивнула:

– Да, это он, отец Хиэ. Но почему он в приемном покое нашей больницы? Что он там делает? – Ее распирало от любопытства.

Расследование было по-прежнему закрытым, и врач не могла знать про «подвиги» Мёнчжуна, но если статус дела изменится на публичный, то ей станет понятно, каким человеком был этот несчастный отец, которого она так жалела.

– Так когда будет операция?

– Второго сентября.

Выйдя из реанимационного отделения, инспекторы тут же направились в администрацию больницы. Там их снова ждала надоевшая процедура предъявления удостоверений, а также информация о размере оплаты и плательщике: 50 миллионов вон поступили от Ким Мёнчжуна.

* * *

В оперативном штабе расследования было созвано срочное совещание, на котором, конечно же, присутствовали Саньюн, Чонман и Чжухёк. Последний доложил, что сегодня целый день занимался установлением контроля над основными дорогами Йонина, а также шоссе и автомагистралями, ведущими из города, но пока это никаких результатов не дало. Завтра мероприятия будут расширены, а контроль усилен. Кроме того, Чжухёк осторожно высказал мнение, что во внутренних помещениях всех детских учреждений страны нужно разместить ориентировки на разыскиваемую Чхве Рохи. То есть, другими словами, предложил сделать расследование публичным. Закрытое следствие имело смысл поначалу, чтобы не спугнуть или не спровоцировать похитителя и найти его по горячим следам. Но если сразу это сделать не удалось, то сейчас формат поисков нужно менять.

После Чжухёка о результатах сегодняшней работы доложил Саньюн. Самый большой успех – установление личности похитителя. Это придаст расследованию новый импульс. Лица у всех посветлели, но осадок от того, что дело очень уж странное, все равно оставался. Начальник уголовного розыска, возглавлявший штаб расследования, нахмурился и сказал:

– Допустим, ему нужны были деньги на оплату лечения дочери и он пошел на ограбление и убийство. А ребенка тогда зачем было похищать? Дальше: мы точно не знаем, действительно ли Ким Мёнчжун забрался в дом профессора. Да и то, что он украл там деньги, – тоже лишь одно из наших предположений, а вовсе не установленный факт. Но если даже он и похитил девочку, то похищают же ради денег. Да, возможно, он сбил ее случайно, но потом увидел, что это как раз тот ребенок, и забрал ее с собой. В этом случае ему

нужны ее родители, то есть люди, с которых можно получить выкуп. А он, получается, сначала убил их обоих, а потом зачем-то забрал дочку?

– Вот потому и нужно рассматривать все возможные варианты. В том числе и то, что похититель и убийца могут оказаться разными людьми, – ответил Санъюн.

– И что, просто так совпало, что они случайно оказались в одно время в одном месте? – спросил Чжухёк. В его словах не было сарказма или критиканства, это был вопрос по существу. Ему доводилось расследовать похищения детей, но с подобным случаем он сталкивался впервые.

– Хм... я не стал бы торопиться с таким выводом.

Самый молодой полицейский из их совместной группы поднял руку:

– Думаю, нужно выяснить, откуда у него взялись эти пятьдесят миллионов вон. И кто внес оплату в больнице.

Начальник угрозыска посмотрел на Санъюна, но вместо него поднялся Чонман:

– Как нам сообщили в администрации больницы, плательщиком значится Ким Мёнчжун. Дата оплаты – двадцать второе августа. Установить, действительно ли человеком, который внес оплату, был Ким Мёнчжун, не удалось. Деньги внесены наличными в кассу больницы. Кассира мы опросили, но в тот день через него прошло несколько сотен посетителей, плюс потом он еще подбивал бухгалтерский баланс, так что ничего конкретного вспомнить не смог. Что касается камер наблюдения, то мы их отсмотрели, но видео не очень хорошего качества. Кроме того, плательщик был в кепке и в медицинской маске, так что единственное, что можно сказать точно, – это был мужчина.

Сделав доклад, Чонман сел на место, и слово взял Санъюн:

– Мы запросили детализацию операций по счетам убитых Чхве Чжинтхэ и Со Чжинъю. Безусловно, необходимо выяснить, списывались ли с их счетов пятьдесят миллионов вон. Но, полагаю, причина их убийства может быть связана не столько с похищением, сколько с возможными финансовыми проблемами. Когда получим результаты, я немедленно сообщу о них всем членам совместной оперативной группы.

– Хорошо. – Глава штаба кивнул, потом некоторое время молчал, словно погруженный в свои мысли, а затем поднял взгляд, и по выражению его лица было件нятно, что говорить ему на эту тему тяжело. – Что думаете насчет того, чтобы сделать расследование похищения Чхве Рохи публичным? Об этом просил начальник группы розыска несовершеннолетних Мун Чжухёк. Какое мнение у остальных? Прошу высказываться.

Начальник посмотрел на подчиненных Мун Чжухёка: все они сидели по правую сторону длинного стола и все согласно закивали. Потом пришла очередь людей из группы Санъюна.

– Ну, а вы что думаете?

Санъюн посмотрел на своих подчиненных, ненадолго задумался. Потом, по всей вероятности, четко определившись, поднялся и сказал:

– Думаю, что публичное расследование – это правильный шаг.

– Обоснуй.

– Закрытое расследование было нужно для обеспечения безопасности девочки на начальном этапе. Мы установили, что когда у нее началась аллергическая реакция, то похититель немедленно доставил ее в больницу, причем именно в ту, где лежала его собственная дочь. Полагаю, выбор был не случаен: он подсознательно повез ее туда, куда сам привык ездить. Думаю, и имя собственной дочери указал по этой же причине. Понятно, что таким решением похититель, по сути, сразу себя выдавал, но он все равно поступил так. При этом явно не хочет, чтобы его тут же на месте задержали. С точки зрения психологии в его действиях читается, что он хочет продержаться до определенного времени, после чего ему будет все равно, поймают его или нет.

– До какого определенного времени?

– До дня операции дочери.

В кабинете повисло тягостное молчание.

– Основываясь на этих причинах, можно сделать вывод, что Ким Мёнчжун не собирается убивать Чхве Рохи, поэтому я тоже прошу сделать расследование публичным.

Начальник кивнул:

– Судя по тому, как ему удалось улизнуть из больницы прямо у нас из-под носа, он догадывался, что сейчас за ними приедет полиция. Полагаю, сейчас они пустились в бег. Пока непонятно, насколько Ким

Мёнчжун связан с убийством супругов, но в любом случае он – ключевой элемент этого дела. Нужно подрезать ему крылья, чтобы не так бойко порхал.

Еще раз оглядев всех присутствующих, он веско, со значением продолжил:

– Сообщите аккредитованным у нас журналистам, что сегодня с восьми вечера снимается запрет на распространение информации об этом деле. Пусть по всем новостям во всех СМИ, в том числе по телевидению, сообщат, что мы разыскиваем девочку по имени Чхе Рохи.

– Есть! – грянуло в кабинете.

* * *

– Шеф, прислали список операций по счетам!

Едва Саньюн вернулся за свой стол и начал разбирать материалы дела, как к нему подскочил Чонман, держа в руках папку с детализацией. Пока старший инспектор просматривал документы, младший сопровождал чтение краткими комментариями:

– Жена профессора была обычной домохозяйкой, так что у нее по счету никаких особо интересных движений не было: деньги тратила в магазинах – покупала то да се. Средства на жизнь поступали ежемесячно от мужа. Кстати, неплохо так поступали: он выделял на ее содержание в два раза больше моей зарплаты. Но тут ничего удивительного нет – понятно же, что богачи.

В принципе, Саньюн так и предполагал: Со Чжинью была, что называется, «профессиональная домохозяйка на полной занятости», социальные контакты практически отсутствовали, так что можно было не слишком рассчитывать на то, что по ее счету можно будет что-то отследить. Да он, собственно, не слишком и рассчитывал. Инспектор отложил ее выписку в сторону и придвинул поближе распечатку со счета Чхе Чжинтхэ.

– А вот с профессором не все так просто. Ему на счет из нескольких источников поступали просто гигантские суммы.

– Гигантские?

Чхве Чжинтхэ был руководителем и одновременно владельцем клиники Хегван. Но даже в сравнении с месячными заработками владельцев других клиник разница была просто охрененная! И если такой доход возглавляемая им клиника приносить не могла, то откуда же поступали эти деньги? При более детальном изучении выяснилось, что все подобные переводы были не от организаций, а от частных лиц, а именно: Пак Кисуна, Ма Сокчина, Ким Сокнама, Пан Чонсопа и Мо Ынсон, то есть всего пяти человек, каждый из которых перевел по миллиарду вон. Итого пять миллиардов. У Санъюн просто глаза на лоб полезли: вот это размах был у профессора!

– ПО МИЛЛИАРДУ?!

У детектива в горле что-то булькнуло и зашипело, будто на кипящее масло водой капнули. Все в кабинете посмотрели на него. Но инспектору было сейчас не до косых взглядов, он снова зарылся в бумаги. Ему не то что миллиард, даже сто миллионов вон никогда в руках держать не доводилось. А тут даже не один, а целых пять! Это за что же директору клиники такие суммы засылают?

– Пробил тех, кто в него так инвестировал?

– Да. – Чонман протянул коллеге самый последний листок из папки, на котором было написано:

Пак Кисун – 72 года, основатель компании «АмКор фармасьютикс»;

Ма Сокчин – 37 лет, штатный профессор факультета машиностроения университета Синхун;

Ким Сокнам – 54 года, управляющий корпорацией по производству диспузеров^[16];

Пан Чонсон – 61 год, управляющий строительно-девелоперской компанией;

Мо Ынсон – 44 года, выпускница медицинского факультета Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, в настоящее время управляющая ортопедической клиникой на Каннаме^[17].

Взглянув на список, Санъюн нахмурился. Сведений об этих пятерых было немного, но даже их хватало, чтобы понять: по роду занятий эти люди пересекаться вряд ли могли. У него почему-то

появилось нехорошее предчувствие, что и с допросом этих персонажей не все может получиться гладко.

– Глупости!

– Ничего не глупости!

Два голоса разносились над прогулочной дорожкой вдоль набережной Йонина. Голос мужчины впереди был слабый, похожий на скулеж старого пса, ищущего, где бы справить нужду. Ему вторил другой, детский – высокий и резкий, похожий на когти кота, которыми тот бьет старого пса, слепо тыкающегося носом во все стороны. Если бы кто-то послушал их разговор чуть повнимательней, то мог бы заметить, что девочка (которой была Рохи) говорит исключительно дерзко и нагло, в то время как мужчина (которым был Мёнчжун) явно зашуган, словно сознавая, что виноват. Картина была явно необычная и могла показаться странной прохожим, которые постоянно сновали туда-сюда. Здесь в вечерние часы всегда было так: куда ни плюнь, можно было встретить человека в кепке до бровей и маске до самых глаз. Как микропыль в период песчаных бурь, они были здесь повсюду и липли к тебе на каждом шагу. Но никто из них и представить не мог, что подозреваемый в двойном убийстве, которое сейчас во всех красках расписывали по новостям, сейчас тоже находится здесь.

– С чего вдруг это глупости?

Стоило Рохи повысить голос, как Мёнчжун, опасливо оглядевшись по сторонам, приложил палец к губам.

– Ты говоришь, что преступником был полицейский. Точно ты этого не знаешь, потому что потеряла память. Получается, это просто общее ощущение, но из-за него возвращать тебя нельзя, а нужно и дальше скрываться. Это, по-твоему, не глупость?

Сам Мёнчжун пока не хотел сдаваться полиции из-за операции Хиэ, и Рохи про это знала. Поэтому они и договорились, что он отведет ее не прямо домой, а до ближайших окрестностей. Место преступления еще должно было быть ограждено полицейской лентой; скорее всего, и дежурить там будет кто-то из местного участка, так что дом свой она нашла бы легко, даже если бы и забыла, где тот находится. В общем, ему хотелось поскорее вернуть девчонку, но ее так неожиданно всплывшие воспоминания гирями висели у него на ногах.

– Я видела полицейского. Когда отец к нему развернулся, тот пропорол его мечом. И что, ты теперь отдашь меня прямо им в руки? А ты не думал, что тот урод видел мое лицо и теперь меня ищет?

– Даже если среди полицейских затесался один мерзавец, то все равно нужно им сообщить. Ты про него расскажешь, попросишь помочь, и они тебе не откажут.

– Ты дурак или прикидываешься? Думаешь, что такой богач, как мой отец, ни с того ни с сего с обычным рядовым полицейским встретиться решил? В ситуации, когда не знаешь, кому доверять, как можно просить у них помощи?

Мёнчжун покачал головой и остановился. Рохи вслед за ним тоже резко затормозила и крайне выразительно посмотрела на спутника. А он, словно тот самый старый пес с поджатым хвостом, снова издал что-то вроде поскуливания и отвернулся. «Ты дурак или прикидываешься?» Мёнчжун не разозлился на эти слова – уж слишком абсурдно они звучали: похищенная настойчиво требует у похитителя, чтобы тот ее не возвращал, а вместе с ней пустился в бега. Если это не абсурд, то что тогда?

– Да и в любом случае, сколько мы сможем так бегать? – вяло отбрехивался Мёнчжун.

Рохи была явно недовольна: для жертвы похитителя, которого еще и в убийстве обвиняют, она была довольно упряма. Но так просто вернуться домой не могла. Сперва нужно разобраться в смерти родителей, вернуть себе память, и только потом можно будет вернуться самой. А еще ей, честно говоря, было страшно: она боялась неведомого убийцу, боялась остаться одной... К горлу подкатил горячий ком, и Рохи сжала кулачки.

– Па...

И она сама, и шагавший впереди Мёнчжун замерли. Веки Рохи мелко подрагивали: своего похитителя, который собирался вымогать деньги у ее родителей, она чуть не назвала папой. Заметив, что девочка колеблется, не зная, как к нему обращаться, Мёнчжун смиренно сказал:

– Называй как хочешь.

Рохи задумалась. Со стороны они явно смотрелись как отец с дочкой, так что если называть его «дяденька», то чересчур назойливые люди, сующие нос не в свое дело, обязательно спросят: «А где тогда

отец?» Может, кем-нибудь из родственников назвать? Нет, после того, что он сделал, не хочется... Тогда как, просто «эй!» говорить? Нет, конечно. И тут у нее в ушах словно щелкнуло. Нет, память к ней не вернулась, и что случилось у них в доме, она не вспомнила. Зато вспомнила, как торговка креветками на рынке звала Мёнчжуна, увидев, что его дочь отравилась. «Ай да я!» – подумала Рохи и, тыча пальцем в Мёнчжуна, произнесла:

– Сукин кот!

Глаза под кепкой у него стали круглыми, а рот под маской раскрылся от изумления. Рохи довольно улыбнулась: она понимала, что так говорить нехорошо, но от того, что она высказала это вслух, на душе явно полегчало. Вот только она не предполагала, что ее услышит проходящая мимо тетка. Несмотря на то, что в центре города уже было темно, на тетке была кепка-козырек от солнца. Вытянув руки, она на ходу делала физкультуру: била в ладоши то перед собой, то сзади^[18], но от слов Рохи остолбенела и уставилась в их сторону.

– Ах ты ж красавица моя, снова от бабушки нахваталась!

Мёнчжун, словно пинг-понговый шарик, отскочивший от затылка, подскочил к Рохи и, схватив ее под мышки, завертелся вместе с ней.

– Кручу, верчу, покачать хочу!

Легкое тело Рохи болталось над землей. Тетка прохладным взглядом посмотрела на них, но потом пошла своей дорогой. А Мёнчжун все вертел и вертел девочку: для верности он решил дожждаться момента, когда женщина совсем скроется из виду. У Рохи закружилась голова, ее начало подташнивать. Да и в целом ночной город, мелькавший в глазах, по цвету тоже начал походить на блевоту.

– Поставь.

Она говорила из последних сил, но Мёнчжун, преисполненный чувства ответственности и желающий во что бы то ни стало выбраться из этой ситуации, похоже, ее не слышал. Собрав оставшиеся силы, Рохи улучила момент и саданула Мёнчжуна ногой под челюсть.

– Уй-ё-о-о!

От удара тот потерял равновесие, качнулся назад и выронил ее из рук. Однако на задницу упал только он один, Рохи же ловко и эффектно приземлилась на газон. Если б на ее месте была Хиэ, то Мёнчжун уже назвал бы ее талантом века и начал бы водить по всем балетным и гимнастическим секциям в округе. Тетка, собиравшаяся

научить Рохи хорошим манерам, к тому моменту растворилась где-то вдалеке.

– Ты чего людей трясешь до одури?

Мёнчжун лежал на дорожке задницей к небу и непрерывно извинялся, словно совершил ужасное преступление. Рохи стало неловко, и она прикрикнула на него. Но Мёнчжун огрызнулся:

– А ты чего на меня кричишь?

– А ты зачем меня похи...

Понятно, Рохи хотела, чтобы последнее слово осталось за ней, но и слово «похищение» она тоже произнести не могла. Девочка посмотрела на Мёнчжуна. Мизансцена не изменилась, описание смотри выше: «С лицом ужасного преступника похититель растянулся на земле». Рохи подошла к валявшемуся в нелепой позе Мёнчжуну и шлепнула его по пятой точке.

– Вставай, мы привлекаем внимание.

Мёнчжун поднялся, потирая ушибленные места. Потом зашагал, перебирая ногами, словно зомби. Рядом семенила Рохи, стараясь поддерживать темп. У Мёнчжуна от всех этих забот голова шла кругом, и он, казалось, совсем пал духом.

– Если у тебя настолько кишка тонка, то чего ты вообще в это дело вписался?

Мёнчжун не знал, что ответить, но в груди у него словно что-то оборвалось.

– И почему похитил именно меня? Просто потому, что родители богатые? – Раз уж они выяснили, что Мёнчжун ее похитил, теперь нужно было узнать причину.

Если он скажет, что выбрал их дом случайно, то тогда можно считать, что ложное обвинение в убийстве – это ему такая небесная кара за похищение. Но все равно остается вопрос, кому и зачем потребовалось убийство ее родителей, о котором она так и не смогла ничего вспомнить.

– Это мать Хиэ предложила. А я боялся на видеокамеры попасть, смотрел, где они расположены, и за дорогой не очень следил, вот на тебя и наехал. Вышел посмотреть и – оба-на! – это ж ты! Которую мы как раз похищать собрались! Ну, я тебя в машину закинул и...

– Что ты сказал? – Рохи замерла.

Мёнчжун сначала непонимающе на нее посмотрел, потом догадался: он говорил сбивчиво, и девочка его не поняла.

– Нет-нет, сбил я тебя точно случайно. Потом увидел, что ты – это ты. Поэтому и...

– Нет, до этого что сказал?

– Смотрел, где камеры находятся...

– Нет, еще раньше!

Голос девочки стал резким. От него Мёнчжун снова весь скукожился. Да уж, чтобы такому малодушному, трусливому и до глупости доброму человеку вдруг пришла идея похитить ребенка? Да никогда!

– Мать Хиэ так сказала... Ну, жена моя бывшая...

– Сказала, значит? А откуда она про меня узнала? Просто случайного ребенка из богатой семьи выбрала? Или же моих родителей до этого знала и почему-то злобу затаила? Так получается, что это не ты, му... гхм... чужак, все придумал, а твоя бывшая?

Град вопросов Мёнчжуна не смутил, и ответил он просто:

– Я не знаю.

– Ах ты ж!.. – Рохи от души засадила ему ногой по голени.

– Уй, блин! – Мёнчжун скорчился и распластался теперь уже на газоне. Его лицо выдавало смесь недоумения и обиды. Он тут же пружинисто поднялся и негодуя закричал на Рохи: – Эй, за что?

Лицо Рохи исказилось. «Нужно с ней встретиться. Даже если убийство совершила не его бывшая жена, то все равно нужно выяснить, какое отношение она имеет к моим родителям и почему для похищения выбрали именно меня».

– Где она сейчас?

Стоя на одной ноге, как цапля, и не прекращая потирать ушибленную голень, Мёнчжун простонал:

– Сегодня должны были с ней встретиться.

– Ах ты ж!..

– Уй-я-а-а! – И Мёнчжун снова оказался на газоне. В этот раз прилетело по другой ноге.

– И ты только сейчас об этом говоришь?

Расплатившись за искренность обеими ногами, Мёнчжун смог подняться не сразу.

Когда Мёнчжун еще встречался с Хеын, то свидания у них проходили точно так же, как и у других обитателей Йонина: сначала поесть, потом в кино, затем на кофе. Или сначала в кино, потом поесть, затем на кофе. Или сначала кофе, потом в кино, а потом поесть. Что называется, блюда все те же, лишь порядок подачи другой. Иногда в программу еще добавлялся шопинг: каждый раз со сменой времен года Хеын покупала себе одежду на новый сезон. Она постоянно говорила, что уже и не помнит, что носила прошлой зимой или прошлым летом.

Но ни повторяющийся сценарий свиданий, ни непонятно чем интересный шопинг Мёнчжуну не надоедали. Ведь и поесть все равно надо, да и просто сидеть в кафе и смотреть на Хеын ему тоже очень нравилось. Да что там кафе, даже какой-нибудь занудный артхаусный фильм, не понятно о чем, был не в тягость, если не сводить с нее глаз. А на шопинге было вообще как в раю. Когда сияющая Хеын выходила из примерочной в ярком красивом наряде и спрашивала: «Ну как?», то ему тоже сразу хотелось улыбаться в ответ.

«J-кафе», в которое они часто ходили, располагалось в Ёнчжидоне, недалеко от многозального кинотеатра. Кофейня не принадлежала какой-то известной сетевой франшизе, поэтому была относительно недорогой. Мёнчжун всегда брал здесь американо, что зимой, что летом – только летом со льдом, а зимой без. Хеын же летом заказывала черничный смузи, а зимой – чай из зеленых мандаринов. Мёнчжун брал американо, потому что это был самый дешевый напиток во всем меню. Хеын говорила, что это дурацкий выбор: американо и дома всегда попить можно, а раз уж сюда пришли, то имеет смысл заказать то, чего обычно не попьешь. Для Мёнчжуна же было поразительно, что Хеын могла дома в любой момент выпить сколько угодно американо. Как бы там ни было, но он всегда расплачивался за них обоих...

– Фу, отстой несусветный. – Резким ответом Рохи безжалостно прервала поток его мечтательных воспоминаний.

– Почему это? – недовольно спросил Мёнчжун, надувшись.

Хоть они с женой и разошлись, но совсем молча проглотить то, что его замечательную нежную юность назвали «отстоем», он не мог.

Рохи подняла на него взгляд, и было видно, что она не поняла вопроса, мол, «а что тут неясного».

– Я ж из богатой семьи, и по всяким кинотеатрам мы не шляемся – у нас дома свой кинотеатр.

– А, ну конечно.

«Да уж, это не наше детство, где мы автобусные талончики на хот-доги обменивали...»

«J-кафе», к счастью, было на прежнем месте.

– Вон оно! – Мёнчжун показал пальцем, и Рохи едва успела его придержать.

– А если там полиция?

– И то правда...

Они перешли на другую сторону дороги и встали у здания, из-за которого кофейня хорошо просматривалась. Подозрительных людей, похожих на полицейских, там не было. Хеын, впрочем, тоже. Что и понятно: время встречи давно прошло. Рохи считала, что если они не смогли встретиться сегодня, то, возможно, Хеын придет завтра. Но Мёнчжун точно знал, что такого не будет: Хеын не относилась к тому типу женщин, которые будут верно ждать тебя два дня подряд в надежде на то, что ты, возможно, придешь.

– Вроде как нет ее...

– Точно?

Мёнчжун кивнул. Рохи в сомнении покачала головой: если б Хеын была настоящей преступницей и хотела подставить Мёнчжуна, выдав его за убийцу, то обязательно направила бы сюда полицию.

– Пошли к ней домой. Знаешь, где она живет?

Рохи с решительным видом «веди меня к ней» была готова отправиться на встречу немедленно, но Мёнчжун сконфуженно замялся.

– Ты что, не знаешь, где ее дом?

– Ну... Как бы нет.

«А это еще как понимать?» Рохи нахмурилась.

– У нас конкурс загадок?

Ей пришлось переспросить несколько раз, пока она наконец не поняла смысл этой фразы. Короче, после развода Хеын не сообщила бывшему мужу свой новый адрес. Да и потом, когда внезапно появилась, чтобы руководить похищением, тоже продолжала

скрытничать. Поэтому в тот день, когда они впервые встретились у Хиэ в больнице, он решил проследить за бывшей супругой. Как ни крути, ей же тяжелее приходится, чем ему... Вот о болезни дочери узнала и расчувствовалась настолько, что даже навестила ее в больнице. И если уж ей пришла в голову дикая мысль о похищении ребенка, то ясно, что она отчаянно нуждается в деньгах. Еще будучи беременной, Хейн причитала, что если перерыв в профессиональной карьере затянется, то потом найти работу будет очень сложно. Судя по всему, за это время она так и не смогла найти какое-то нормальное место. Да, из-за нее он теперь жил в горной хибаре без мебели и с одним комплектом приличной одежды. Но она все-таки остается для Хиэ матерью. И ему просто хотелось убедиться, что мать его дочери живет в безопасном месте и не занимается чем-то подозрительным из-за отсутствия денег.

– Я же за нее волновался!

– Давай без отмазок, маньяк-следопыт.

В итоге Мёнчжун отвел Рохи к дому бывшей супруги, о котором он вроде как знать был не должен, но все-таки знал. Хейн жила в самом центре квартала Сочхо-дон – это был спальный район, застроенный в основном малоэтажками, каждая квартир на десять-двенадцать. Элитным такое жилье вряд ли можно было назвать, но если сравнивать с лачугой Мёнчжуна, то сравнение все равно не в его пользу. Выходит, бросив больную дочь, Хейн сама жила не без комфорта.

– Дом сто один, квартира триста вторая.

Это было четырехэтажное здание, с тремя квартирами на каждом этаже. Рохи прикинула, где может располагаться нужная квартира, посмотрела на окна – в них горел свет. «Уж не свидание ли у нее ненароком? Тогда там будет еще и мужчина». С такими недетскими мыслями она уверенно зашла в подъезд и поднялась по лестнице на третий этаж. Сзади плелся Мёнчжун, отдуваясь от одышки. Рохи яростно посмотрела на входную дверь, словно это уже была сама Хейн.

– Вот только ключей у меня нет.

– Ты что, дурак? И как ты собрался заходить? Думаешь, дверь сама откроется, по твоему хотенью?

Под напором Рохи Мёнчжун подался назад, а Рохи приложила палец к звонку и только собралась нажимать, как дверь, словно того дожидаясь, сама распахнулась перед ними. В проеме стояла Хейн, держа в одной руке пакет с мусором, а в другой – мобильный телефон, по которому как раз с кем-то разговаривала.

Это была женщина ростом чуть ниже 170 сантиметров, широкоплечая, крепкого телосложения. Возможно, из-за занятий спортом ее фигура казалась не громоздкой или неуклюжей, а просто создавала ощущение силы. Из одежды на ней были длинная футболка и короткие шорты. Лицо белое и чистое, очень ухоженное, без малейшего изъяна, явно не измученное страданиями и переживаниями. Прямо хоть табличку на нее вешай: «Роскошна и без украшений».

Хейн глядела на бывшего мужа в изумлении, а когда заметила Рохи, то чуть не упала в обморок. Та же прежде всего посмотрела мимо хозяйки, проверяя, нет ли в помещении кого-то еще. К счастью, насчет свидания девочка ошиблась и никого больше в квартире не было. Зато по телевизору в гостиной как раз передавали новости о двойном убийстве в доме профессора. Рохи с жестким вызовом взглянула в глаза Хейн:

– Я так понимаю, представляться не надо.

У той отпала челюсть, на что девочка с милой улыбкой продолжила:

– Ну тогда давайте-ка отключим телефон – разговор будет.

Глава 3

Похищение № 2

Квартира у Хейн оказалась заурядной и небольшой. Гостиная на такое количество гостей была точно не рассчитана: на диване у стены они втроем могли бы поместиться, только если б уселись друг к другу впритык. Напротив дивана на стене висел телевизор с плоским экраном, в потолок встроена квадратная светодиодная панель. Она давала достаточно света, но в углу комнаты дополнительно стояла еще одна лампа – не столько для освещения, сколько для интерьера. На стене с телевизором больше никаких популярных элементов декора не было. Возле дивана ютился журнальный столик без журналов, на кухне, примыкавшей к гостиной, стоял небольшой обеденный стол, тоже отодвинутый к стене. Перед столом был стул – только один. Навесные шкафчики над раковиной не висели, вместо них была небольшая полка с тарелкой, плоской для риса, миской и кофейной чашкой – всего по одной штуке. Выходит, жила она одна, раз посуды много не требовалось. Мёнчжун был даже немного расстроен: дом как дом, ничего примечательного, за исключением того, что внутри было на удивление чисто и пусто. Чувствовалось, что здесь никого больше не ждут. Да, вот такой она была матерью – родила и сбежала... Но ведь если ради своей дочери решилась на похищение чужого ребенка, то, наверное, это тоже можно считать своего рода разновидностью материнской любви. Только непохоже, что она готовилась принять в своем доме кого-то еще: ни стула лишнего, ни кружки... Даже фотографии Хиэ нигде не стояло.

Хейн взглянула по очереди на Рохи, потом на Мёнчжуна:

– Что здесь вообще происходит?

Мёнчжун сам не знал, с чего начать разговор, но из него чуть не лезло наружу: «Это я тебя должен спросить! Девчонку – да, я похитил, как ты и предлагала, но теперь-то меня в убийстве подозревают!» Он уже собирался раскрыть рот, чтобы все это выпалить, как тут по его бедру хлопнула маленькая ладошка. Рохи, жестко глядя на хозяйку, спросила:

– Как-то не очень радушно вы гостей встречаете. Может, хотя бы чаем угостите?

В глазах девочки откровенно читалось: «Понимаете, что я прямо сейчас могу в полицию на вас заявить?» Под ее колючим взглядом обескураженная Хеын пошла на кухню: вскоре оттуда послышалось сопение электрического чайника. Мёнчжун заметил, как губы Рохи дернулись и растянулись в ухмылке. Но почему она улыбается, ему было непонятно.

Чуть погодя Хеын вернулась в комнату с подносом, на котором стояли бумажные стаканчики. Стакан с пакетиком черного чая достался Мёнчжуну, на долю Рохи выпал стакан с обычной водой.

– Молока не держим.

– Не особо и рассчитывала. Все равно пить не собиралась – мало ли что туда подсыпано...

– Ты ж сама проси... Ох!

От вонзившегося в бок локтя начавший было говорить Мёнчжун невольно заткнулся посреди фразы. Хеын вопросительно изогнула бровь:

– Вода бутилированная, бутылка новая. Ничего я туда не добавляла. – И она уселась напротив них прямо на пол.

От этого Мёнчжун, сидевший на диване, почувствовал себя неловко и тоже решил пересесть на пол, однако на полдороге передумал, замер на полусогнутых, а потом снова сел на диван. Там ему опять стало неудобно, он начал сползать вниз на пол и замер в полуприседе.

– Срать собрался?

Под раздраженным окликом Рохи Мёнчжун в итоге угнезвился на диване. С безразличным видом, словно это относилось не к нему, отхлебнул чай из стакана, но вкуса разобрать не смог. Когда они еще жили вместе с Хеын, дома у них черного чая не водилось – лишь растворимый кофе «3 в 1» в желтых упаковках: такой был вкуснее, чем в коричневых. Правда, немного дороже, но от этого удовольствие казалось только бóльшим.

– До тебя невозможно дозвониться, в чем дело?

– За мной, походу, следили, так что мобильный я выбросил.

Это была самая короткая версия того, что Мёнчжун хотел рассказать ей о произошедшем за это время. Он уже хотел возвращать Рохи, но поскольку к ней неожиданно начала возвращаться память, то теперь самым важным было вернуть ее саму в нормальное состояние.

Хеын тем не менее его короткий ответ вроде как устроил, но все равно она в задумчивости потеряла лоб.

– И сколько ты еще будешь с ней прятаться? Того гляди, на тебя еще всю вину повесят.

– Чью вину повесят? Уж не вашу ли, уважаемая?

Хеын взглянула на Рохи. Хмыкнула, поняв, с какими мыслями девчонка пришла к ней.

– Гляди-ка, и впрямь гений-вундеркинд, куда там простым смертным...

Мёнчжун выпучил глаза.

– Гений? Кто?

– Прогуглить ее не пробовал?

– Как? Говорю же, мобильный выкинул.

Хеын вздохнула, включила свой, вошла в интернет. Ее пальцы заметались по виртуальной клавиатуре, набирая в поисковике «Чхе Рохи». Повернув телефон к Мёнчжуну, она показала результаты поиска. Экран пестрел заголовками: «Убийство в доме директора клиники: кто она, единственная выжившая из всей семьи?», «Выяснено: гениальную дочь убитых родителей зовут Чхе Рохи», «В 8 лет – и уже член Mensa^[19]».

При этом в новостях не говорилось, что девочка пропала и ее разыскивают. Мёнчжун протянул было руку к телефону, чтобы прочитать новости повнимательнее, но Хеын проворно убрала гаджет в карман. Его пальцы ухватили лишь воздух, и ему ничего не оставалось, как забрать руку назад. Рохи ухмыльнулась, а Мёнчжун, делая вид, что его самолюбие не пострадало, гордо расправил спину.

Хеын взглянула Рохи прямо в глаза.

– Знаю, что ты думаешь. Но это не я.

– То есть на меня выбор случайно пал, просто потому, что семья богатая?

Теперь уже пришла очередь Хеын замолчать и подбирать слова. Ее длинные ресницы отбрасывали тени, рот упрямо сжат; было заметно, что она что-то обдумывает. Чуть погодя женщина подняла голову и, скривившись, сказала:

– Мне нужны были деньги.

– Это не новость. – Рохи в выражениях не церемонилась.

– А также тот, кто точно заплатил бы и в полицию обращаться не стал... – Хейн помолчала, потом добила контрольным в голову: – Такой, как твой отец.

* * *

Основатель «АмКор фармасьютикс» Пак Кисун даже в свои 72 года выглядел вполне себе стильно. Он не казался дряхлым, скрюченным стариком – благодаря спорту фигура у него была прямая и стройная, а рубашка с короткими рукавами не скрывала крепкие мускулистые предплечья. Даже после выхода на пенсию он старался вести жизнь по-молодому. И на сухое формальное приветствие полицейских ответил приятной улыбкой. Когда к нему по полу подполз годовалый карапуз, то бизнесмен засмеялся так широко и радостно, словно был самым счастливым человеком на свете. Он схватил малыша на руки и поднял его высоко вверх.

– Эх, слишком поздно я стал с внучатами нянчиться... А вы ко мне по какому вопросу, говорите?

– Вам знаком человек по имени Чхве Чжинтхэ? Возможно, в новостях о нем слышали?

Едва Саньюн упомянул имя профессора, как улыбку с лица Пак Кисуна словно стерли. Он позвал кого-то из кухни; оттуда быстро выбежала женщина – судя по всему, невестка. Она взяла ребенка на руки и отнесла в другую комнату. Как только дверь за ней закрылась, хозяин горестно вздохнул:

– Да уж, слышал... И как только такое случиться могло? Но постойте, я-то к этому делу каким боком?

Кисун сделал вид, что действительно не понимает, почему к нему пришли из полиции, – вот только получалось у него это не очень убедительно. Инспектор протянул распечатку со счета профессора, где значился перевод на миллиард вон. От этих цифр у хозяина дернулось лицо. И это не укрылось от полицейских.

– Очень хотелось бы услышать, за что вы перевели профессору такую значительную сумму.

– А, это... Ну... Можете считать, что это были инвестиции.

– Инвестиции? Во что?

– Таких ученых, как Чхве Чжинтхэ, у нас в стране по пальцам пересчитать можно. Светило! Он сказал, что разрабатывает уникальный метод операции, который до этого в мире никогда не применялся. Вот я и решил проинвестировать исследования профессора.

– И в чем уникальность этого метода?

Кисун гневно вскинулся, изображая обиду:

– Ну так профессору виднее! Он меня лично заверил, что это исследование перевернет весь мир. Всех объяснений я не понял, но Чхве Чжинтхэ я доверял, поэтому и вложил в инновацию.

Поверить Пак Кисуну было никак невозможно: перевести такие деньги, полагаясь только на талант и репутацию профессора? Хотелось задать ему еще много вопросов, но Пак раздраженно сказал, что больше ничего не знает, что он устал и что полицейским уже пора уходить. Он поднялся с места, махнул на прощание рукой – мол, ступайте – и сам тоже вышел из комнаты.

* * *

Со следующим фигурантом из списка, профессором Ма Сокчином, они встретились в университете. Его кабинет и рабочий стол были завалены горами книг, документов и отчетов. Но настоящим украшением стола, сразу бросающимся в глаза, было другое – семейная фотография. На ней он с радостной улыбкой обнимал своего ребенка, рядом стояла жена, и все были счастливы.

Профессор устало протер глаза, потом надел очки и поприветствовал полицейских. Но едва речь зашла о переводе миллиарда вон, его настроение изменилось так же стремительно, как у Пак Кисуна до этого. Профессор Ма заявил, что перевод денег от одного частного лица другому частному лицу является личным делом, и от дальнейших объяснений уклонился, сославшись на то, что ему надо на лекцию. После чего довольно грубо заявил, что если полиции нужна от него еще какая-то информация, то пусть приходят с ордером или вызывают повесткой.

«Смотри-ка, становится все интересней и интересней... Что ж они все так резко реагируют?» – подумал Санъюн.

С Ким Сокнамом, управляющим компанией по производству диспуозеров, встретиться не получилось – он был в Китае. Его направили в командировку в Шанхай: там проходил тендер на поставку оборудования для масштабного проекта по строительству жилого комплекса на 3000 квартир. С Кимом, правда, удалось связаться по телефону, но никакой существенной информации он не сообщил: с профессором Чхве Чжинтхэ он-де познакомился через каких-то случайных знакомых, деньги перечислял как инвестиции в научное исследование, но в чем конкретно оно заключается, так до конца и не разобрался. Полицейским показалось, что управляющий уже знал о том, что их интересует этот перевод и что они будут о нем расспрашивать. Это, впрочем, было неудивительно: если все пятеро знакомы друг с другом, то Пак Кисун мог предупредить остальных.

Что касается Пан Чонсопа, то у него были переговоры с поставщиком строительных материалов для его фирмы. Он сказал, что больше 10 минут уделить Саньюну не сможет, но инспектор клятвенно заверил, что им этого времени хватит. Взгляд Чонсопа был колким, словно он тоже понимал, зачем они к нему пожаловали. Да и говорил он ровно то же самое, что и остальные инвесторы-миллиардеры. Саньюн тяжело вздохнул.

– Я вас очень прошу, пожалуйста, будьте со мной откровенны.

– Больше мне вам сказать нечего, хоть откровенно, хоть нет.

– Там же не только убийство: еще и ребенок их пропал. Любое промедление может быть крайне опасно.

Чонсоп испуганно дернул плечом.

– Что? Пропал ребенок?

– Мы пока не предавали данный факт огласке. Но если это преступление хоть как-то связано с исследованиями профессора, то нам нужно знать об этом все.

Со свинцовым лицом Чонсоп погрузился в какие-то свои мысли, но потом, словно прогоняя сон, потряс головой, проморгался и произнес:

– У меня самого внук маленький. Если дело касается детей, то я все готов рассказать. Но я действительно ничего не знаю. И давайте на этом закончим.

Затем он стремительно, будто спасаясь от погони, поднялся и вышел из комнаты.

Теперь надежда оставалась только на Мо Ынсон. Ей позвонили в больницу, но она была на операции; когда освободится – неясно: сказали, что точно не раньше, чем через два часа. Пользуясь случаем, Саньюн и Чонман решили устроить себе поздний обед и зашли в сетевой фастфуд. Сдвинув несколько столов в ряд, семь женщин лет тридцати-сорока шумно обсуждали детские книжки. Полицейские сели за столик у окна подальше от них. Саньюн впился зубами в принесенный напарником гамбургер – рот наполнился сладковатым соусом. «Ну вот, снова жить можно!» Старший инспектор вдруг понял, что в последнее время совсем не ел гамбургеров. Он же все время вместе с Чонманом, а тому каждый день другое меню подавай, всего перепробовать хочется. Вот и ему приходилось есть всякое-разное за компанию с молодым. «Ворчу... Видать, совсем старпером становлюсь», – с горечью подумалось детективу.

За стеклом окна была видна клиника, в которой работала Мо Ынсон. Саньюн считал, что встреча с ней будет самой важной. Из всех пятерых она одна окончила тот же университет, что и Чхве Чжинтхэ, разница в возрасте у них была всего шесть лет, так что вести свое знакомство они вполне могли еще с Америки. Кто еще мог найти всех этих не связанных друг с другом людей и познакомить с профессором, если не она?

– ...Вот про то и речь. Как делают некоторые? Просто говорят: «Ах, какая интересная книжка, давай-ка ее почитаем!» Но это недопустимо!

Саньюн повернулся на пронзительный голос, доносившийся от той самой группы женщин, которых они заметили на входе. На столиках у них стояли только напитки: еду то ли не заказывали, то ли уже всю съели и теперь просто общались друг с другом. Похоже, что дама, говорившая громче остальных, и была лидером их неформального собрания.

– Я, как мать, должна сама для начала прочитать книжку, чтобы понять: ага, вот тут у нас важный момент, а вот тут ребенку нужно будет подумать над смыслом. А сразу читать книгу вслух, не зная, о чем она, – это в корне неправильно. Мы только тогда сможем помочь ребенку понять содержание, если сначала сами изучим его.

«О, да у них тут, похоже, собрание клуба мамашек...»

К женщинам осторожно подошла работница заведения:

– Прошу прощения, но я бы попросила вас разговаривать потише, у нас здесь еще другие посетители есть.

Санъюн был несколько смущен: кроме них с Чонманом, других клиентов в зале больше не было. Наверное, девушка подумала, что он посматривает на этот женсовет потому, что их разговоры ему мешают. В какой-то момент инспектор наткнулся на обиженный взгляд «председательши» и непроизвольно отвел глаза.

– Ладно уж, просим прощения. – Внешне выглядело так, что глава материнского клуба подчинилась и извинилась, но ее взгляд и тон были полны шипов.

Вся эта сцена почему-то зацепила Санъюна, оставляя какое-то странное ощущение. Он даже не сразу понял какое, просто в голове что-то неуловимо мелькнуло и сразу пропало. Что-то такое... такое... Папка! Он отложил ее, пока обедал, но теперь начал лихорадочно перерывать документы. Вот оно, досье на пятерых инвесторов, составленное Чонманом.

– Ничего не замечаешь? Что между ними есть общего?.. Ну да, все они тут люди состоятельные. Но, за исключением Мо Ынсон, раньше они с профессором вряд ли могли пересекаться. Так что же тогда их объединяет? И о чем они так говорить не хотят?

Детектив снова начал копаться в бумагах. И тут его точно обухом по затылку стукнуло. Как же он мог это пропустить!

– Нет, всех их не только Мо Ынсон связывает... – Санъюн протянул изумленному Чонману листок с информацией на пятерых фигурантов. – У каждого из них в семье есть маленькие дети или внуки. Либо вот-вот родятся, либо уже родились, но в любом случае им не больше трех лет...

Эти родители хотели сделать из своих детей вундеркиндов. А Чхве Чжинтхэ был как раз экспертом в области человеческого мозга.

* * *

«Он бы в полицию обращаться не стал и деньги точно заплатил...» Кем же был ее отец? Рохи терялась в догадках.

– Вы это к чему?

– Она, наверное, про домашнее насилие, да?

Рохи не сразу поняла вопрос, но догадалась, о чем идет речь, и прикоснулась к своей руке. Раньше, когда она принимала Мёнчжуна за отца, то и сама считала, что это он ее за что-то наказывал. Но теперь...

– Нет, не настолько важны все эти синяки и уколы... – Рохи о чем-то сильно глубоко задумалась, потом покачала головой и посмотрела на Хеын в упор. – То есть вы хотите сказать, что из-за этих ссадин он не смог бы заявить в полицию о похищении ребенка? Думаете, мой отец такой идиот? Сказал бы, что просто упала или ударилась обо что-то, – и всего делов.

– Голова у тебя и вправду что надо. – Хеын улыбнулась, при этом взгляд от девочки не отводила, словно желая убедиться, что та действительно потеряла память и ничего не помнит из своей прошлой жизни. Ощущение было таким, словно она обронила что-то в глубокий и темный колодец и теперь пытается высмотреть это на дне. Потом женщина тихо вздохнула. – Да вот, нащупала я у него одно слабое место...

– Какое? – продолжала дожимать ее Рохи.

Хеын пожалала плечами.

– Это сейчас так важно? В любом случае никаких денег я так и не получила. И уже не получу. Мне жаль, что с твоими родителями так вышло, но больше тебе у меня ничего не выведать.

И ведь не скажешь, что она не права. Понятно, что Хеын что-то знала, но упрекнуть ее в том, что она ответила именно так, тоже было нельзя. Да, она спланировала это преступление, и теперь ее можно было сдать полиции, но говорить с ней больше было не о чем. Рохи обернулась на Мёнчжуна. А тот был словно сам не свой: лицо потемнело, губы задрожали, в глазах, уставившихся в пол, был какой-то непонятный блеск. Рохи хотела спросить, что с ним, но Мёнчжун опередил ее с вопросом, обратившись к Хеын:

– Так, говоришь, никаких денег не получала?

Та скривилась:

– Ну да, и что? Или думаешь, что я их закрысила?

– Тогда кто лечение Хиэ оплатил?

– Что? – Хеын явно не поняла вопрос.

Тут уже к разговору подключился высокий голосок Рохи:

– То есть это не вы оплату внесли?

– Откуда у меня такие деньги? Мы ж собирались тебя похитить, чтобы выкуп получить. Похитить похитили, но выкупа-то нет, даже дозвониться не могли... А вы говорите, кто-то лечение оплатил? За какие деньги? Почему?

– Как интересно разговор повернулся! Вы точно папу... кхм... мужа своего бывшего не хотели подставить, а потом с деньгами прокинуть?

– Думаешь, при похищении предоплату дают? И я ее всю за долги по лечению больной дочери отдала?

Женщины обменивались быстрыми репликами-выпадами, как игроки в пинг-понг ударами. Их голоса носились туда-сюда по комнате, словно шарик над теннисным столом. Казалось, их пикировка будет длиться вечно, но тут Мёнчжун заорал дурным голосом:

– А ну тихо обе!

И шарик словно попал в сетку: пинг-понг прекратился, спорящие замолчали.

До этого Рохи никогда не доводилось слышать, чтобы Мёнчжун кричал. Впрочем, как и Хеын: ни когда в приюте жили, ни потом, когда встречаться начали, ни за весь их недолгий брак. Даже когда она внезапно бросила его с дочерью, а потом так же внезапно появилась вновь – он ни разу голос на нее не повысил. Как дети, которые на пианино только на одной октаве играют, так и ему большой диапазон голоса не требовался. Поэтому сейчас им было чему удивляться. Холодное молчание заполняло тишину.

– Наша дочь... Ты ведь даже не знала, что ей операцию назначили, да? – спросил Мёнчжун с дрожью в голосе. Если Хеын не в курсе про то, кто все это оплатил, то это означало, что она ни разу не навестила дочь в больнице за все это время. Момент, видите ли, никак не могла подобрать подходящий...

– Не знала.

Рохи отвернулась к балкону. Косые лучи вечернего солнца уже заглядывали в квартиру.

– Я же просил тебя присмотреть за ней, пока буду заниматься этим делом. Только это, больше ничего от тебя не надо было! – Голос Мёнчжуна перешел в минор и теперь звучал глубоко, постепенно перебираясь по клавиатуре вниз, отчего было понятно, что он злится.

Рохи смотрела на него изучающе-отстраненным взглядом: человека в убийстве подозревают, а его заботит то, что его бывшая за их дочь не ухаживала... Девочка подумала о своем отце. Каким он был? Она ничего не могла про него вспомнить. Заставляла себя, пыталась – но нет, ничего. Просто в груди что-то начинало стучать и б'ухать. И в голове колоть, как иголками. Но все равно ничего не вспоминалось. Ей хотелось, чтоб ее отец был таким: богатым, любящим... Чем плохо?

– После того как я похитил Рохи, – продолжал тем временем Мёнчжун, – мы говорили по телефону. Я слышал в трубке, что ты куда-то уезжаешь. Слышал, но до конца все равно поверить не мог. А ты и впрямь ее бросила... Ведь вообще ни разу у нее не была, да? У ребенка, которому непонятно сколько той жизни осталось!

– У меня были свои обстоятельства...

Голос Хейн сорвался, как лопнувшая пружина. Ее губы продолжали шевелиться, но вслух она ничего больше не произнесла и какие конкретно обстоятельства – не уточнила. А Мёнчжун и не спрашивал: какая разница, что она скажет, веры ей все равно нет.

Наконец Хейн произнесла:

– Тем более что все обернулось к лучшему. Говоришь, операция назначена? Попробуй продержаться с ней до того времени. Возможно, это будет самым правильным решением. Вот только непонятно, кто деньги внес...

– Тебя сейчас это волнует? – прокричал Мёнчжун. Он резко отвернулся от бывшей супруги, прошел в коридор и начал обуваться. Рохи была озадачена.

– И что, на этом всё? Вот так с этим и уходим?

Вместо ответа Мёнчжун посмотрел на девочку. В его взгляде читалось: «Да, и ты давай тоже поторапливайся». Возможно, он был прав: толку им здесь оставаться, если больше ничего уже не выяснить... Но была одна проблема, а именно: куда им сейчас идти?

– Пока что-то не прояснится, давай останемся здесь!

– Нет!

– Нет!

Хейн успела крикнуть почти одновременно с Мёнчжуном. При этом он кричал со злостью, а вот у Хейн это было не просто

недовольное «нет», а скорее «ни за что!». Она отвела взгляд и отвернулась.

– У меня своя личная жизнь есть. Да и вообще меня в соучастии обвинить смогут.

– Ага, так проблема только в этом? – спросила Рохи саркастично. И протянула руку.

Хеын посмотрела на ее пустую ладонь, потом прямо в глаза.

– Деньги. Когда скрываешься от полиции, они очень нужны.

– Пошли, не надо нам от нее ничего, – возразил Мёнчжун, но девочка даже не шелохнулась.

– Вы подстрекали его к похищению, так что раскошеливайтесь.

Стало так тихо, что было слышно тиканье часов. Атмосфера в комнате накалилась: Хеын скривила ярко-красные губы, женщины сверлили друг друга взглядами. Первой не выдержала хозяйка: ее смешок прорезал густую тишину гостиной. Она вышла в спальню и вернулась с красным портмоне. Уже при них раскрыла его и достала несколько купюр: три-четыре бумажки по 10 тысяч вон и две по 50 тысяч. Сумма, прямо сказать, недостаточная для жизни в бегах. Хеын, протянув деньги Рохи, сама повернулась к Мёнчжуну:

– Вот. Домой не ходите, заселитесь куда-нибудь, на первое время должно хватить. Завтра еще постараюсь добыть денег.

Мёнчжун промолчал. Ему не хотелось быть обязанным бывшей, но и другого выхода он не видел. Это было написано у него на лице.

«Похоже, что у него на этот счет комплекс – теряется при виде денег... Когда же он наконец повзрослеет?» – подумала Рохи и недрогнувшей рукой взяла купюры. Едва ее большой палец коснулся ладони Хеын, та тут же отдернула руку к груди.

– Эй!

Деньги по большей части достались девочке; лишь одна десятитысячная купюра, кружась, упала на пол.

Саньюн вывернул шею, чтобы получше разглядеть семейную фотографию на столе Мо Ынсон. Со снимка радостно улыбалась девочка в типичной детсадовской одежде. В этот момент дверь открылась и в приемную зашла невысокая женщина, ростом никак не больше 160 сантиметров, но при этом производящая весьма солидное впечатление. Видимо, она уже успела переодеться: юбка, туфли на каблуке, вместо хирургического костюма – обычный врачебный халат. Походка ее была легкой, но уверенной. Оба полицейских приподнялись со стульев; она мельком взглянула на них, прошла к своему месту и встала напротив.

– Прошу прощения за то, что заставила так долго ждать. – Голос Ынсон был таким же уверенным, как и походка.

Ее очки в тонкой прямоугольной оправе отражали блики солнца. Саньюн достал удостоверение, показал ей.

– Инспектор Пак Саньюн. Мы пришли задать вам несколько вопросов по делу о смерти профессора Чхве Чжинтхэ.

Ынсон, не удивившись, кивнула головой и показала на кресла:

– Присаживайтесь.

Обходительные манеры заведующей давали надежду, что общение с ней пройдет более плодотворно. Видимо, после того как Пак Кисун – первый из списка миллиардеров – обзвонил остальных «инвесторов», она успела собраться и вела себя с полицейскими более сдержанно по сравнению с предыдущей четверкой. Из стопки визиток женщина вытянула одну и протянула Саньюну.

МО ЫНСОН
КАННАМСКАЯ КЛИНИКА
ОРТОПЕДИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ
ДИРЕКТОР

Визитка новой информации детективу не дала, но он все равно спрятал ее в карман. После формального знакомства и обмена приветствиями Чонман кратко обрисовал ситуацию. Во время его рассказа лицо Ынсон не застывало, не выглядело растерянным –

вообще никак не изменилось. Она просто слушала полицейского – молча, спокойно, не перебивая и не стараясь оправдываться.

– Все правильно, я познакомилась с доктором Чхве, когда училась в Калифорнийском университете. Он тогда был еще молод, но все равно это был человек выдающихся способностей. Ему в принципе и учить было нечего: он мог на равных обсуждать с профессорами диагнозы и лечение пациентов. Поэтому, когда после окончания он решил вернуться в Корею, все сильно удивились, ведь американские университеты чуть ли не дрались за него. Мы думали, что он либо там же, в Лос-Анджелесе, преподавать останется, либо в Школу Джонса Хопкинса^[20] переберется: ходили слухи, что ему там просто фантастические деньги предлагали... И вот Чхве Чжинтхэ возвращается назад, наследует клинику своего отца Чхве Донока и постепенно наращивает обороты. Собственно, именно после его возвращения больница начинает стремительно развиваться, становится влиятельной и известной. Хотите ознакомиться с полным перечнем заслуг Чхве Чжинтхэ? Можете просто взглянуть на историю больницы.

– А что насчет оставшейся четверки?

– А, да, это я их познакомила. Однажды профессор Чхве зашел ко мне с бумагами – это был его личный проект. Я просмотрела документы и связала его с потенциальными инвесторами. Всех их я знала лично, мы неоднократно встречались на разных мероприятиях. Они поверили, что проект будет удачным, и сочли возможным поддержать исследование профессора деньгами, поскольку являются людьми весьма состоятельными.

Все это Ынсон проговорила бойко, без запинки, словно готовилась заранее.

– И в чем же заключалось исследование?

От вопроса Саньюна женщина ненадолго задумалась, первый раз за все время отвела взгляд, но потом, словно осознав ошибку, снова посмотрела ему в глаза.

– Есть ли правовые основания, по которым я обязана отвечать на этот вопрос?

– Что?

– Это исследование еще не закончено и не опубликовано. Ученый, который вел этот проект, к сожалению, ушел из жизни. Теперь нам нужно думать, как возвращать инвестиции. Я считаю, что в такой

ситуации нам нужно сначала дождаться результатов следствия. Кстати, когда люди вложили по миллиарду вон, есть ли у них смысл убивать ученого, если проект еще не закончен? Проще говоря, у нас не было никаких резонов убивать профессора. И вот еще что мне абсолютно непонятно: если вы думаете, что его смерть связана с этим исследованием, разве не лучше было бы проверить алиби у всей нашей пятерки?

Саньюн улыбнулся: «Явно тема для нее больная – аж говорить стала быстрее».

– Алиби мы, конечно, проверим. Но ведь, кроме вас пятерых, могли быть люди, которые хотели бы помешать этой разработке. Поэтому нам нужно понять, в чем ее суть.

– Ну так посмотрите его записи и сами разберитесь. – Женщина явно напряглась, хотя на ее лице еще оставалась вымученная улыбка.

– К сожалению, в доме у профессора не осталось никаких бумаг. Документы, скорее всего, хранились в сейфе, но к моменту обнаружения тел он был пуст.

– Что?! – Ынсон вытаращила глаза.

– Мы не сможем понять намерения человека, похитившего записи, если не узнаем, что в них было. Прошу вас, расскажите об исследовании подробнее. Что ж это за проект такой, куда потребовалось тайно вложить целых пять миллиардов?

У Ынсон сжались кулаки, лицо побелело, от внутренних мыслей зрачки непрерывно двигались. Что же это получается? Кто-то узнал про их тайный проект и забрал результаты исследований? Это точно не ее вкладчики. А кто же тогда? Кто про это знал? Такие мысли метались у нее в голове. В какой-то момент наступила полная тишина. Затем женщина подняла голову, нарушая оцепенение, в которое погрузилась приемная. Ее лицо по-прежнему было бледным, но сжатые кулаки теперь уверенно лежали на коленях. Она твердо и решительно посмотрела Саньюну прямо в глаза:

– Без комментариев.

Чонман шумно вздохнул. Саньюн тоже не смог сдержаться и раздраженно нахмурился. Если свидетель отказывается дать показания, то принудить его к этому они не могут. Но вопрос-то серьезный, поэтому нужно ее убедить. Исчезновение девочки пока было закрытой информацией, но делать нечего.

– Вы ведь знаете, что у профессора была дочь?

– Да.

– Так вот, она похищена, и сейчас ведутся ее поиски.

– Что?!

Ее голос задрожал, глаза расширились от удивления. «Все, она дрогнула, момент упускать нельзя», – подумал Саньюн.

– Объектом исследования являются дети, да?

Казалось, что с губ врача сейчас срывается беззвучный крик: ее рот приоткрылся, взгляд был расфокусирован, и детектив понял, что попал в цель.

– У всех вас есть дети младше трех лет. Это единственное, что объединяет вашу пятерку. И исследование вы проводили на детях. Это же было незаконно? Вы поэтому не хотите о нем рассказывать?

Ынсон не отвечала. Точнее, не могла ответить, настолько она была потрясена.

– Если эти исследования были нелегальными, то даже если вы воспользуетесь правом отказа от дачи показаний, мы все равно потребуем выписать ордер – и тогда уже будем допрашивать вас официально, в рамках следствия.

Саньюн выразительно взглянул женщине в лицо. Было слышно, как Чонман в сторонке напряженно сглотнул слюну.

– Прошу вас, расскажите, что знаете. Мы же можем действовать по ситуации: если даже и было что-то незаконное, то мы не будем трубить об этом по всему миру. Поймите, на кону жизнь ребенка.

Ынсон дрожащими глазами смотрела на Саньюна. Потом, медленно опустив взгляд, наткнулась на семейное фото у себя на столе. О чем она сейчас думает? Какое решение примет? Как врач или как мать, у которой тоже есть дочь и которая тоже боится ее потерять? Вот он, момент истины, определяющий, что одержит верх – разум или душа.

Наконец женщина подняла голову и повторила:

– Без комментариев.

Ее выбор был сделан.

Возле регистратуры на первом этаже больницы Хегван людей не было. После того как стало известно о смерти ее руководителя, поток посетителей иссяк. Эта большая клиника держалась исключительно на репутации Чхве Чжинтхэ: в ней прямо кожей ощущалось, что он был здесь ключевой фигурой. У скучающих сотрудников удалось выяснить, что совет директоров объявил конкурс на замещение должности управляющего, а пока его не назначили, персонал, конечно, выходит на работу, но дел как таковых у них особо нет. Лечащие врачи, само собой, ведут имеющихся пациентов, кого-то оформляют на выписку, но когда выпишутся все, больница, похоже, совсем опустеет.

В этот раз Саньюн с Чонманом не пошли в административное крыло, а сразу направились к смотровым кабинетам: Юн Чжондо, с которым они встречались в прошлый раз, был сейчас там. Перед смотровой приема никто не ожидал, даже давешней медсестры за столом не наблюдалось – возможно, в отпуск отправили. Полицейские постучались, из кабинета послышалось протяжное «да!», и они открыли дверь. Когда Чжондо увидел, кто к нему зашел, он тут же вскочил с директорского кресла.

– Снова вы?

Саньюну было неудобно, что они его так напугали. Понятно, если человек непричастен к преступлению, то повторный визит полиции не доставит ему никакой радости. Старший инспектор смущенно улыбнулся, а Чонман успокаивающе протянул руки:

– Не волнуйтесь, у нас всего один очень короткий вопрос. И простите, что заранее не предупредили: были чрезвычайные обстоятельства.

Этим вечером закрытое расследование пропажи Рохи будет преобразовано в публичное. Глава оперативного штаба, наверное, проведет брифинг, и до этого времени нужно собрать как можно больше информации.

– Ну ладно, садитесь. – Чжондо подвел их к стульям напротив стола, а сам выглянул в приемную. Казалось, он думал кого-то там увидеть – наверное, медсестру. – Что-то госпожи Ким нет на месте... Может, чаю хотите?

Чонман помахал рукой.

– Нет, мы ненадолго. Присядьте.

– Хорошо, – со все еще сильно напряженным лицом Чжондо сел в кресло. – Так в чем же дело?

«Вот ведь: и он, и Ынсон вроде оба врачи, а как по-разному держатся!» Саньюн достал из кармана лист бумаги и положил на стол.

Пак Кисун
Ма Сокчин
Ким Сокнам
Пан Чонсон
Мо Ынсон

Только имена; возраст и род занятий специально не были указаны. Чжондо, пробежавшись глазами по списку, недоуменно посмотрел на детектива.

– Вы, случайно, никого из этого списка не знаете?

– Вообще никого. Кто все эти люди?

Вместо ответа Саньюн с Чонманом переглянулись и, не говоря ни слова, одновременно кивнули. Ничего пояснять ему они не собирались: раз он никого из них не знает, то больше вопросов у них нет. Саньюн сложил бумажку и убрал ее в карман.

– Вы знали, какими исследованиями занимался профессор Чхве Чжинтхэ?

Чжондо захлопал глазами, не ожидая такого вопроса.

– Ну... У нас в клинике проводятся какие-то исследования, и лаборатории есть, но профессора там уже несколько лет как не видели. Кроме того, если б он вел какие-то работы, то ему понадобились бы различные материалы, и коллеги узнали бы об этом. Серьезные научные проекты вот так запросто в одиночку не ведутся.

«Кто бы сомневался... Его исследование не было официальным проектом клиники». Саньюну вспомнилась огромная лаборатория в подвале профессорского дома. То, чем там занимались, не должно было стать достоянием гласности. К тому же и подопытные у него – дети до трех лет. Что же это было? Что-то такое, куда по миллиарду вон вложить не жалко. Такие деньги наобум и исключительно на доверии не вкладываются. Инвесторы должны были видеть хоть небольшие, но результаты. Выходит, преступник не только убил Чхве

Чжинтхэ, но и украл его готовые наработки? Тогда получается, что убийцей был кто-то из тех, кто знал про это секретное исследование...

Пока Саньюн предавался раздумьям, Чжондо вытянул шею и обратился куда-то за спины полицейских:

– Вы оборудование проверять?

Саньюн непроизвольно обернулся и увидел Пак Чхольвона. С плеча у того свисала большая черная сумка с инструментами. Встретившись взглядом с инспектором, Чхольвон ступешался и неловко кивнул. Полицейские тоже кивнули ему в знак приветствия. Техник вопросительно посмотрел на Юна.

– Сегодня осмотров практически нет, так что можете спокойно заниматься своими делами и ходить куда вам нужно.

– Понятно.

– Когда закончите, сразу не уходите – чаю сначала попейте.

На эти заботливые слова техник лишь сухо кивнул и зашагал в конец коридора. Когда Чхольвон скрылся из виду, Саньюн спросил Чжондо:

– Похоже, вы с ним приятельствуете?

– Да не то чтобы приятельствуем, просто пересекались постоянно, вот и здороваюсь. Я ведь заядлый курильщик, а в больнице это запрещено, поэтому чтобы покурить, приходится аж на парковку идти. Там тоже камера наблюдения стоит, вот мы с ним периодически и сталкивались.

– Похоже, он прямо-таки мастер своего дела.

Чжондо непонимающе улыбнулся:

– Вы о чем?

– Да нет, просто интересно... Профессор Чхве Чжинтхэ ведь тоже попросил, чтобы именно Пак Чхольвон обслуживал его дом. Наверное, из-за того, что он такой хороший специалист.

Задавая вопрос, Саньюн уже со значением смотрел на Чонмана. Это был сигнал: «Пора уходить, здесь мы больше ничего не узнаем». Чонман был сходного мнения и кивнул в ответ: судя по всему, этот Чжондо личного знакомства с убитым профессором не водил и о его личных делах осведомлен не был. Но сразу подняться и уйти им было не суждено. Потому что они даже представить себе не могли, что ответит им Чжондо:

– Профессор лично об этом просил? А я слышал, что это Пак сам напросился – мол, переведите, я же на хорошем счету...

Чжондо прищурил глаза и с видом «чего уж там, у всех в жизни такое бывает» засмеялся. А полицейским было не до смеха.

* * *

У охранной фирмы «S-секьюрити» было несколько филиалов: Чхольвон работал в одном из них, находящимся на самой окраине, в квартале Канмун-дон. Перед их офисом была парковка машин на пять-шесть. Для филиала это был довольно большой масштаб – крупнее была, наверное, только главная контора. Полицейские толкнули стеклянную дверь – похоже, именно здесь и был центральный вход.

Девушка в синей униформе, стоящая за стойкой с надписью «Инфоцентр», заученно поприветствовала входящих:

– Здравствуйте! Мы рады приветствовать вас в «S-секьюрити», главной целью которой является забота о безопасности наших клиентов. Чем могу помочь?

Внутри здание было меньше, чем казалось снаружи. Справа от входа находилось помещение с вывеской «Отдел техобслуживания». Видимо, там лежало все необходимое оборудование и комплектующие. Чхольвон как раз в том отделе и работал. Они только недавно видели его в клинике, но сейчас техника на месте не было. Чонман подошел к девушке, показал удостоверение.

– Есть кто-то из начальства?

Им пришлось подождать минут пять, после чего их проводили в кабинет директора филиала. Директор оказался приятным человеком лет пятидесяти, уже начавшим немного лысеть. Кондиционер у него в кабинете работал намного сильнее, чем в лобби: возможно, он был склонен к потливости и специально установил такую температуру. Рубашка его была свободно расстегнута, и, глядя на него, Саньюн еще острее чувствовал, насколько жарко ему самому.

– Вы хорошо знаете Пак Чхольвона?

– Чхольвона? Ну конечно, хорошо его знаю. Мы же с ним самыми первыми сюда пришли, с момента основания филиала вместе работаем... А что случилось?

Кажется, у него начали зарождаться опасения, зачем к нему заявилась полиция. Уж не попал ли Пак Чхольвон в какую-нибудь историю? На допросах всегда задают такие вопросы, и Саньюн мягко улыбнулся.

– Дело в следующем. Вы же знаете, что произошло в доме, который обслуживал господин Пак Чхольвон? Прямого отношения к нашему расследованию он не имеет – и тем не менее он, возможно, последний, кто видел убитого живым, и нам нужно задать ему пару вопросов. Так что можете за него не волноваться.

После этих слов директор филиала вроде как успокоился.

– Ах вот оно что! Ну тогда ладно... Всем бы такими быть, как он. Тихий, добропорядочный; если б официальных законов не было, все равно ничего не нарушал бы. Живет он один, но очень достойной жизнью.

Кажется, Чхольвон пользовался доверием начальства.

– Вы работаете вместе уже где-то лет десять. Скажите, он все время установкой камер занимался?

– Нет, в отделе техобслуживания он работает года четыре. А до этого был в отделе продаж.

– Что?

Довольно неожиданно, раньше они об этом не слышали. Когда Пак Чхольвона вызывали на допрос в полицейский участок, он об этом не упоминал. Четыре года... Примерно в это же время и Чхве Чжинтхэ стал официальным руководителем клиники...

– Человек он по натуре не сказать чтобы свойский и задушевный, но продажи у него хорошо шли. Другим если где-то резко откажут, то они больше туда и не ходят, а этот – наоборот: если видел, что клиент крупный, серьезный, то ни за что не отставал от него до тех пор, пока контракт не заключит. Поэтому наш филиал на первом месте и оказывался.

Превознося Чхольвона, директор повысил голос. Но на Саньюна это впечатления не произвело.

– А клинику Хегван, случайно, не он...

– Все верно, он сам на них вышел и тоже контракт заключил.

Глава филиала начал о чем-то догадываться. На его лице было написано: «Да не может быть...»

– У нас в отделе продаж мало народу работает. Так что Чхольвон много с кем еще контракты заключал, бóльшая часть клиентов – его заслуга.

– Если у него так хорошо получалось клиентов находить, почему тогда его в другой отдел перевели?

– Так он сам попросился. Вообще-то я его понимаю. Мне, как начальнику, было бы, конечно, лучше, если б он оставался в продажах. Но, честно говоря, это работа больше молодым подходит. Чхольвон, собственно, мне так прямо и сказал. И так, кстати, многие делают: переход из продаж в техники – не такой уж уникальный случай.

Хотя начальник и не придавал значения этому факту, но у Саньюна в голове все вертелась и вертелась одна странная мысль.

– Я могу узнать точные даты заключения договора с клиникой Хегван и перевода Пак Чхольвона в технический отдел?

Директор с недовольным лицом нажал на кнопку интеркома и попросил секретаршу принести контракт с больницей, а также личное дело сотрудника Пака. Через некоторое время девушка, приветствовавшая их на входе, принесла нужные документы.

Чхольвон был переведен в техотдел сразу после заключения контракта с клиникой.

С деньгами, полученными от Хейн, они пошли заселяться в мотель самообслуживания. По пути туда Мёнчжун вдруг внезапно остановился и посмотрел на Рохи. Та, естественно, подняла взгляд, не понимая, в чем дело. А ему просто было стыдно, что девочка с чистыми и ясными глазами идет в такое место. Если б не он, ей, наверное, за всю свою жизнь не довелось бы бывать в таких заведениях. Тем не менее ни в гостиницу, ни в обычный мотель им было нельзя: в гостинице дорого, в мотелях – люди, от которых лучше держаться подальше; ведь пока непонятно, что еще про них по телевидению расскажут и покажут. А ну как и его портрет развернут? Сейчас уже 19:50, новости вот-вот начнутся...

– О чем задумался? Если вариант только один, то и выбор очевиден, нет? – холодно подогнала Рохи погрузившегося в раздумья спутника.

– Э...

Пока Мёнчжун мямлил с ответом, девочка размашисто зашагала к мотелю. Он поспешил за ней. Рохи подошла к автомату на парковке. Большинство парковочных боксов были прикрыты роллетами – это означало, что номер мотеля уже занят. Свободных парковочных мест оставалось всего три. Автомат был подвешен высоко, и Рохи, привстав на цыпочки, смотрела на экран устройства, словно пытаюсь разобраться, что там написано.

– «Аренда комнаты» – тридцать тысяч вон, «С ночлегом» – шестьдесят тысяч ... – Она наморщила лобик, словно впервые с момента рождения встретила такую бестолковую надпись. – «Аренда комнаты» – это когда снимают комнату, «ночлег» – место, где спят ночью. Мы снимаем комнату и будем в ней спать. Получается, с нас девяносто тысяч вон?

Мёнчжун почувствовал, что вступает на скользкую дорожку. И как ей это объяснять прикажете?

– Нам нужно «С ночлегом».

Он хотел побыстрее нажать кнопку на экране, но Рохи перехватила руку.

– А «Аренда комнаты» тогда для чего?

– Ну-у... это когда ты часа на три там останавливаешься, а потом уходишь.

– А какой смысл всего на три часа номер снимать? Тридцать тысяч отдашь и нормально не выспишься. Если за шестьдесят можно на весь день снять, кто тридцать за три часа платить будет?

– Ну вот просто такие правила... Давай, заходи быстрее.

Мёнчжун нажал кнопку «С ночлегом» и вставил купюру в приемник банкнот. Мгновенно раздался щелчок, и сбоку от аппарата открылась дверь. За дверью была лестница, ведущая из парковочного бокса наверх. Поднявшись по лестнице, они уперлись в еще одну дверь – на этот раз в комнату. Все это время Рохи не переставала вслух удивляться: «Неужели и так расплачиваться можно?»

«Шикарно!» – таким было первое впечатление от комнаты. В белый мраморный пол были встроены небольшие светильники, лучи от которых пересекались и создавали ощущение, что ты попал в сказочный мир. Прямо перед ними было окно на веранду, задернутое роскошно ниспадающими розовыми шторами. В самом центре комнаты стояла огромная кровать – что удивительно, круглой формы. Напротив кровати на стене висел телевизор с плоским экраном. Сбоку от него – картина, вроде бы даже какая-то известная. Вот только изображение на ней было прямо под стать обстановке: мужчина и женщина, не обремененные ни единым лоскутом одежды, сплелись друг с другом в экстазе. Мёнчжун поспешно перевернул картину обратной стороной. Рохи же с выпученными глазами осматривала номер.

– А почему здесь везде свет такой приглушенный?

– Так принято.

– А почему так принято?

– Потому что изначально такие мотели создавались для другой цели. Не такой, как у нас с тобой.

– А для какой? Аренда комнат?

Мёнчжуну хотелось закричать. Чем больше объяснений, тем больше все запутывалось... Чтобы прекратить этот опасный разговор, он взял пульт и включил телевизор. На экране новомодный смазливый айдол^[21] рекламировал рамен. Услышав, как звезда с прихлюпом

втягивает лапшу, Мёнчжун вспомнил, что еще не кормил девочку. Он торопливо развернулся к ней:

– Ты не проголода... Эй!

Его голос заполнил все пространство комнаты. Видимо, Рохи куда-то нажала – и теперь подпрыгивала на кровати вверх и вниз, словно скакала на лошади.

– Это что, массажное кресло?

Мёнчжун даже не подумал объяснить ни что это, ни для чего используется. В долю секунды он подлетел к кровати и отключил режим вибрации. И тут...

«– В городском управлении полиции Йонина сообщили, что расследование пропажи ребенка переходит в разряд публичных. Есть ли какие-либо новости по этому сложному и запутанному делу?»

– Да, новости есть. Наши зрители, наверное, помнят, что двадцать третьего августа мы сообщали о том, что полиция обнаружила тела директора известной клиники, доктора Чхве, и его супруги. Это двойное убийство получило широкую огласку, но в действительности только этим дело не ограничилось – тогда же из дома пропала и их дочь Рохи...»

Пока журналист отвечал на вопрос ведущей, с правой стороны экрана всплыла огромная фотография пропавшей. Лица у беглецов окаменели, потом Мёнчжун рухнул на кровать, не отрывая взгляд от экрана. Краем глаза он посмотрел на спутницу – та была на удивление невозмутимой.

«– Ужасное убийство супругов само по себе шокировало наших зрителей. А тут, оказывается, еще и ребенок пропал... Почему же полиция держала этот факт в тайне?»

– Действительно, сразу же после обнаружения тел полиция проверила камеры наблюдения, стоящие перед домом, и с их помощью удалось выяснить, что девочка была сбита машиной, после чего увезена в неизвестном направлении...»

Поверх голоса журналиста наложили видео с камеры: Рохи выбегает из дома, после чего на нее наезжает машина. Чуть погодя из машины выходит Мёнчжун, кладет ее в салон и уезжает с места ДТП. Видеовставка закончилась, на экране снова появились лица ведущих.

«– Со стороны может показаться, что ребенка забрали, чтобы скрыть ДТП. Или причина какая-то другая? Что по этому поводу

думает полиция?

– Камера видеонаблюдения зафиксировала лишь точное время, когда это произошло. Но кем был этот мужчина – сам убийца, его сообщник или вообще посторонний человек, – точно утверждать пока нельзя. Полиция сообщила, что рассматривает все эти версии.

– Да уж, это дело заставляет нас всех сильно переживать и тревожиться... Если я правильно понимаю, пошел уже пятый день с момента исчезновения девочки?

– Вы правы. Чтобы не провоцировать преступника и тем самым обеспечить безопасность ребенка, полиция все это время вела закрытое следствие. Но поскольку дело затянулось и по горячим следам раскрыть его не удалось, то было принято решение предать этот факт огласке и сделать расследование публичным.

– Пропавшая дочь профессора, какой она была?..»

Мёнчжун смотрел на вперившуюся взглядом в телевизор Рохи и волновался, как она воспримет рассказ о себе, но по неподвижному лицу невозможно было догадаться о ее мыслях. На экране замелькали другие изображения девочки: вот она дает интервью новостному каналу, вот занимается мечевым боем, вот стоит на пьедестале. Фотогалерея сопровождалась голосом журналиста за кадром:

«– Чхве Рохи с трех лет стала привлекать внимание прессы и общественности как вундеркинд с интеллектом на уровне гениальности. В семь лет она овладела английским языком и стала героиней документального фильма о юных дарованиях. С восьми лет перестала посещать общеобразовательную начальную школу и была переведена на домашнее обучение, причем это было не просто частное образование: она занималась по индивидуальной программе и всего за год прошла полный курс средней школы, получив аттестат зрелости и снова став темой для обсуждения. А в прошлом году увлеклась корейским мечевым боем и, продемонстрировав врожденные способности и в этой сфере, сразу же победила на своих первых соревнованиях для юниоров. Вот уж воистину: талантливый человек талантлив во всем.

– Постойте! – голос дикторши немного изменился. – Вы сказали “мечевой бой”?

– Да, именно так.

– Но ведь когда несколько дней назад мы сообщали об этом убийстве, то говорили, что причиной смерти господина Чхве было именно проникающее ранение в область живота, нанесенное мечом, правильно? И меч этот хранился у них дома...»

Бум! Сердце у Мёнчжуна стукнуло и ухнуло куда-то вниз. Голова его оставалась развернутой строго в сторону телевизора, но зрачками он отчаянно косился на сидящую рядом Рохи. Та тоже сидела как приколоченная, не сводя взгляд с экрана и очевидным образом догадываясь, о чем сейчас думает Мёнчжун.

– Это не я.

– А я чё? Я ж ничё...

Он снова уставился в телевизор, где журналист мрачным голосом продолжал:

«– ...в связи с чем интернет сейчас тоже бурлит. Оперативный штаб расследования только что сообщил об этом на брифинге, а пользователи Сети уже обсуждают эту новость на форумах, оставляют многочисленные комментарии в чатах. Каждый спешит высказать свое мнение, что порождает огромное количество домыслов. Полиция заявила, что будет предпринимать решительные шаги по пресечению таких неподтвержденных слухов».

Мёнчжун снова покосился на Рохи.

– Говорю же, что это не я. – Теперь ее голос звучал как предупреждение.

Новости тем временем продолжались:

«– А теперь давайте послушаем брифинг главы оперативного штаба расследования...»

Картинка на экране снова сменилась. Рохи взяла пульт и выключила телевизор. Потом с усталым видом откинулась на спину.

– Ты б укрылась, что ли...

Рохи не пошевелилась. Тогда Мёнчжун, поддавшись порыву, приподнял ее и положил под одеяло. Девочка не сопротивлялась и молча лежала, пока он клал подушку ей под голову и накрывал одеялом до самого подбородка. Она смотрела на него большими глазами.

– Завтра так свободно по городу уже не походишь...

– Угу.

– Но все равно кое-что придется проверить.

- Что же?
- Устала. Завтра проснемся – поговорим.
- Ладно.
- А сейчас давай спать.

Мёнчжун снова поправил на ней одеяло, обошел кровать по кругу и только хотел примоститься сбоку, как Рохи крикнула так, что у него чуть задница пополам не треснула:

- На пол ложись!
- Есть!

Вспомнив армию, он, словно по приказу сержанта в учебке, беспрекословно откинулся на спину, вытянул руки по швам и закрыл глаза.

* * *

26 августа 2019 года, понедельник

Из-за стены одной из малоэтажек, которыми был облеплен этот квартал, высывалась чья-то голова. Если б только ее заметили прохожие... Хотя даже не так: не «заметили», а «узнали бы». Так вот, если б они узнали лицо девочки, ставшей героиней вчерашних вечерних новостей, то переполох возник бы нешуточный – еще бы, к утру она была на первом месте по запросам в поисковиках. Но к 10 часам утра все «малоэтажные обитатели» уже разошлись по своим работам.

Над головой ребенка торчала еще одна голова: на текущий момент – обладателя почетного второго места по интернет-запросам «похититель девочки», а именно Мёнчжуна. Этот похититель, не сводя глаз с дверей дома № 101, сказал Рохи:

- Выходит, ты не поверила в то, что сказала Хеын?

Да, ее вчерашняя фраза «завтра кое-что проверим» относилась именно к его бывшей жене: а точно ли это не она все придумала и организовала?

- Я что, дура? – Милое личико Рохи скривилось с видом «еще чего!». – А ты что, поверил?
- Я? Нет, конечно.

Мёнчжун изобразил смех, но очень уж натужно и неестественно, на что Рохи оставалось лишь покачать головой в розовой кепке. На Мёнчжуне тоже была кепка, надвинутая чуть не до бровей. В другую пору это могло бы показаться подозрительным, но только не сегодня. Метеостанции сообщали, что наступает самая свирепая волна жары, так что сейчас без кепок и панам никто на улицу не выходил: десять секунд – и ты троих таких встретишь.

– Тихо! – Рохи приложила палец к губам.

Из дома № 101 вышла Хейн. Она спокойно подождала перед подъездом минут пять, пока к ней не подъехало такси.

– Что же делать?

– Что делать, что делать... За ней ехать!

Рохи натянула кепку поглубже и пошла в сторону дороги, Мёнчжун тоже опустил козырек. Повезло: едва подойдя к обочине им сразу удалось поймать машину «от борта».

– Пожалуйста, поезжайте вон за тем такси.

Хейн отъехала уже довольно далеко. Водитель посмотрел на них в зеркало заднего вида. Мёнчжун отвел глаза, и таксист перевел взгляд на Рохи.

– Маамааааааа!!! – Та моментально прикрыла лицо руками, изображая плач.

– Ну давайте уже побыстрее, уважаемый! – Подыгрывая ей, Мёнчжун не растерялся и подогнал шофера.

«Может, в семье у них что-то случилось», – подумал тот и с силой нажал на газ. Рохи от этого отбросило в сторону, она автоматически выставила руки, открыв лицо без единой слезинки. Мгновенно поняв это, тут же снова опустила голову и уткнулась лицом в ладони.

Дистанция между машинами постепенно сокращалась.

* * *

Выйдя из такси, Рохи запрокинула голову.

– Больница?

Место, куда ехала Хейн, оказалось клиникой университета Сонын. Такси остановилось, и женщина тут же зашла внутрь. Рохи явно не ожидала такого расклада.

– Болезни есть?

– Только геморрой.

– Да не у тебя.

– А, у Хейн... Нет, вроде. – Мёнчжун помотал головой и толкнул дверь больницы. Рохи тут же юркнула внутрь. Он чуть подумал, а потом внезапно спросил: – А почему с геморроем сразу на меня подумала?

– ...

– Чего молчишь? Ну?

– Похоже потому что.

Мёнчжун ответ не совсем понял, но уточнять уже не стал. Потому как было ясно, что если он будет доставать Рохи вопросами, пока та пытается выяснить, зачем Хейн приехала в больницу, причем не в ту, где лежит ее дочь, то конкретно для него ничем хорошим это не закончится. А та тем временем направилась в инфекционное отделение.

– Что значит «инфекционное»?

Если рядом с 38-летним взрослым мужчиной стоит 11-летний ребенок, то ожидается, что такой вопрос будет задавать именно ребенок. Но в нашем случае все было наоборот – вопрос с недоуменным лицом задал Мёнчжун.

– Это когда человек подхватывает ту или иную заразную болезнь: вирус или инфекцию.

На лицо девочки легла тень, но Мёнчжун не обратил на это внимания.

– Спасибо.

Из врачебного кабинета донеслись неразборчивые звуки, а затем повернулась ручка двери. Мёнчжун и Рохи почти рефлекторно отпрянули назад, спрятались за угол коридора и вжались в стену. С облегчением перевели дух: Хейн на них не напоролась, повезло.

– И что теперь? – спросил Мёнчжун.

– Нужно узнать, зачем она сюда приходила. Но начнем с проверки алиби, это важнее. Пошли быстрее за ней.

Рохи развернулась, чтобы пуститься вдогонку, Мёнчжун тоже вышел из-за угла в коридор. Мгновение – и оба застыли на месте. Прямо на них смотрела Хейн.

– Я смотрю, вы всё еще меня подозреваете. – Она по очереди осмотрела преследователей.

Мёнчжун не выдержал и отвернулся. Рохи – нет.

– Вчера в новостях передавали, что твоих родителей убили двадцать первого августа. В тот день я лежала в этой больнице.

– Почему? Как? Ты чем-то больна? – чуть ли не с криком спросил Мёнчжун.

Лицо Хеын заволочла печаль. Потом она улыбнулась. Улыбка была такая, словно она решила: «Будь что будет».

– У меня ВИЧ.

Моментально наступила тишина. Рохи закрыла глаза и выдохнула, словно подтвердились ее опасения. Услышав этот не по-детски тяжелый вздох, Хеын сказала с грустными глазами:

– Поедем, где потише. Я расскажу вам все. И рассказ будет долгий.

«Пак Чхольвон обманул: обслуживать дом профессора он стал не потому, что клиент его об этом попросил, а чисто по своей инициативе. Зачем же ему это понадобилось?..» Глядя, как за окном сгущается темнота, Саньюн погрузился в мысли. Во дворе полицейского управления царил суев: парковка была набита под завязку, машины беспрерывно сновали туда-сюда, то уезжая, то приезжая. Примерно то же самое творилось и у него в голове: такая же сумятица и темнота. Стоило появиться какой-то идее, как ее тут же опровергала другая, и он возвращался на то место, откуда пришел.

Но одно было понятно со всей определенностью: Чхольвон соврал. Если даже отталкиваться лишь от этого факта, то многое предстает уже совсем в другом свете. Во-первых, он единственный человек, который точно знал, что все камеры в профессорском доме демонтированы. Далее, открыть сейф тоже было для него делом нехитрым: в той комнате была установлена камера, так что ему нужно было лишь под каким-нибудь предлогом проверить видео, на котором профессор вводит код.

– Шеф!

Оклик вывел его из раздумий. Рядом стоял Чонман, причем не с пустыми руками. Саньюн просил подчиненного плотно заняться Чхольвоном: как можно тщательней его проверить, как можно больше про него разузнать. И теперь напарник явился явно с уловом... Уголки рта старшего инспектора растянулись в улыбке.

Они разместились в комнате для совещаний. Чонман протянул Саньюну принесенные документы – это было заявление об отказе от претензий. Заявителем выступал Пак Чхольвон, обвиняемым – Чхве Донок. «Где-то я уже слышал это имя», – подумалось детективу, но тут Чонман начал пояснять:

– Пак Чхольвон лишился жены и ребенка. Поначалу он считал, что имела место врачебная ошибка, даже заявление написал, но не прошло и нескольких месяцев, как он от своих претензий отказался. Причем это было безоговорочное согласие сторон без выдвижения

каких-либо условий. То есть он месяцами воевал с клиникой, а потом вдруг – раз! – и примирился. Странно же, нет?

– Ну и что? – Санъюн засомневался: дело давнее, какое оно имеет отношение к нынешним событиям?

Но самое интересное Чонман приберег напоследок – даже к начальству поближе нагнул от важности момента:

– А то, что клиникой, которая эту врачебную ошибку допустила, был медицинский центр «Надежда» в Масане^[22]. Формально стороны вроде как достигли согласия, но, может, Пак Чхольвон все-таки затаил обиду на Чхве Донока?

И тут у Санъюна в памяти словно искра промелькнула. Он вспомнил, где слышал это имя: так звали отца профессора, который раньше руководил клиникой Хегван! Получается, что Чхве Донок закрыл клинику в Масане, перебрался сюда в Йонин и здесь открыл другую, которую потом и возглавил его сын...

– Когда умерла его жена?

– Тридцать лет назад.

– И что, он тридцать лет копил злобу, а сейчас решил отомстить? Да еще не отцу, а сыну?.. Нет, чушь какая-то, не может этого быть.

Чонман склонился над столом, как надувной аэромен под порывом ветра. На самом деле он рассчитывал на такую реакцию.

– Меня тоже это смутило. Но все равно что-то здесь не так. И то, что это просто случайное совпадение, – вот это точно чушь. Кроме того, это может быть причиной, по которой Чхольвон напросился обслуживать профессорский дом.

Тут Чонман, конечно, прав: дело и вправду странное. Но зачем было вымещать свою злость 30-летней давности на сыне, тоже непонятно. Или «раз мой ребенок умер, то пусть и твой ребенок умрет», такая логика? Санъюн покачал головой. Если бы Чхве Донок был жив, ну тогда еще ладно, можно было допустить. Но после его смерти какой смысл в этой мести? Слишком уж притянута за уши... Неожиданно детектив спросил про другое:

– А с чего вдруг он тридцать лет назад пошел на согласие сторон?

– Без понятия. Никаких предварительных условий, никаких договоренностей, вообще ничего. Может, он убедился, что врачебной ошибки не было?

Саньюн снова занырнул куда-то вглубь своих мыслей. Почему Чхольвон забрал заявление? Почему решил отомстить только сейчас? Да еще и не схалтурившему врачу, а его сыну? Вопросов было много. Возможно, это все дела прошлые и к настоящему убийству никакого отношения не имеют. Но, как и говорил Чонман, просто совпадением они тоже быть не могут. Нужно разобраться, не стал ли тот случай отправной точкой нынешних трагических событий.

– Значит, так, инспектор Чхэ Чонман, наведайся-ка ты в Масан.

– Что? Так ведь клиники больше нет...

– Но люди-то остались. Постарайся найти кого-нибудь, кто там раньше работал или, не знаю, в одной палате с его женой в роддоме лежал. В общем, любого, кто что-то может знать про обстоятельства того дела.

Дав поручение Чонману все там побыстрее разузнать, Саньюн начал думать, чем же теперь заняться самому. А заняться нужно было проверкой алиби Чхольвона на 21 августа.

* * *

В этот момент Пак Чхольвон был занят установкой камеры в доме у одной клиентки. Она вышла к нему за ворота в легинсах для пилатеса и кофте, завернутой вокруг пояса. Видимо, у нее была домашняя тренировка: пот с шеи стекал прямо в вырез топика. Интересно, ей сорок уже есть? Было заметно, что она тщательно следит за фигурой и ухаживает за кожей – вообще ни одной морщинки. Дом был тоже исключительно красивым: будешь мимо проходить – обязательно обернешься, чтобы еще раз посмотреть. «Интересно, чем ее муж занимается?»

Хозяйка дома была явным образом раздражена: ее волосы, собранные в хвостик, тряслись вместе с головой от возбуждения, руки скрещены на вздымающейся от гнева груди.

– Тут с недавнего времени кто-то повадился рассыпать пищевые отходы прямо у нас перед воротами! Я поначалу подумала, что это кошки где-то пакет разорвали и мусор по округе порастаскивали, но ведь у нас все-таки коттеджный поселок с частными домами, и мешки с отходами выбрасывают в пластиковые баки, так что кошки здесь ни

при чем. Случайно просыпать мусор тоже не могли, ведь такое стало повторяться практически каждое утро! Понятно, что после этого настроение на целый день испорчено, вот мы и решили во что бы то ни стало вычислить, кто это делает!

– Да уж, странная история... Непохоже, чтобы в таком районе поселились люди, которые устраивали бы вам подобные гадости.

Недовольное лицо женщины немного смягчилось. Она пожала плечами:

– Ну да, насколько я знаю, живут всё те же, что и раньше... Но раз уж камера будет, то обязательно поймем паскудников – мой муж даже по утрам стал их караулить. А те словно чувствуют или знают – по таким дням не приходят. А когда никого нет, снова разбрасывают...

– Как закончу с установкой, покажу вам, как просматривать записи с камеры.

Чхольвон был сама предупредительность. Хотя на самом деле он рассчитывал на то, что женщина вернется назад в дом. Если во время работы кто-то стоит рядом и говорит под руку, то волей-неволей будешь отвлекаться, а это чревато ошибками: если при установке техник уронит и повредит оборудование, то вся ответственность будет на нем. Или током может ударить – тоже ничего хорошего. Однако и просто прогнать хозяйку он не мог, так что ограничился кротким вздохом.

– Вот словим их – и тогда уж на всю округу опозорим. И в полицию сдадим, как бы ни умоляли. А то народ у нас такой: лишь когда глаза вместе со слезами вытекут, только тогда неповадно будет.

Женщина смаковала расправу так, словно уже поймала преступника.

«Мсть...» – всплыло в голове у Чхольвона. Такова природа человека: если разозлится, то обязательно захочет отомстить. Вот только он очень хорошо знал, к чему это приводит. Мастер хотел было сказать об этом женщине, но промолчал: если поезд разогнался, то будет лететь на всех парах и остановится только на конечной, где его будет встречать одно лишь разочарование. Но поезд все равно будет нестись до конца.

Тут у него зазвонил телефон. Чхольвон быстро затянул крепежные винты и вытащил мобильный. Увидев, кто звонит, он вопросительно взглянул на хозяйку. Та кивнула:

– Говорите спокойно. Когда закончите – позовете.

– Алло! Слушаю вас.

– Вы сейчас можете говорить?

Звонок был от Юн Чжондо, с которым он иногда случайно сталкивался в курилке или выпивал в палатках-фургончиках возле больницы. Они как-то обменялись номерами телефонов, но созвонились впервые. Чхольвон стянул изолирующие перчатки и засунул их в карман штанов.

– Ну, если не очень долго, то могу.

– Ко мне недавно из полиции приходили, про вас спрашивали. Интересовались, как получилось, что вы стали обслуживать дом профессора Чхве. Ну я им и сказал, что вы сами к нему попросились.

Лицо у Чхольвона стало жестким, его пульс участился, рука еще крепче сжала телефон.

– Ничего страшного, это же правда.

– А, ну тогда ладно... – Чжондо на том конце трубки говорил уклончиво, словно пытаясь понять реакцию собеседника. – Просто решил на всякий случай предупредить, а то вдруг полиция про меня спросит...

Чхольвон усмехнулся.

– Я учту.

– А вы все такой же: лишних слов не тратите... Надо будет нам с вами как-нибудь выбраться и вместе сходить поесть.

По голосу было слышно, что Юн уже успокоился: для него было важнее не то, что он проболтался полиции о знакомом, а то, чтобы его самого в деле не упоминали. Чхольвон на него не обижался, но и полагаться тоже не мог. Самым беззаботным голосом техник спросил:

– Так, может, сегодня вечером и сходим? Я угощаю.

Итак, жена профессора получила доставку с куриным супом 21 августа в 19:00. Рохи была похищена в тот же день в 23:45. Поэтому следовало установить, где был Пак Чхольвон в этот промежуток времени. За этим Саньюн снова пришел в «S-секьюрити». Едва заслышав открывающуюся дверь, сотрудница за инфостойкой тут же вскочила на ноги, но, увидев полицейского, лишь неловко кивнула головой. Саньюн ответил ей легким поклоном и, не тратя времени, спросил:

– Директор на месте?

В кабинете директора филиала по-прежнему было холодно от кондиционера. Сам он в подходящей по сезону рубашке с коротким рукавом сидел в кресле – удобно развалившись, выпятив животик и обмахиваясь веером. По его позе можно было предположить, что человек просто наслаждается комфортом, но лицо все-таки выдавало напряжение. Понятно, что если в доме, который находится у тебя на обслуживании, произошло убийство, то к тебе придут из полиции – тут удивляться нечему. Но если полицейские приходят во второй раз и интересуются конкретным сотрудником, то тут поневоле появится повод для беспокойства. Тем более что такие дела неизбежно порождают всевозможные беспочвенные слухи, которые все равно будут обязательно проверять. Поэтому, когда полиция начинает собирать о ком-то дополнительные сведения, нужно проявлять исключительную осторожность и аккуратность. Правда, в имеющихся обстоятельствах это не очень поможет: рассказать, где находился Чхольвон, придется в любом случае.

– С офисными сотрудниками все просто: они отмечаются в терминале учета рабочего времени – когда пришли, когда ушли. А с техперсоналом сложнее, у них многое от конкретной ситуации зависит. Часто бывает так, что установка оборудования затягивается, и тогда они едут домой прямо от заказчиков, не возвращаясь в контору. Просто предупреждают по телефону, и наши сотрудники отмечаются в терминале вместо них. Тут у нас всё на доверии.

21 августа Пак Чхольвона отметили в терминале в 18:38.

– В тот день он где работал?

Директор замаялся, некоторое время сидел молча, лишь глаза его бегали по сторонам. Потом натужно спросил:

– Вы ведь туда проверять пойдете? – Ему явно не хотелось, чтобы клиенты предъявляли жалобы из-за того, что к ним ходят из полиции.

Саньюн с угрозой произнес:

– Хотите, чтобы я с ордером вернулся?

– Нет, что вы... Подождите минутку.

Начальник филиала вышел из кабинета и сразу вернулся со списком заявок на установку оборудования. Там были указаны адреса новых клиентов, которым монтировали камеры в тот день.

– Давайте посмотрим... Так, двадцать первого августа последним клиентом Пак Чхольвона был... Ага, вот оно – площадь Ынпха, Двадцать второй проезд, дом номер три. Это не многоэтажка, а коттедж. Вот оттуда он и сообщил, что сразу поедет домой.

Саньюн записал адрес в блокнот. Директор, увидев это, осторожно спросил:

– Мы можем предупредить нашего клиента и объяснить ситуацию заранее?

– Как вам угодно. А мы в свою очередь постараемся провести беседу так, чтобы не навредить вашей фирме.

Директор поклонился в знак благодарности. На его лице крупными мазками было написано: «Только, пожалуйста, не обманите и сделайте так, как обещали». Капля пота сползла у него по шее и бултыхнулась прямо в стакан с чаем. Лицо инспектора застыло – он решил сделать вид, что ничего не заметил.

* * *

Дом на площади Ынпха оказался двухэтажным особняком с оградой из красного кирпича. Похоже, что здание было старым: второй этаж построили, потому что земельный участок был маленьким. По этой же причине зеленую зону устроили не во дворе (туда ее было не втиснуть), а на крыше здания. Ограда тоже была старой – разрисованной и расписанной детьми.

Саньюн нажал звонок на воротах, и к нему, вопреки ожиданиям, вышла молоденькая девушка, на вид чуть за двадцать. Девушка сказала, что живет здесь с родителями мужа, которых сейчас нет дома, но она и сама в курсе целей его визита, так как им уже позвонили из «S-секьюрити». Невестка радушно проводила Саньюна в дом. На ее детском личике мелькало любопытство.

– Хотите чаю?

– Нет, спасибо. Я ненадолго: уточню кое-что и уйду.

В гостиной дивана не было – лишь длинный деревянный стол посреди комнаты. Девушка протянула инспектору подушку для сидения. Саньюн уселся на пол, хозяйка села напротив. Детектив завел разговор про 21-е число и установку оборудования.

– Мастер пришел где-то около пяти вечера. Камеры нужно было повесить в двух местах: в гостиной и у ворот. Мы думали, что установка камер – дело затратное, но оказалось, что ежемесячная плата не особо большая. Раньше в новостях передавали, что в таких частных домах, как у нас, и убийства бывают, и изнасилования... Ну вы знаете, вы же полицейский. Я, правда, живу со свекром и свекровью, но они уже в возрасте, к тому же я часто остаюсь одна, поэтому бывает страшновато. А муж у меня госслужащий, в мэрии работает, в департаменте строительства.

Про работу мужа девушка упомянула с гордостью. Когда беседуешь с людьми, такое сплошь и рядом случается: спросишь про одно, а они вместо ответа на вопрос куда-то совсем не в ту сторону разговор уводят. Впрочем, Саньюн в таких случаях опрашиваемых никогда не перебивал и никакого нетерпения не выказывал, потому что, если жестко гнуть свою линию, то настроение у человека может испортиться, и тогда он упустит что-то действительно важное. Инспектор дождался, когда девушка выговорится, и направил разговор в нужное русло.

– В «S-секьюрити» мне сказали, что установка вашего оборудования была закончена примерно в восемнадцать тридцать. Что же техник так долго с двумя-то камерами провозился?

– Да уж, времени много заняло... Но я все время рядом стояла и за ним следила: он точно никуда не отлучался.

Женщина говорила так, словно от нее нужно было подтвердить алиби Чхольвона. Кажется, она догадалась, в чем дело, и теперь хотела

помочь следствию. Среди свидетелей довольно часто встречаются такие, которые сами не прочь поиграть в сыщиков. Саньон мягко улыбнулся:

– Ах вот как? Очень интересно! Но я просто хотел спросить, почему так долго шла установка, если работы немного. Или были какие-то сложности?

– У ворот он камеру прикрутил очень быстро, а в доме дело затянулось. Мой муж хотел, чтобы камера висела вон там...

Девушка протянула руку и показала на прилежавшую к гостиной кухню. «Вон там» было в самом углу на потолке у кухонной двери.

– Обычно преступники забираются в дом через дверь гостиной. Поэтому мы и хотели, чтобы она в зону обзора попадала. А мастер... как же он это назвал? Перекрытия, кажется... В общем, он сказал, что саморезы он там ввинтить может, но вот вес камеры потолок уже не выдержит и она может упасть.

Полицейский осмотрел помещение. Сейчас камера висела в другом месте – рядом с балконной дверью.

– А, поэтому он ее и прикрепил там...

– Я сама не очень разбираюсь, поэтому попросила позвонить моему мужу и все объяснить. Тот ему что-то там рассказал, и мой муж сразу все понял. Я же говорила, что он у меня в мэрии работает? Уж он-то в таких вещах разбирается! Вот смотрите, если кто-то в дом и заберется, то все равно через гостиную придется пройти, вот камера их и заснимет, так что разницы нету, где вешать. А когда будут выходить, то и лицо тоже в объектив попадет.

– И в самом деле... Так получается, что мастер от вас действительно в полседьмого ушел?

– Да, именно так.

Хм, а ведь уже несколько дней прошло... Если б она задумалась, повспоминала, а потом сказала: «Точно не помню, но, кажется, что...» – то это было бы более естественно. Поняв его сомнения, девушка улыбнулась:

– Когда он закончил монтаж, то сразу позвонил в офис и предупредил, что возвращаться назад не будет и сразу поедет отсюда домой. Я, помню, еще извинялась, что из-за нас ему так надолго задержаться пришлось, вот на часы и посмотрела: было как раз полседьмого. Так что здесь я уверена.

– А, тогда понятно. Спасибо за такой точный ответ.

От слов Саньюна девушка радостно улыбнулась, но потом вдруг задумалась, и ее лицо стало серьезным. Подавшись вперед и понизив голос, словно обсуждая ужасный секрет, она прошептала:

– А вы что же, его алиби проверяете? Он, часом, не убийца?

Инспектор принужденно улыбнулся:

– В настоящий момент он не является подозреваемым. Мы рассматриваем все версии, так что это просто стандартная процедура.

– Да?

Свидетельница вроде как подуспокоилась, но в глубине души у нее было что-то типа странной досады: оно, конечно, немного неприятно, что твой дом обслуживает человек, которого подозревают в убийстве, но, с другой стороны, ей было даже жаль, что ее рассказ не стал ключом к разгадке этой истории.

– Благодарю, что уделили время.

Детектив вышел на улицу, сразу же достал блокнот, нашел запись «площадь Ынпха» и обвел ее кружком: у него это означало, что адрес отработан. Там же, не отходя от дома, он просмотрел остальные пометки. Солнце начало припекать ему шею. Саньюн припомнил местонахождение профессорского коттеджа – тот был недалеко отсюда, на машине минут за десять добраться можно. Вот только в семь вечера туда привезли доставку, а в полвосьмого Пак Чхольвон уже встретился со своим знакомым Хунчжоном в ресторане. За тридцать минут убить двоих, сменить забрызганную кровью одежду и успеть на встречу с другом просто невозможно. Инспектор перевернул еще пару страниц блокнота и просмотрел записи, которые он делал во время беседы с Хунчжоном. Чхольвон сказал, что поскольку закончил работу поздно, то не успел переодеться перед встречей. В ресторане он никуда не отлучался, за все время даже ни разу с места не встал: Саньюн специально туда заехал камеры проверить – по счастью, они там были. В сауне камеры тоже висели: конечно, не в раздевалках или душевых, а в общем зале. На видео он без труда нашел эту парочку. Поскольку Хунчжон и Чхольвон были выпившими, то в парилку не заходили: войдя со стороны помывочной в общий зал, они сразу же разложились на полу и легли спать. Теоретически Чхольвон мог воспользоваться тем, что Хунчжон спит: путь от сауны до дома профессора на такси занял бы не более получаса. Но техник как лег,

так до утра и не вставал, даже в туалет не отлучался. Его приятель, и тот ходил сикхе^[23] попить, а этот словно понимал, что его на камеру пишут: вообще не пошевелился, даже позу не сменил. Подозрительно, конечно, но убить Чхве Чжинтхэ он не мог.

Саньюн вышел из сауны совсем раскисшим. Куда сейчас идти, что дальше делать? Он огляделся по сторонам, но пользы от этого было мало – в голову так ничего и не пришло. Из ступора его вытащило жужжание телефона: звонил начальник оперативного штаба расследования.

– У нас срочное совещание, немедленно приезжай.

«Что там у них случилось?»

– Пришли официальные результаты из Центрального отдела криминалистики. Я сам приеду и расскажу о них – нужно, чтобы все были в курсе. Ты тоже должен присутствовать.

Если дело касается всех, то это означало, что расследование все время шло не в том направлении, и сейчас придется рыть совсем в другую сторону. Инспектор бегом бросился к машине.

* * *

Когда Саньюн зашел в зал для совещаний, там было темно. На белом экране высвечивалась схема места преступления, сделанная еще в самом начале следствия. Все члены оперативного штаба во главе с начальником были уже здесь. Кроме них, в комнате был еще один человек – профайлер Син Чонрим из главного управления полиции. В тщательно подобранном костюме он стоял сбоку от экрана и ожидал, когда ему дадут слово.

Начальник оперативного штаба кивком показал Саньюну, чтобы тот сел на свободное место, и сказал Чонриму:

– Что ж, вроде все в сборе, можно приступать.

Профайлер для начала представился: сказал, где работает, назвал свое имя и занимаемую должность, а потом перешел собственно к докладу.

– Как вы видите, здесь изображено место преступления.

Схема была правильной – Саньюн, по крайней мере, никаких неточностей не заметил.

– В доме были обнаружены трупы двух человек. Смерть первого наступила от теплового удара, смерть второго – от проникающего ранения мечом в область живота. Мне, точно так же, как и вам, было непонятно, зачем преступнику понадобились убивать своих жертв такими вычурными способами. Поэтому я решил рассматривать каждое тело в отдельности, то есть, по сути, как два независимых убийства.

– Независимых? Но тогда...

– Да, я допускаю и такую возможность, что убийц вполне могло быть двое.

Полицейские из оперативной группы эту возможность тоже не исключали. Вот только если они даже с одним убийцей разобраться не могут, то двоих найти будет точно не легче. Все продолжили внимательно слушать доклад. Чонрим нажал кнопку на пульте, и в правой части экрана появилась фотография тела Со Чжинью, а в левой – крупным планом та часть схемы, где оно было обнаружено.

– Это труп жены профессора, умершей от теплового удара. Скажите, если бы вы обнаружили в комнате только одно это тело, в каком направлении могло бы пойти расследование?

Повисла долгая пауза. У каждого были свои соображения на этот счет, однако вслух произнести их никто не решался: а ну как Чонрим имел в виду совсем не это? Перед экспертом из главного управления позориться не хотелось. Но Саньюна это не остановило.

– Самоубийство. Нужно было бы учитывать и такую версию.

Все присутствующие обернулись на него. У старшего инспектора где-то в районе сердца что-то ухнуло и оборвалось вниз, но он продолжал смотреть прямо в лицо профайлеру.

– Верно. Эта версия была исключена потому, что в комнате было найдено еще одно тело, проткнутое мечом. Поэтому вариант с самоубийством не рассматривался.

– То есть вы хотите сказать, что Со Чжинью покончила жизнь самоубийством? Но это как-то... – недоверчиво сказал шеф полиции.

– Нет, я этого не утверждал, – ответил Чонрим решительно. – Для суицида это слишком уж изощренно. Хотя место преступления говорит о том, что инсценировать самоубийство здесь все-таки пытались.

Он снова сменил слайд. Схема пропала, а фото с телом жены профессора увеличилось на весь экран: было видно, что оно лежит за

шторами.

– Что думаете по этому поводу?

– Положили, чтобы разложение шло быстрее? – нерешительно предположил один из молодых полицейских.

В отчете судмедэкспертов отмечалось, что воздействие прямых солнечных лучей действительно ускорило этот процесс. Но Санъюн нахмурился и с сомнением покачал головой. Нет, положили его туда для другого.

– Пытались спрятать тело?

Лицо профайлера посветлело.

– Именно! Я полагаю, что убийца пытался скрыть тело Со Чжинью, потому что на месте преступления неожиданно появился кто-то еще.

Он осмотрел полицейских, словно давая возможность им самим найти напрашивающийся ответ. В тяжелой тишине комнаты Санъюн сверлил взглядом экран. «Чхве Чжинтхэ вдруг взял отпуск, чего раньше не делал. Кроме этого, он внезапно предоставил отпуск домработнице, чего тоже раньше не случалось. Он ни с того ни с сего отказался от системы видеонаблюдения в доме. Он несколько раз уточнял, не останется ли запасных копий видео с камеры. Кому могло потребоваться инсценировать самоубийство Со Чжинью от теплового шока? И кто мог спрятать ее тело за занавеской?»

– Чхве Чжинтхэ.

От догадки Санъюна кто-то охнул, а Чонрим с нажимом произнес:

– Да. Я тоже считаю, что профессор сам убил свою жену.

* * *

Ресторан, в котором Чхольвон забронировал столик, открылся относительно недавно – около года назад. Подавали там сасими из сырого тунца. Как гласит старая пословица, «без хозяйского присмотра собака делает в доме что вздумается». Вот и Чжондо, ничуть не колеблясь, скинул местоположение этого ресторана на телефон своему приятелю. Приложение выдавало ссылку на сайт заведения, где были выложены фотографии меню. Ценник там был негуманный и явно не соответствовал беспечным интонациям приятеля – мол, «перекусим,

выпьем по рюмашке». В общем, место было Чхольвону явно не по зарплате, но он заверил, что один раз можно себе позволить нормально проставиться, так что они окончательно решили встретиться там.

После работы техник зашел к себе домой, переоделся и, чтобы не опоздать, сразу поехал в ресторан. На входе он мельком посмотрел на потолок: в углу виднелся кругляш объектива видеокамеры.

– Бронирование на Пак Чхольвона.

Одетая в стилизованное кимоно хостес заученно улыбнулась и проводила его в небольшую секцию-кабинет, рассчитанную как раз на двух человек. Ждать Чхольвону пришлось недолго – чуть погодя пришел и Чжондо.

– Прошу прощения, задержался на операции.

Пациентов Чжондо уже давно не вел и на операции, соответственно, тоже задержаться не мог. Да не так сильно он и опоздал. Но раз уж он сегодня психологически настроился на то, что с ним будут обращаться как с дорогим гостем, то Чхольвон ему, так и быть, подыграет и проявит исключительно деликатные и изысканные манеры... Сегодня можно.

– Ничего страшного, вы же человек занятой. Да я и сам только что пришел... Прошу вас, садитесь.

Чжондо было приятно такое обращение – он с довольным видом сел за столик. Когда к ним подошла официантка, то он даже не стал смотреть список блюд, а просто попросил ее порекомендовать что-то на свой вкус. Девушка немедленно посоветовала взять фирменный сасими-сет. Можно было не сомневаться, что этот вариант был самым дорогим во всем меню, но Чхольвон, не глядя на цену, сделал именно этот заказ. После чего улыбнулся самой теплой и добросердечной улыбкой.

Первые минут десять они вели непременно в таких случаях разговоры о погоде и повседневных делах. Чжондо почему-то начал притворно жаловаться, что сейчас просто не продыхает от внезапно свалившихся дел, Чхольвон, подхватив этот настрой, старательно сочувствовал приятелю. Тут подоспели еда и выпивка. После нескольких рюмок беседа приняла иной характер.

– Я все переживаю, что так подставил вас по глупости. Оно вроде ничего особенного, но у полиции подозрения и на ровном месте могут возникнуть. А тут им такой подарок – что вы сами на обслуживание

профессорского дома напросились. Вот ляпнул же, не подумав, – и лишь потом спохватился...

– Ничего страшного, вы же сказали, как есть. Мне это никак навредить не может.

Это было действительно так, и Чжондо с облегчением улыбнулся. Но улыбка его постепенно угасала. Словно опасаясь, что в этой кабинке на двоих его может подслушать кто-то еще, Юн втянул голову в плечи и посмотрел на дверь. Казалось, он хочет что-то сказать. Чхольвон поднял на него вопросительный взгляд, и Чжондо выдал нечто невероятное:

– Я вот что думаю: а не сам ли господин директор свою жену и убил?

– Что?!

Чхольвон не поверил своим ушам. Он сидел с вытаращенными глазами, периодически ими помаргивая. Потом покачал головой с видом: «Вы что, шутите?»

– Не верите? А за что тогда самого Чхве было убивать?

В какой-то момент Чжондо перестал говорить о бывшем начальнике почтительно и называть «господином директором», сократив обращение до одного слога фамилии. Но Чхольвон не стал указывать ему на это.

– Вы так считаете?

– Просто предположение, не более того. – Юн наклонился вперед через столик; похоже, он не закончил. – Я знаю, что он был в ужасных отношениях с супругой, ссорился с ней постоянно...

– Впервые о таком слышу. А из-за чего?

– Ну... он, конечно, не особо откровенничал, но я по общей атмосфере догадался. Уже давно так было: жена звонит, и он с ней на повышенных тонах разговаривает. Хотя о чем конкретно они ругались, я не слышал – он всегда в таких случаях с телефоном выходил. А когда недавно с полицией общался, так в разговоре проскочило, что, оказывается, у Чхве дома своя лаборатория была и он в ней какие-то тайные опыты проводил. Уж не из-за них ли он с женой и ругался? Вы у них чаще бывали – случайно, ничего об этом не слышали?

– Так я же видеокамеры проверять приходил. Личные разговоры со мной кто вести будет? Но все-таки... почему вы думаете, что убийца – это господин директор?

– Ну смотрите: вот он с женой постоянно ссорится, а тут вдруг ни с того ни с сего у меня про ресторан спрашивает, в который я их однажды вместе водил... Мол, ей очень понравилось, как там куриный суп готовят. Напомни, говорит, как то место называлось, торгуют ли навынос и есть ли доставка. Супруга же, кроме курятины, другого мяса не ест, вот, мол, и хочу ее порадовать...

– И это всё?

– А потом он очень странный вопрос задал: есть ли внутри того ресторана камера видеонаблюдения?

– С чего вдруг?

– А я знаю? Навынос заказ у них сделать можно, доставка тоже есть, а насчет камер я без понятия.

Чхольвон недоверчиво покачал головой – мол, непонятная ситуация, – но Чжондо не унимался и даже придвинулся поближе к столику.

– Но и это еще не всё. Он же вдруг неожиданно взял отпуск. Сколько я в этой клинике работаю – ни разу не видел, чтобы этот тип в отпуск уходил.

Теперь бывший директор скатился в классификации своего бывшего начальника до «типа».

– Ну вот, посмотрел я на это все, и пазл сложился. При чем тут куриный ресторан, я так и не понял, но вот все остальное очень походило на то, что он для убийства жены алиби себе готовит.

Лицо Чхольвона застыло. Он не шелохнувшись смотрел на собеседника и, казалось, даже забывал дышать. И все же ему удалось быстро овладеть собой:

– Но кто же тогда убил господина директора?

– Не знаю. Может, он увидел, что натворил, и сам на себя руки наложил...

– Я, конечно, в таких делах не очень разбираюсь, но выглядит это все действительно странно. Вы полиции об этом сообщали?

– Нет. Считаете, надо? Это ж просто мои предположения.

Чхольвон задумался. Наконец произнес:

– Думаю, это может им пригодиться.

– Да? Ну вот когда они в следующий раз придут, то и расскажу. Что-то они в последнее время к нам зачастили, вьются как вороны над

молотильным током, надоели до смерти... – Чжондо покачал головой и горько усмехнулся – мол, вот как трудно приходится.

Тут подоспела вторая подача блюд, и разговор прервался. Юн поднялся с места, показав за спинами официанток, что ему нужно в туалет по малой нужде. Чхольвон улыбнулся и кивнул. Чжондо вышел. Вслед за ним потянулись и девушки, закончившие накрывать на стол; не поднимая головы и не поворачиваясь спиной к клиенту, они в глубоком поклоне попятились за двери.

– Спасибо вам, – сердечно поблагодарил их Чхольвон.

Он почувствовал что-то вроде усталости. Посмотрел на часы: нужно еще немного потерпеть. Сунул руку в карман брюк, достал оттуда стеклянный пузырек, открыл; на ладонь выпали пять капсул. Он разломил одну из них – внутри был порошок с синими и белыми кристалликами. Чхольвон раскрыл оставшиеся капсулы, высыпал их содержимое в стакан Чжондо и размешивал палочками для еды до тех пор, пока вода в стакане вновь не стала чистой и прозрачной.

Его приятель все не возвращался. Через тридцать минут после того, как человек выпьет этот порошок, он будет одурманен настолько, что впадет в прострацию. Но мучиться Чжондо долго не будет – Чхольвон решил избавить его от боли как можно быстрее.

Потому что по природе своей техник был человеком добросердечным.

Чтобы рассказать про свою болезнь, Хейн потребовалось отвезти их к себе домой, словно во всей стране другого места не нашлось для подобных разговоров. В ее квартире все было так же чересчур чисто и пусто. И точно так же она налила гостям чай в бумажные стаканчики. До Рохи только сейчас дошло, почему в прошлый раз Хейн отдернула руку от ее пальцев, когда давала деньги. Хозяйка протянула гостям чай, сама села напротив. Ее лицо было совершенно спокойным. Рохи покосилась на Мёнчжуна: тот с плотно сжатым ртом гипнотизировал стакан. Наконец поднял голову, решившись нарушить повисшее молчание:

– ВИЧ... что это такое?

Рохи от изумления чуть не плеснула ему чаем в лицо. Горячим, холодным – неважно, лишь бы в чувство привести. Похоже, у него в голове для мозгов вообще места не нашлось. Хейн же сначала посмотрела удивленно, потом разразилась пронзительным хохотом, даже рот чуть приоткрылся и в уголках глаз словно заблестела роса. «От смеха, что ли, слезы выступили?» – подумала Рохи.

– Мой старый добрый Мёнчжун, каким ты был, таким и остался: что ни скажи – все для тебя за гранью понимания...

Хейн с трудом пыталась остановить смех, а Мёнчжун так и продолжал сидеть с глуповатым лицом. Он был в комнате единственным, кто не понимал, о чем сейчас идет речь. Рохи двинула ему локтем в бок. Мёнчжун охнул, но осекся под взглядом девочки.

– Дурила, это СПИД.

– СПИД? – От удивления голос Мёнчжуна взлетел до небес.

Хейн тихо вздохнула:

– Вот поэтому мы сюда и пришли. Если б мы обсуждали это в кафе, уже каждый в Корее знал бы, чем больна Со Хейн.

– Ты... Как? Когда? А дочка...

– С вопросом определись, потом спрашивай.

Не обращая внимания на замечание Рохи, Мёнчжун не сводил мерцающих глаз с Хейн. Рохи сидела, прислонившись к дивану, понимая, что сейчас не время встречать в разговор бывших супругов.

Женщина, глядя прямо на Мёнчжуна, сказала:

– Если быть совсем точным, то на нынешней стадии у меня пока не СПИД, а ВИЧ – вирус иммунодефицита человека. Но СПИД он действительно вызывает: через несколько лет иммунитет у меня снизится, и когда я подхватю какую-либо инфекцию или болезнь, то стану больной СПИДом. Сейчас я прохожу терапию, замедляющую этот процесс.

Она говорила четко, без колебаний и раздумий, словно за это время успела узнать и выучить многое.

– Как... Когда... Дочка... – Мёнчжун, запинаясь, повторил свой вопрос, словно неисправный робот с заевшей записью.

Тут Рохи не выдержала и хотела вмешаться, но Хейн остановила ее мягкой улыбкой:

– Ничего. Мы же с ним как-никак несколько лет вместе прожили. Я понимаю, что он хочет узнать.

Рохи кивнула и снова отсела к дивану. Ладони Мёнчжуна, лежащие у него на коленях, затряслись. Хейн потянулась было к нему, но потом остановилась и убрала руку.

– Как... Догадываюсь, почему спросил. Обычно считают, что ВИЧ или СПИДом заражаются от беспорядочной жизни. Но не в моем случае.

Хейн расправила плечи и посмотрела на Мёнчжуна, тот дрожащими глазами глядел на нее. Даже Рохи не ожидала такого ответа.

– Раньше особых симптомов не было. Но когда Хиэ исполнилось три, у меня с организмом начало что-то происходить. Самая обычная ангина не проходила, и я пошла в больницу. Там-то и выяснилось, что у меня ВИЧ. Я боялась, что ненароком заразила дочь, но у нее все оказалось в порядке. Инфицировали меня в результате врачебной ошибки или каким-то другим путем – сейчас уже установить невозможно: слишком много времени прошло.

Молчавший все это время Мёнчжун с бледным как полотно лицом, преодолевая себя, спросил:

– Почему не сказала?

– Как? Если б сказала, ты сам меня бросил бы?

От этих слов Мёнчжун чуть не расплакался. Ответ был понятен даже Рохи, которая вообще ничего не знала про их отношения. После

такого признания он от нее уже не ушел бы, это факт. Вот только...

– Нет, сам ты меня бросить не смог бы, а каково тогда Хиэ пришлось бы? Ну, допустим, пользовались бы мы различными полотенцами и столовыми приборами, соблюдали бы осторожность постоянно, но гарантии все равно никакой нет. Ну да, возможно, она и не заразилась бы. Но все равно стала бы девочкой, у матери которой – СПИД. А если бы про это узнали? Я вот за препаратами в больницу хожу – есть гарантия, что там на мамашу какой-нибудь ее одноклассницы не нарвусь? Я бы не вынесла, если б про нашу Хиэ стали говорить, что у нее мать – спидоноска.

– Поэтому развелась и пропала?

Хеын понурила голову. Потом слабо кивнула.

– Когда диагностируют ВИЧ, сразу сообщают в управление здравоохранения. Родственников тоже нужно поставить в известность, однако из уважения к пациенту с ним оговаривают, в течение какого времени он сам скажет об этом семье. Вот я это время и потратила на то, чтобы развестись. Потому что не хотела вам ничего сообщать. Не хотела, чтоб Хиэ называли «дочь спидушницы».

Мёнчжун был не в силах смотреть на бывшую жену и отвернулся к Рохи. От этого движения с его глаз сорвалась слеза и увлажнила пол рядом с ним. Ему вдруг вспомнился первый день после похищения, когда он говорил с Хеын по телефону и думал, что она в аэропорту. Гул людей, объявления, зачитываемые в микрофон, стук катящихся колесиков... Выходит, это был не аэропорт, а больница: пациенты, каталки, вызов по очереди...

Похоже, что Хеын решилась признаться во всем до конца: ее глаза покраснели, зубы были крепко стиснуты.

– Уж извини, что у нас с семьей так сложилось. Жила безалаберно, тебя обманывала, деньги тратила направо и налево, и тут неожиданно такой диагноз... Решила вот так поступить, ты прости. Но я хоть и ушла от вас, иногда приезжала проведать Хиэ. Вот тогда и узнала, что она тоже больна... Поэтому все это дело и затеяла.

Рохи обернулась и посмотрела на Хеын.

– Вчера вы сказали, что деньги за меня точно получили бы и в полицию заявлять никто не стал бы. Почему?

Женщина некоторое время пристально рассматривала девочку, потом черты ее лица смягчились. Казалось, ее вид говорил «лично я

против тебя ничего не имею». Похоже, Хейн посчитала, что Рохи поймет все, что она собирается сказать, ведь ей нужна была только правда. Поняв это по детскому лицу, Хейн решительно выдохнула и сказала:

– То, что я сейчас расскажу, имеет прямое отношение в том числе и к тебе. И, как я уже говорила, это будет очень длинный рассказ...

* * *

Совещание закончилось, профайлер ушел, а Саньюн все продолжал сидеть в кресле, погруженный в свои мысли. Начальник оперативного штаба положил руку ему на плечо.

– О чем задумался?

Перед инспектором на столе лежали фотографии с места преступления. Что-то здесь было не так... Один человек убит расчетливо, изощренным способом, требующим много времени и усилий. Второй – словно в приступе внезапной ярости. Профайлер тоже считал, что убийство мечом скорее всего было спонтанным, то есть убийца заранее к нему не готовился и совершил под воздействием порыва. Саньюн еще раз взглянул на фото с телом Чхве Чжинтхэ. Резаные раны на ладонях – это, скорее всего, защитная реакция: когда его пронзали мечом, профессор рефлекторно ухватился за лезвие. Кроме этих порезов, больше никаких следов сопротивления, по сути, нет. Исходя из этого, понятно, что убийство совершил кто-то из знакомых. Ведь при жизни хозяина даже домработница не могла спускаться в эту комнату, а вот преступник вошел, причем абсолютно спокойно и беспрепятственно. Это могло означать только одно: Чхве Чжинтхэ сам впустил убийцу. И, если верить словам профайлера, произошло это как раз в тот момент, когда профессор пытался спрятать тело убитой супруги. А потом – конфликт, в котором его и заporоли...

– Просто запутанно все как-то...

– Да уж, головой точно поехать можно – за всю службу впервые с таким делом встречаюсь.

Начальник покачал головой и вышел из комнаты, в руке у него были сигареты. «Ну вот... А ведь целых полгода продержался: как

положил пачку на стол, так больше и не притрагивался. Но сегодня, похоже, сорвался».

Саньюн снова уставился на фотографию. Допустим, что Чхве Чжинтхэ действительно сам убил свою жену. Но мотив?.. Явно не любовные интриги. Отношения супругов добрыми и человечными вряд ли можно было назвать – скорее натянутыми. Внезапно инспектор вспомнил слова Юн Чжондо: «Похоже, они часто ссорились». Он тогда еще мимоходом заметил, что профессор только о работе и думал, что в клинике, что дома, – возможно, потому и ругались. Но у Саньюна тем не менее создалось впечатление, что Со Чжинью была не из тех женщин, которые способны выносить мужу мозг, требуя уделять больше времени семье. Может, нужно посмотреть на их ссоры с другой стороны? А что, если жене не нравились те самые исследования, которые проводил профессор? Такое вполне возможно. «Черт, чем же он все-таки занимался?» Саньюн решил лучше разобраться с этим проектом. Дом Чхве Чжинтхэ был пока опечатан. Нужно будет сегодня вечером пойти туда и все еще раз осмотреть: может, удастся найти хоть что-то, проясняющее детали его экспериментов...

* * *

– Я когда узнала, что у Хиэ белокровие, на все пойти была готова. Опять же, неизвестно, когда ей подходящего донора найдут. Я, наверное, все клиники в округе обошла. И вот в одной из них случайно подслушала в туалете чей-то разговор, что, мол, есть такой профессор – из детей гениев создает. И что дело верное – он из собственной дочери вундеркинда сделал, так что нужно в этот проект вкладываться, пока есть возможность.

– Получается, это... – Голос Мёнчжуна затрепетал, как свеча на ветру, а Рохи безотчетно потеряла предплечье. При каждом движении ее руки были видны уже затянувшиеся следы от уколов.

– Я же вам говорила о домашнем насилии, но тут... Впрочем, по сути это домашнее насилие и есть. А как по-другому, если незаконные опыты над людьми проводят, да еще и над детьми? В общем, инвесторы убедились, что этот проект – не жульничество:

профессорская дочь – лучшее тому доказательство. Вот я и подумала, что если это живое свидетельство украсть и потребовать выкуп, то тогда в полицию никто обращаться не стал бы, чтобы шума не поднимать, и деньги заплатили бы без лишних разговоров.

– Получается, это... – снова промямлил Мёнчжун.

Хеын резанула взглядом Рохи.

– Да, это сделал Чхве Чжинтхэ. Твой отец.

Руки девочки, все еще покрытые следами от уколов, задрожали. Она абсолютно не могла вспомнить, для каких операций и в каких опытах ее использовали. И вообще, был ли ее отец способен на такое или нет. Но если то, что сказала Хеын, – правда, то кем же тогда она была для него? «Лабораторный материал» – выражение промелькнуло в памяти, царапнуло сердце и исчезло вновь. Рохи стиснула зубы.

– Это все, что я знаю наверняка. Я хотела, чтобы ты украл профессорскую дочку и потребовал деньги, но про убийство понятия не имела. По новостям передавали, что оно произошло двадцать первого числа. Но в тот день я лежала в больнице. Можешь проверить.

Мёнчжун покачал головой. Как-то слишком много информации на него сразу свалилось... Он украдкой посмотрел на Рохи – та была белой, как стена. И, казалось, о чем-то задумалась. Мёнчжун вспомнил, как она плакала навзрыд, когда узнала, что ее родители убиты. Тогда рыдала, а тут выясняется, что ее отец на родной дочери нелегальные опыты ставил... Он взял ее за руку. словно очнувшись, Рохи моргнула, подняла голову, посмотрела сначала на хозяйку, потом на него:

– Пора?

Мёнчжун подумал, что девочка хочет отдохнуть. Он кивнул, и так как ни в чем не бывало поднялась с дивана. При этом руку по своему обыкновению не вырвала, так что даже не слишком сообразительному Мёнчжуну стало понятно, что у нее на душе.

– Ты уж извини, ведь это я всю кашу заварила, а как теперь расхлебывать? Дальше так скрываться и бегать ты не сможешь, тем более с ребенком.

– Как-нибудь потихоньку разрулим.

– Если решишь сдать полиции, то пойдем вместе. Это же мой план изначально был...

Мёнчжун замотал головой. Уже собравшись уходить, он обернулся на бывшую жену:

– Ты сама-то как себя чувствуешь?

Хеын усмехнулась.

– Пока нормально. Даже обняться с тобой можем.

Она притянула его к себе. Мёнчжун, так и не отпуская руку Рохи, застыл столбом. Хеын, коснувшись его уха губами, прошептала:

– Я сильно виновата. Прости.

Рохи не могла понять, происходит с ней это наяву или во сне. Ей казалось, что она уже открыла глаза, но предметы различались нечетко – виден был лишь какой-то мутный свет. По миру словно возили огромной кистью, и теперь он крутился перед глазами расплывчатым белесым сгустком. Все ее тело было мокрым от пота. Рохи пошарила вокруг руками, прикоснулась к чему-то... Кровать. Она лежит на кровати. Хотя ощущение было таким, что ее засасывает в какое-то болото... Где же мама? А папа? И вообще, сколько сейчас времени? Чтобы прийти в себя, Рохи напрягла зрение. Взгляд сфокусировался, круговерть перед глазами прошла. Но ее сменили запредельная головная боль и тошнота. Едва нащупав край кровати, она подняла корпус, села и только тогда поняла, что в правую руку у нее вставлена капельница. Прищурившись, перевела взгляд дальше по трубке вверх: большая емкость с раствором глюкозы, а рядом маленький флакон без этикетки. Что же ей вводят? «Это полезно для организма», – всплыл в памяти голос отца. Верилось не особо, но больше вспомнить она ничего не смогла: картинка обрывалась на моменте, когда ей в вену втыкали иглу и раствор поступал в кровь. Так что же это было? Может, снотворное?.. Рохи свободной рукой отсоединила трубку, жидкость закапала на пол. В обычной ситуации отец обрушил бы на нее громы и молнии, но если сейчас остаться лежать, ее вырвет прямо на постель. Держась за стену, она с трудом встала с кровати: у нее подкашивались колени, к горлу снова подкатила тошнота, но ей удалось задержать дыхание и пересилить рвотный спазм. Пошатываясь, она вышла за дверь. В доме происходило что-то странное. В небольшую комнату в конце коридора на первом этаже не разрешалось заходить никому и никогда. Вообще. А теперь там двери настежь... Полуинтуитивно, словно от этого зависела ее судьба, она крадучись пошла в сторону той комнаты, на какой-то момент даже забыв о мучившей ее тошноте.

Сперва она увидела ноги. Мужские. По ним не то стекали, не то свешивались какие-то кровавые сгустки: и не жидкость, и не твердое тело, а просто что-то влажное хлюпало мужчину по ногам и растягивалось по ламинату пола.

– Ахыыыы...

Услышав хрип отца, Рохи попятилась назад. Плечи незнакомца дернулись: он словно почувствовал, что комнате есть кто-то еще, и начал поворачиваться в сторону двери. Девочка сломя голову бросилась вон из дома. Тогда-то она и заметила ту самую включенную мигалку на машине. Стоило ей на секунду замедлить бег, как ее тут же накрыло звуком бросившихся за ней в погоню ног...

– Ох!

Рохи поперхнулась воздухом и очнулась. Ее сердце колотилось, грудь ходила ходуном, будто она действительно убегала от кого-то. Она раскрыла пошире глаза, чтобы понять, где на самом деле находится. В комнате было темно, но потолок по очереди расцветивался разными огнями – сначала красным, потом синим, а в конце зеленым: под окнами у них был ночной клуб.

Хеын сказала, чтобы в мотель самообслуживания Мёнчжун больше ребенка не водил, и дала еще немного денег на то, чтобы они заселились в обычный мотель. Нельзя сказать, что здесь было сильно лучше: в близлежащих переулках было полно кабаков, где люди веселились до утра, так что в комнате было довольно шумно. Кроме того, внутри стоял затхлый запах плесени. Но в обычную гостиницу путь им был заказан – Мёнчжуна теперь могли узнать где угодно, так что роскоши попривередничать у них теперь не было.

Так или иначе, но сейчас она находилась здесь, в мотеле, а рядом был Мёнчжун. А значит, ей пока ничего не грозит. Одна эта мысль привела пульс в норму. Вся мокрая от пота, Рохи села на кровати. Память возвращается: она стала свидетельницей убийства, видела его своими глазами. Потом выбежала из дома, была сбита машиной Мёнчжуна и в конце концов оказалась тут. Вот только лица убийцы она, к сожалению, не разглядела. «Полицейская мигалка!» По сердцу словно хлестануло холодным ветром. Девочка покачала головой и принялась анализировать, почему ее так цепляет этот непонятный холод.

* * *

27 августа 2019 года, вторник

Мёнчжун спал на полу, широко раскинув руки и ноги. Потом проснулся, открыл глаза, принялся с наслаждением почесывать живот – и тут заметил Рохи, распахнувшую шторы и стоящую со скрещенными руками у окна на балкон. Поморщившись от солнечных лучей, хлынувших в комнату, Мёнчжун простонал:

– Ты что там делаешь? Зачем так рано встала?

– Это не я рано встала, это ты спишь допоздна.

Голос Рохи был заметно холоднее, чем обычно. Но только что проснувшийся Мёнчжун эту разницу не прочувствовал: спросонья еще не очень соображая, что к чему, он засунул руку в штаны и начал почесывать задницу. Голова у него была так взлохмачена, что там птицы могли гнездо свить и яйца высидывать – просто готовый сорочий дом. Ему нужно было решить, что им сегодня делать, куда пойти, а главное – что приготовить на завтрак. Думалось ему туго, мысли перескакивали с одного на другое, и почесывание хоть как-то облегчало процесс.

Рохи обернулась, собираясь что-то сказать, но, взглянув на него, осеклась. До чего же жалкий тип! Девочка пнула по заднице перевернувшегося на живот Мёнчжуна:

– Некогда расслабляться!

– А-ы-ы-ы!!!

Мёнчжун с криком покатился по полу. Глядя на этот цирк, Рохи скорчила гримасу. Не настолько уж сильным был пинок, чтобы так кривляться, – она ведь всего лишь ребенок, пусть даже раньше спортом занималась. Еще и поза у него какая-то странная...

– Я тебя по заднице ударила, а ты за передницу держишься, так что не притворяйся. – Девочка так и не поняла, как это в принципе возможно.

* * *

Боль немного улеглась. Парочка, насупившись, уселась на кровать друг напротив друга. Рохи была очень серьезной; Мёнчжун внимательно смотрел ей в рот, ожидая, что она сейчас скажет.

– Память возвращается.

– Правда? Да ты что!

Он аж лицом просветлел. Какой бы суровой ни оказалась правда, но восстановление памяти должно было радовать уже само по себе. Впрочем, только не Рохи. Без тени улыбки, с крайне суровым выражением лица она сказала:

– Возвращается частично. Обрывками.

А затем кратко пересказала то, что удалось вспомнить.

– Я видела, как убивают отца. Сильный шок.

Мёнчжун погладил ее по голове. Девочка вновь скорчила гримасу и резко оттолкнула его руку – сейчас не время для сочувствий.

– Вот только почему другой?

– Что? Кто?

– Цвет.

– Мы что, в угадайку играем?

– Что это?

«Так, раз про угадайку не знает, значит, не оно. Но про “другой” надо выяснить».

– Игра такая. Но ты ее не знаешь, поэтому проехали. Так у чего там цвет другой?

– Мы на шоссе патрульную машину видели.

– Ну да. Ты еще тогда сказала, что к убийству твоего отца причастен поли...

– У нее цвет огней был другой! – Рохи перебила Мёнчжуна несколько возбужденным голосом. – У кого еще, кроме полиции, есть похожая?

Рохи задала вопрос с такой интонацией, словно у них тут действительно была викторина.

Мёнчжун напряг мозг:

– Ну либо «скорая»...

– Нет, меньше «скорой». Что-то вроде легковушки. Вроде как серебристая...

Пытаясь что-то выудить из памяти, она от натуги аж склонила шею набок – выражение ее лица было очень взрослым.

– Пожарная?

– Говорю же, что не такая большая! И не красная, а серебристая! – От раздражения Рохи аж закричала, а потом замерла. – Видеонаблюдение...

– Видеонаблюдение? Которое частные охранные фирмы устанавливают?^[24]

Девочка выглядела несколько обескураженной.

– Кажется, такая машина к нам периодически заезжала...

И тут Мёнчжуна осенило. Он подскочил с кровати и чуть не бегом бросился к столику у зеркала. Там стоял компьютер – даже в таком мотеле, как у них, таковой имелся, пусть и старенький. Компьютер очень долго прогружался, но, наконец, запустился, и появился выход в интернет. Мёнчжун лихорадочно просматривал ленту новостей, меняя поисковые запросы. Колесико мышки щелкало без устали. Лицо Мёнчжуна, просматривающего статьи, было очень сосредоточенным. Рохи даже стало интересно, чем он так увлечен. Она поднялась с кровати и стала у него за спиной. Мёнчжун немного отодвинул стул, чтобы девочка тоже могла сесть: прямо семейная идиллия – отец с дочкой на коленках... И тут пощелкивание колесика прекратилось.

– Вот оно!

В статье, которую нашел Мёнчжун, говорилось, что буквально за день до убийства, то есть 20-го числа, профессор Чхве Чжинтхэ подал заявку на демонтаж камер наблюдения.

– Это нам зачем?

– Сама подумай: твой отец двадцатого просит снять камеры, а я тебя сбиваю двадцать первого, когда ты выбежала из дома. Получается, что и машину охранной конторы ты двадцать первого видела. Так, может, убийцей и был тот техник, который видеонаблюдением занимается? Он-то точно знал, что камер уже нет.

Рохи смотрела на него удивленно, потом неожиданно положила руку ему на плечо – ее переполняли чувства.

– Ну наконец-то... Мозги свои начал по-человечески использовать. А я все никак в толк взять не могла, зачем они тебе приделаны...

Девочка на радостях обняла Мёнчжуна, но тот от комплимента не расцвел – отстранил от себя, на секунду задумался, а потом с трудом произнес:

– Пойду сдаваться полиции.

– С чего вдруг?

– Дальше нам самим уже не справиться. Поймать настоящего преступника – дело нелегкое. Я сдамся и расскажу, что подозреваю

мастера из охранной фирмы. А ты расскажешь то, что видела. – Мёнчжун сидел с таким лицом, будто на него уже надели наручники.

– Стой, подожди, – девочка выставила руки, словно удерживая его на месте. – Ну пойдем мы в полицию, расскажем – и что? Думаешь, они нам поверят? Малолетке, потерявшей память, и ее похитителю?

А пожалуй, что и верно... Вряд ли в полиции ему скажут: «Конечно же, ты не убийца, ты просто ребенка похитил». Особенно когда увидят, что он раньше привлекался, а главное – по какой статье... Нет, они его тут же арестуют, а заодно и прессу успокоят: «Все прекрасно, дело раскрыто». С другой стороны, скрываться до бесконечности он тоже не может...

– Ну и что ты предлагаешь?

– Да есть у меня одна идея... – Рохи усмехнулась; ведь Мёнчжун пока не догадывался, насколько странная мысль пришла ей в голову.

* * *

Чонман сидел в кафе, то и дело дергая запястьем, чтобы посмотреть на часы. До встречи оставалось еще минут пять, но он все равно переживал, что сегодняшней день тоже пройдет впустую. С тех пор как он приехал в Масан, ничего стоящего так разузнать и не удалось. Ему уже порядком надоело звонить Саньюну и сконфуженно извиняться за отсутствие результатов. Но сегодня будет что доложить начальству! Поскольку медцентр «Надежда» закрылся очень давно, то к настоящему моменту ни в Национальной корпорации медицинского страхования, ни в Корейской ассоциации врачей никакой информации о нем не сохранилось. По счастью, Чонману удалось разыскать одного старика, сын которого женился на медсестре, работавшей в то время в этой клинике. Медсестру звали Мин Вонсук. После свадьбы они с мужем переехали в Америку, но буквально два месяца назад сына снова перевели в Корею, так что они оба вернулись домой. Теперь, правда, их семья жила не в самом Масане, а неподалеку от него – в соседнем Ульсане. После долгих уговоров Чонману все-таки удалось выпросить у старика номер телефона невестки и договориться с ней о встрече. Так что, можно сказать, в этом плане ему сильно повезло, тем

более что женщина как раз собиралась в Масан проведать свекровь и могла бы заодно встретиться с ним где-нибудь в кафе.

Теперь инспектор в нетерпении вытягивал шею, высматривая в окно, когда придет его свидетельница. Наконец он встретился глазами с женщиной, идущей к кафе по пешеходному переходу. Ей было уже сильно за пятьдесят, при этом ее фигура сохраняла стройность, а одежда была очень элегантной. Женщина догадалась, кто ее ждет, с улыбкой кивнула и направилась к Чонману. Полицейский протянул ей свою визитку и предложил сесть.

– Позвольте угостить вас кофе?

– Да, спасибо. – Ее улыбка была очень приятной.

Чонман подошел к стойке, сделал заказ и вернулся за столик. Некоторое время они вели светские разговоры из серии «спасибо, что пришли», «неужто вам аж в Масан выбраться пришлось?» и «до чего же этим летом погода жаркая!». Но как только им принесли чашки и женщина сделала первый глоток, Чонман перешел к главному. К счастью, Вонсук хорошо помнила тот случай, хотя и была не хирургической медсестрой в операционной, а патронажной из гинекологического отделения.

– Случай был, конечно, из ряда вон, такое точно не забудешь... Как же того мужчину звали? Пак Чхольмин? Или Ким Чхольмин?

Она имела в виду Пак Чхольвона. И пусть его имя женщина назвала не совсем точно, но это означало, что и фигуранта, и саму суть дела она запомнила.

– Роды у его жены проходили сложно, было решено делать операцию. Я толком не знаю, что там случилось и что пошло не так, но... – Вонсук прервалась, ее лицо помрачнело.

Чонман понял причину:

– Я вижу, что вас что-то смущает, но вы можете быть со мной откровенной. Вы жили за границей и, наверное, не знаете, что господин Чхве Донок, который возглавлял ваш медицинский центр, уже умер. Да и случай этот произошел тридцать лет назад, так что даже если там и было что-то незаконное, то срок давности этого дела давно истек. Тем более что ответчик уже умер и к ответственности его не привлечешь. Поэтому можете смело рассказать мне все без утайки.

Бывшая медсестра, тихо вздохнув, сказала:

– На самом деле ту операцию делал не заведующий...

– Что?

Вот это поворот! Считалось, что операцию проводил Чхве Донок, поэтому логично, что злоба Пак Чхольвона была направлена именно на него, а теперь получается, что все было не так...

– А кто же тогда ее делал?

– Сейчас таких называют на американский манер – пи-эй^[25], то есть медицинский ассистент без профильной специализации. Попросту говоря – не совсем врач.

– Да как же это?..

– А вот так. Когда заведующий был сильно занят, то вместо себя ставил на операции ассистента без соответствующей квалификации. Он подтягивал к делу всех: и интернов, которые только институт окончили, и людей после медучилища, а иногда и просто сотрудников фирм, которые медицинские инструменты производят. Чтобы клиника стала известной, у нее должно быть много клиентов. Вот заведующий и делал рекламу: ходил по всяким телешоу и раздавал интервью... То есть ему и клинику пиарить надо было, и амбулаторный прием вести, и операции проводить. Поэтому он делал так: перед операционной здоровался с родственниками пациента, заходил внутрь, но вместо него оперировали другие. Сам же он вел осмотры, ставил диагнозы, вел исследовательскую работу, либо вообще чем-то на стороне занимался.

...В общем, дело было так: жену Пак Чхольвона оперировал именно ассистент. В ходе операции возникла какая-то проблема, но поскольку необходимой профессиональной подготовкой ассистент не обладал, то справиться с ней не смог. В клинике Пак Чхольвону вообще ничего объяснять не стали. Сказали просто, что организм роженицы очень сильно ослаб и не справился с нагрузкой. Никакой ответственности клиника за это не несла, так как муж дал согласие на операцию. Чхольвон тогда сделал плакат и устроил одиночный пикет возле медцентра, но толку от этого не было: никто из больницы даже глазом не моргнул. Зато сам он заметил кое-что странное: заведующий, который, по идее, должен был быть на операции, тайком выходит через заднюю дверь. Несчастный начал копаться в этом деле; так он и узнал, что операции делает ассистент. Ну а как узнал – напал с ножом на Чхве Донока.

– И так совпало, что в тот день заведующий привел в клинику дочку – хотел показать ей, где работает...

Ручка Чонмана, которой тот делал пометки, замерла.

– Дочку? Не сына?

– Сына?

– Ну да. У Чхве Донока был только сын – Чхве Чжинтхэ. Правда, он тоже недавно умер.

Вонсук в задумчивости потерла рукой щеку.

– Ох, столько лет прошло; перепутала, наверное...

– Ничего страшного. И что дальше?

– А, ну вот; он с криком «убью!» бросился на заведующего, но промахнулся и попал ножом в шею ребенку. Мы, медперсонал, конечно, обсуждали между собой весь этот ужас, но странным образом никаких последствий не было, все быстро утихло. Тот мужчина больше не появлялся – ходили слухи, что они, возможно, между собой как-то тайком договорились. Но ведь тут все-таки ребенок пострадал, как такое можно простить?

Разбираться с домашней лабораторией Чхве Чжинтхэ инспектор позвал профессора Ю Сонхуна из университета Хангук. Если в рамках какого-то дела требуется вскрытие, то тела обычно направляют в Национальную службу судмедэкспертиз. Но людей там работает мало, а заявки на аутопсию поступают каждый день. Поэтому в экстренных случаях местная полиция обращалась за помощью на юридический факультет университета. Там Саньюн и познакомился с Ю Сонхуном. По возрасту профессор если и был старше инспектора, то ненамного, плюс характер у него был мягкий, покладистый, так что Саньюн сразу проникся к нему симпатией. Они знали друг друга по различным делам, и хотя не могли часто встречаться, поскольку у каждого была своя жизнь, но приветы друг другу регулярно передавали. Саньюн каждый день искал следы, оставшиеся на месте преступления, Сонхун так же ежедневно искал следы, оставшиеся в трупах, так что даже специфика работы их объединяла – решали сходные проблемы.

Детектив был согласен с тем, что сказал профайлер в управлении: очень похоже, что Чхве Чжинтхэ сам убил свою жену. Но зачем? Возможно, причина крылась в том, что профессор хотел продолжить заниматься своим исследованием, под которое уже были получены миллиардные инвестиции. Нужно было выяснить, в чем заключалось это исследование, но полицейские не могли понять, что было написано в материалах, которые остались в профессорской лаборатории. Поэтому инспектор позвонил сегодня приятелю с юрфака и попросил помочь в частном порядке.

– Я-то думал: вот, давно не виделись, он меня пригласить куда-то хочет, выпивкой угостить... А тут такой облом, ну как же так? – улыбнулся Сонхун, натягивая латексные перчатки.

– Да мы ж сами люди темные, неграмотные... Вы уж, господин, снизойдите, помогите, чем можете, – произнес Саньюн особо плаксивым голосом с преувеличенным самоуничижением и низким поклоном чуть не до земли.

– С тебя жаркое из потрошков.

– И потрошки тебе будут, и даже сочжу налью.

– Лимонадом обойдусь.

Если у Сонхуна была большая загруженность, тогда он вообще не употреблял алкоголь: поскольку вскрытия делаются при естественном освещении, то на работу ему приходилось выходить с самого раннего утра. Саньюн похлопал приятеля по плечу, приговаривая: «Ты уж поднапрягись, а там все будет».

Профессор оглядел лабораторию Чхве Чжинтхэ и аж языком зацокал: материалы, оборудование, инструменты – все было по высшему разряду.

– Да он, оказывается, маньяк-трудоголик! Наша университетская лаборатория по сравнению с этой просто прах и тлен.

Прежде всего Сонхун принялся обстоятельно изучать распечатки, лежавшие на столе: некоторые сразу откладывал в сторону, едва посмотрев на название, в другие же прямо вчитывался. Бумаги из ящичков тоже замелькали в его руках. Саньюн тоже просматривал книжные полки, не вполне понимая, он-то зачем это делает.

Так прошло три часа. Саньюну часто доводилось сидеть в засадах, так что ждать для него было делом привычным, но тут даже он начал позевывать. В этот момент Сонхун повернулся к нему.

– А ничего поинтересней нет? Все, что тут есть, – просто наброски выступлений или научных статей. Но такого, чтобы миллиард вон вложить, и рядом не стояло.

– Уверен?

– А то! Если не веришь – на, сам почитай.

Сонхун шутливо погрозил Саньюну кулаком, но по лицу было видно, что доктор судебной медицины немного разочарован. Когда инспектор обратился к нему за консультацией, профессор был даже заинтригован: что ж это за исследование такое загадочное? Но ничего выдающегося в записях Чхве Чжинтхэ ему обнаружить не удалось.

– Может, его исследование – просто надувательство?

– Да нет, не похоже.

Среди инвесторов были врачи, так что банальный обман сразу вскрылся бы. Да и внесенные суммы были такие, что без соответствующей проверки никто их платить не стал бы.

– Ну, что дальше делать будем? Похоже, что здесь больше ничего не найдется.

– Ладно, ты иди, а я еще кое-что проверю.

– Хорошо. Если что всплывет – звони.

– Конечно. Я и так тебе за сегодня сильно благодарен. Нет, серьезно, с меня ресторан – теперь точно проставлюсь.

– Да уж надеюсь...

– Ага, лимонадом.

Сонхун ухмыльнулся и поднялся по лестнице из подвала на первый этаж. Саньюн проводил его до ворот, а потом вернулся обратно в дом. Усевшись в гостиной, он крепко задумался. «Что-то тут такое есть... В голове вертится, не отстаёт...» Он огляделся по сторонам. На глаза попала дверь в комнату, где были обнаружены тела. И сейф... Пытаясь расколоть Мо Ынсон, он сказал, что результаты исследований унес убийца. Вот только если убийцей был Чхве Чжинтхэ, то тогда он мог сам забрать документы из сейфа и переложить в другое место. Ведь заяви он в полицию об обнаружении тела жены – и тогда в ходе расследования могла бы всплыть информация об его экспериментах. Полиция, скорее всего, в его бумагах ничего не поняла бы, но профессор, похоже, был не из тех, кто допускает хоть малейший риск.

Саньюн достал телефон и, набрав начальника оперативного штаба, подробно изложил свои соображения и попросил прислать несколько человек, чтобы еще раз обыскать дом Чхве Чжинтхэ. Документы нужны были как минимум для того, чтобы понять мотив, с чего это вдруг профессор решился на убийство жены. Начальник немного подумал и дал добро.

Едва Саньюн положил трубку, как телефон зазвонил опять. Он подумал, что это снова перезванивают из управления, но оказалось, что его набирал Чонман из Масана.

– Шеф, я нашел медсестру, которая тогда работала в клинике.

В ожидании новостей сердце Саньюна забилось быстрее. «Наконец хоть что-то сдвинется с мертвой точки...»

Чонман рассказал про смерть жены Пак Чхольвона 30 лет назад, про то, как тот накинулся с ножом на Чхве Донока, а также про самое интересное – что после этого дело замяли, никакой шумихи не возникло и Чхольвона в больнице больше никто не видел. Вот этого Саньюн абсолютно не ожидал.

– То есть они как-то договорились между собой?

– Этого я точно не знаю. Других свидетелей найти не удалось – слишком давно все произошло. Вон, даже эта медсестра уже точно не

помнила, сын у директора был или дочь...

Хм, даже если Пак Чхольвон и Чхве Донок о чем-то договорились, то все равно непонятно, зачем и кому нужно было мстить спустя 30 лет. Саньюн поручил Чонману продолжить поиск свидетелей того конфликта, повесил трубку и еще раз осмотрел дом. «Что же с ними случилось?» Казалось, что внутри каждый уголок, словно паутиной, затянуло тьмой, так что вообще ничего разобрать было невозможно.

Начштаба сдержал обещание и прислал пять человек в подмогу. Он выделил самых лучших людей, словно от решения этого дела зависела его жизнь. Команда была опытной, часто принимала участие в обысках и выемках: такие и на кухне всё перетряхнут, и туалетом не побрезгают.

– Вы тут хоть стены снесите, но тайник найдите обязательно – очень вас об этом прошу, – напутствовал их инспектор.

Группа распределилась по дому и начала обыскивать буквально все помещения: спальни, гостиную, кухню, туалет, кладовки, чуланы, подсобки и даже подземную лабораторию, которую Саньюн с Сонхуном уже вроде как осмотрели. Слова детектива они восприняли буквально: ни один сантиметр дома не остался непроверенным, не ускользнул от их внимания. Даже мебель не поленились приподнять и картины из рам выдрать. И где-то часа через полтора их усилия увенчались успехом.

– Нашел! – донеслось из рабочего кабинета профессора, который тот использовал и как библиотеку.

Инспектор помчался туда. Пол в кабинете был весь завален книгами, сброшенными с опустевших полок. Книжные шкафы-купе разобраны – раздвижные стеллажи свалены в кучу на полу. Саньюн сразу посмотрел на открывшуюся стену, ожидая увидеть сейф или потайную дверь, ранее невидимую за шкафами. Однако ничего подобного там не было. Инспектор вопросительно посмотрел на оперативника, производившего обыск. А тот с торжествующей улыбкой во весь рот похлопал по стопке толстых книжек, лежащих на столе.

– Это что?

Явно полагая, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, сыскарь раскрыл одну из книг.

– Ух ты! – выдохнул Санъюн.

Внутри была россыпь распечатанных листов, не проклеенных и не скрепленных корешком. Получается, профессор оторвал шесть-семь обложек, вставил внутрь свои материалы и положил среди других книг. Вот уж воистину: хочешь спрятать дерево – спрячь его в лесу. А оперативник – молодец, очень толковый! Да и вся их команда отлично сработала. Инспектор показал им большой палец.

– Все эти документы передайте на юрфак университета Хангук, профессору Ю Сонхуну. Я его предупрежу, он будет в курсе.

Инспектор набрал приятеля и объяснил ситуацию.

– Ну ты и крут! – восхитился тот.

– Дело это конфиденциальное, поэтому, когда разберешься, никому ничего не говори. Ну и по возможности не откладывай в долгий ящик: займись сразу и дай мне знать.

Выйдя наконец из профессорского дома, Санъюн сел в машину и поехал в управление – нужно доложить начальству об открывшихся обстоятельствах и ждать звонка от Сонхуна. Также нужно будет установить, где еще был Чхве Чжинтхэ в день убийства. Возможно, это поможет понять, зачем ему понадобилось убивать жену. Кроме того, до сих пор непонятно, где сейчас находится Чхве Рохи: у группы из службы поиска несовершеннолетних пока больших успехов не было...

Погруженный в эти мысли, Санъюн не обратил внимания на машину, все это время следовавшую за ним.

* * *

Он заметил ее лишь на площади Ынпха, когда на круговом перекрестке дистанция между машинами сократилась. Санъюн посмотрел на часы – было начало двенадцатого ночи. Если дело настолько серьезное, что создается штаб расследования, то полицейские про все забывают: поесть, поспать, то, что есть официальные рабочие часы... Единственное, что они помнят про время, – есть первые трое суток, та самая критическая фаза, когда преступление можно раскрыть по горячим следам. Но если она уже прошла, то ощущение такое, что ты уперся в стену или в отвесный

склон, по которому теперь нужно карабкаться, отбросив все остальные мысли.

Свернув с кольца направо, Саньюн заехал в небольшой проулок с односторонним движением: до управления полиции так было короче. В этот момент с противоположной стороны проулка тоже заехала машина и двинулась ему навстречу, хотя там на въезде стоял запрещающий знак – не заметить его было нельзя, но вот все-таки кто-то ухитрился. Дорога здесь была узкая, двум машинам не разъехаться. Саньюну захотелось проучить горе-водителя: пусть это и не автотрасса с интенсивным движением, но правила все равно соблюдать надо. Инспектор посигналил ему раз, другой, на что в той машине включили дальний свет. Он слепил – глаз поднять было невозможно. Полицейский со злости еще пару раз посигналил нагледцу, но никакой реакции не последовало.

«Ну, я долго держался, а ты, смотрю, все нарываешься!» Саньюн для разминки похрустел шеей, заглушил мотор и открыл дверь.

Только после этого фары выключились, и из машины вылез водитель – мужчина в надвинутой на глаза кепке, чтобы не было видно лица. До этого его тоже рассмотреть не удалось – тонировка на стеклах была слишком темной.

– Эй, вы что тут вытворяете? Не в курсе, что здесь одностороннее движение? Специально с той стороны знак поставили «Въезд запрещен». Здесь только в моем направлении ехать можно! Сдавайте назад! Сдавайте, говорю!

Пока Саньюн кричал, мужчина неумолимо приближался к нему тяжелым шагом. Между ними осталось всего несколько шагов, а незнакомец все идет и идет, не сбавляя темп – и вот он уже прямо перед носом...

– Эй, ты что?

Прежде чем Саньюн успел хоть что-то сообразить, мужчина резко схватил его за запястья. Чтобы освободиться от захвата, опешивший Саньюн напряг все тело и потянул руку к себе. Со стороны это должно было выглядеть довольно забавно: как сказал бы Чонман, «точно скумбрия на рынке – плавниками дергает и из садка выпрыгивает».

И вот что странно: за свою службу Саньюн неплохо развился физически и среди полицейских считался одним из самых крепких. Но в железной хватке нападавшего он и дернуться не мог. Ощущение

было такое, будто его связанного в цемент закатали. Он вырывался изо всех сил, а у державшего его мужика ни один волос на голове не сбился.

– В чем дело?!

Саньюн начал прокручивать в голове, кто мог бы на него напасть. Может, кто-то из тюрьмы вышел, из тех, кого он раньше посадил? Но прежде чем инспектор начал вспоминать их особые приметы, из-под кепки показалось лицо нападавшего – не целиком, верхняя часть скрывалась под козырьком, но нижнюю часть Саньюн увидел. Чтобы разглядеть ее получше, он запрокинул голову и прищурил глаза. Нападавший, одной рукой удерживая оба запястья полицейского, другой приподнял кепку повыше. Увидев лицо мужчины, инспектор удивился настолько, что даже не успел устыдиться того, что с ним справляются одной левой.

– Ким Мёнчж...

– Простите, офицер.

Еще до того, как Саньюн произнес его имя, Мёнчжун ребром правой ладони резко рубанул детектива по шее. Полицейский обмяк. Чтобы он не упал, Мёнчжун подхватил его под мышки. Задняя дверь машины, блокирующей проезд, открылась, и из нее вышла Рохи.

– Грузи!

* * *

«Никто в полиции не поверит ни малолетке, потерявшей память, ни тем более ее похитителю...» Мёнчжуну нечего было возразить на эти слова. А у Рохи глаза засветились подозрительным блеском – она явно что-то задумала. Где-то спустя час они припарковали арендованную машину в окрестностях профессорского дома, залегли в укромном месте и стали наблюдать за передислокацией войск противника – точнее, за перемещениями сотрудников полиции.

– Нужен кто-то из них: любой, кто занимается похищением. Захватим его в плен и поговорим в такой обстановке, где у него не оставалось бы другого выбора, кроме как нас выслушать. Опыт у тебя есть, так что в этот раз ты тоже справишься.

– Да ты знаешь, что бывает за похищение полицейского?! Нам объявят войну!

– И все равно придется.

Мёнчжун поначалу наотрез отказывался, говорил: «Ни за что!», но красноречием он никогда не отличался и переубедить Рохи не смог, поэтому все закончилось тем, что сейчас они вместе лежали в засаде. Опять же, если разобраться, по сути, она права. Ну, допустим, сдался бы он – и что? Рассказни его никто и слушать не стал бы – без лишних слов упаковали бы прямо на входе в участок, бросили в камеру, и смотрел бы он тогда на небо в клеточку. Показания Рохи ему не помогли бы: девочка маленькая, и крайне сомнительно, что ей поверят. В общем, надо было переманить на свою сторону полицейского, чтобы уже на своей территории все ему спокойно рассказать.

У них были опасения, что в дом, где уже закончили следственные действия, никто не придет, но, на их счастье, какой-то полицейский туда все-таки вернулся. Почему полицейский? А кто еще туда мог зайти? Они решили брать его на выходе, но тут в дом зашел еще один человек. «Двое – слишком много, брать надо одного!» – приказала Рохи. Где-то часа через три, когда их терпение начало иссякать, из дома вышел тот, кто пришел позже. Соответственно, в доме сейчас оставался только первый. «Вот он, шанс! Заходим, хватаем...» Но тут к дому подъехала целая толпа оперативников, и им снова пришлось ждать до тех пор, пока кто-то не останется один...

* * *

Мёнчжун отстраненно смотрел на лежащего на кровати детектива: «Вот бы он скорей очнулся! А как очнется – вот бы сразу нам поверил!» Под его мечтания похищенный заворочался.

– Уй-ё, голова... – Саньюн скривился от боли.

Кроме головы, у него вдобавок онемела шея. Он начал растирать ее рукой – и вдруг замер. В его памяти всплыла приближающаяся мужская фигура... перехваченные руки... удар – и он вырубается...

Полицейский почувствовал, что рядом кто-то есть. Он вскочил с кровати, сжав кулаки. Рядом с ним на стуле сидел тот самый мужик! Только теперь похититель миролюбиво поднял руки вверх с видом

«все-все, сдаюсь». И даже два шага назад сделал, показывая, что трогать его не будет. Санъюн вытаращился на противника, чтобы получше разглядеть его. Потом, бросив быстрый взгляд вокруг, осмотрел помещение. По характерной мебели и красноватому освещению он догадался, что они в мотеле, и приготовился к схватке.

– Тебя в детстве не учили, что драться нехорошо? – неожиданно раздался жесткий оклик.

На стуле у спинки кровати, закинув ногу за ногу, сидела девочка и поочередно бросала взгляды то на него, то на пол. Глаза у Санъюна расширились еще больше, хотя, казалось, дальше уже некуда и удивляться сильнее он уже не может. Если с головой и зрением у него сейчас всё в порядке и это ему не снится и не кажется, то перед ним та самая девочка, которую они ищут всем городом.

– Чхве Рохи?!

– О, узнал меня... А его тоже, думаю, знаешь? – Рохи показала на подпиравшего стену Мёнчжуна. – Но все равно представлю официально: его зовут Ким Мёнчжун, и это мой похититель.

Санъюн был поражен так, будто ему молотком по темечку засадили.

Глава 4

День убийства

Рассказывать о том, что и как с ними за все это время произошло, лучше получалось у Рохи – она смогла сделать это настолько точно, объективно и последовательно, что даже сомнения начали закрадываться: «Ей точно одиннадцать? В этом возрасте дети так не говорят...» А вот Мёнчжун подкачал: говорил сбивчиво, непонятно, и Саньюну приходилось постоянно задавать уточняющие вопросы. Когда тот закончил рассказ, инспектор глубоко вздохнул и подумал: «Что ж ты натворил?» Хотя, с другой стороны, ради своего ребенка пойдешь на что угодно... Логика Рохи тоже была понятна: когда больше доверять было некому, ей оставалось полагаться лишь на Мёнчжуна.

– В общем, человек, которого я видела, – это техник, обслуживающий камеры. – Рохи взглянула на Саньюна, заметив, что ее слова того вообще не удивили. – Хотя полиция, я смотрю, уже в курсе...

И вот тут-то уже пришлось удивиться – до чего же быстро она мозгами шевелит! Да, узнав о прошлом Пак Чхольвона, инспектору было непонятно: если это кровная месть, то почему она распространяется на последующие поколения, а на самого обидчика – нет? Но непонимание непониманием, а результаты расследования дали основания подозревать техника больше других. И если уж сама дочь убитых его опознала, то все вопросы отпадали: дальше тянуть с арестом было нельзя.

– Давайте для начала проедем в управление. Больше вам так бегать и скрываться смысла нет, – сказал Саньюн, в первую очередь глядя на Рохи.

Та кивнула:

– Имеешь в виду, дать официальные показания под протокол? Можно и так.

Инспектор уже начал подниматься, как девочка осадил его продолжением:

– Но есть условие.

Саньюн снова сел на место.

– Его вы не трогаете и оставляете в покое.

«Не трогаете и оставляете в покое» означало, что Мёнчжуна арестовывать не будут. Полицейский взглянул на мужчину. Тот смутился, посмотрел на инспектора, на девочку и замахал руками.

– Да ладно, обо мне не беспокойтесь. Главное – найдите того, кто убил ее родителей.

Странно, конечно, как похититель общается со своей жертвой. Детектив наблюдал за ними не очень долго, но даже этого времени хватило, чтобы понять причину: просто Мёнчжун добрый.

– Это уже второй вопрос.

– Это первый вопрос. Оформил дело так, будто он меня не похитил, а взял под опеку.

Девочка говорила уверенно, словно давно уже все обдумала. Полицейский смотрел на нее в упор, но та не отворачивалась и своими ясными и чистыми детскими глазами глядела прямо Санъюну в лицо. Хм, и это в одиннадцать лет?.. Оставалось только поражаться, кем же ее растили родители. Улыбнувшись, инспектор ответил:

– Такие вопросы я сам не решаю.

– Черт, так ты просто мелкая сошка – только пустячными делами занимаешься?

Чтобы сдержаться, инспектор спокойно закрыл и открыл глаза, хотя внутри все бурлило.

– Постараюсь помочь, чем смогу. Но результат не обещаю. Ведь я только мелкая сошка, пустяками занимаюсь...

– Договорились.

– Но тоже с одним условием – обращаться ко мне будешь на «вы».

– Ой! – Рохи раскрыла рот, словно только сейчас осознав, что все это время говорила взрослому «ты». Мотнув подбородком в сторону Мёнчжуна, она нашла оправдание: – Просто этому вон все время тыкала, вот и привыкла.

– Ах ты ж... – Мёнчжун понурился, обиженно надув губы.

Увидев это, Рохи специально для Санъюна скопировала эту позу и виновато повесила голову. На ее лице проявилось выражение, доселе невиданное: искреннее смущение девочки, которой родители сделали замечание и теперь ей стыдно. Вот с таким выражением Рохи и произнесла:

– Прости. То есть простите.

Еще когда Саньюн очнулся на кровати после удара, он догадался, что похитители привезли его в мотель самообслуживания – а где еще будет такое красноватое освещение? Сейчас, стоя у лифта вместе с Мёнчжун, полицейский посматривал на него острым взглядом. Под этим взглядом тот съеживался, прятал глаза и втягивал голову в плечи. «Понятно, о чем он сейчас переживает...»

Мёнчжун уже собирался садиться за руль, как инспектор протянул руку:

– Ключи от машины дайте мне, мы же в полицию едем. Или хотите, чтобы вас прямо на въезде арестовали?

Мёнчжун посмотрел на Рохи, та кивком разрешила, и только после этого он передал ключи. Даже одного этого примера хватило бы, чтоб понять, как у них в отношениях распределены роли: 11-летняя девчонка командует, 38-летний мужик выполняет. Саньюн завел машину, испытывая нечто вроде жалости к Мёнчжуну, а тот усадил Рохи на заднее сиденье, заботливо пристегнул ремнем безопасности, после чего обежал машину сзади, уселся рядом с ней и еще раз проверил ее ремень. Пока он все это проделывал, выражение лица Рохи было абсолютно спокойным и – невероятно! – даже мягким. Полицейский нажал на газ, и они поехали сдаваться.

По дороге Саньюн позвонил шефу и попросил собрать весь оперативный штаб. Начальник ничего не понял, начал расспрашивать, в чем дело, но инспектор, поглядывая на странную парочку в зеркало заднего вида, сказал, что это не телефонный разговор.

– Приеду – расскажу.

У детектива была причина говорить уклончиво. Если он неправильно поведет разговор, то в полиции, куда Мёнчжун так боится ехать, его действительно сразу арестуют. Конечно, он забрал чужого ребенка, но Саньюн не считал, что Мёнчжун достоин сурового наказания.

На въезде в управление стоял полицейский-срочник – он махнул рукой, чтобы они остановилась. Поскольку ехать пришлось не на служебной машине, а на той, которую арендовал Мёнчжун, Саньюну пришлось высунуться из окна, чтобы их пропустили. Инспектор припарковался поближе к зданию, и они пошли в управление:

Мёнчжун и Рохи одинаково подняли воротники и прятали лица, держа друг друга за руки.

В штабе расследования их уже ждали.

– Что там у тебя случилось? Вся пресса уже на ушах стоит... А вы кто?

Начальник оперативного штаба наседавал на Санъюна, забрасывая его вопросами, но, заметив прятавшегося за инспектором понурого мужчину, осекся и нахмурился. Незнакомец был похож на какого-то уличного лоточника, но Санъюн такого сюда не привел бы. Все остальные тоже в едином порыве посмотрели на вошедшего: «Кто бы это мог быть?» Одной рукой тот держал девочку, другой прикрывал лицо. Но, зайдя в комнату, медленно опустил руку. То же самое сделала и его спутница. В кабинете кто-то охнул, а один из полицейских, сидевших сзади и поднявшийся с кресла, чтобы лучше их разглядеть, снова плюхнулся на место. Начальник оперативного штаба тоже выпучил глаза так, что, казалось, они сейчас выпадут из орбит.

И тут Санъюн представил вошедшего:

– Это – господин Ким Мёнчжун, похититель профессорской дочки Чхве Рохи.

* * *

Когда они закончили свой рассказ, в кабинете повисла тишина; потом все резко загудело. Быстрее всех мозги включились у начштаба: среди шума и гомона он первым стер растерянное выражение со своего лица и начал анализировать ситуацию. Самое главное – девочка нашлась, она в безопасности и, более того, может быть свидетелем. С преступником тоже все было ясно. Шеф резко поднялся с места, и разговоры стихли.

– Все, что сейчас произошло, разглашению не подлежит. Дальше, группе «Альфа» – немедленно арестовать Пак Чхольвона.

– Есть! – хором ответили трое человек из группы захвата и поднялись с мест.

В этот самый момент в кабинете раздался звонок. Полицейские напряглись и посмотрели на телефон: предчувствие было нехорошим. Все члены штаба были сейчас в этой комнате. Единственное

исключение – убывший в командировку Чонман. Но если б он что-то узнал, то сначала связался бы со своим напарником Санъюном по мобильному. А тут получается, что звонит кто-то посторонний. Вывод: случилось ЧП.

Один из полицейских поднялся и снял трубку. Лицо его стремительно застыло; он, словно выполняя приказ, кивнул и записал что-то в блокнот, после чего сказал:

– Прошу до прибытия группы обеспечить сохранность места преступления.

От этой фразы присутствующих словно в ледяную воду окунули. Под пристальными взглядами коллег говорящий положил трубку. «День сегодня просто не перестает удивлять», – подумал он и перевел взгляд на шефа.

– Звонили из первого отделения района Тхэхён. Сообщают, что убит Юн Чжондо.

* * *

Тело Юна было обнаружено во дворе ресторана – оно валялось прямо на мешках с мусором. К приезду Санъюна там уже было полно зевак – и случайных прохожих, и хозяев близлежащих лавочек и ресторанов, понабежавших со всей округи. Сотрудники местного отделения сбивались с ног, пытаясь блокировать от них двор и не давая делать снимки. По счастью, оградительную линию уже натянули и тело не перемещали: оно даже было прикрыто специальным тентом, так что смотреть любопытствующим было особо не на что.

Труп обнаружила 56-летняя работница ресторана. Поначалу она подумала, что это кто-то из посетителей напился и уснул, и если б у мужчины не было перерезано горло, то, возможно, полицию вообще вызывать не стали бы. Инспектор задрал голову – вверху была установлена камера наблюдения. «Вот подобрал же место: берите меня – это я убийца...» Санъюн отошел от тента: и судмедэкспертам не хотелось мешать, и подумать надо было – уж слишком все запутано. Место преступления врать не может: если тело старательно прячут, значит, преступник хочет, чтобы об убийстве не узнали как можно дольше. Если на голову жертве надевают мешок, это говорит

полицейским, что убивал кто-то из знакомых. Но тут-то все просто кричит о другом: «Это сделал я, ловите меня быстрее!» Зачем это понадобилось? Почему? Вопросы оставались без ответа.

Вернулся полицейский, которому поручили проверить записи с камер.

– Есть нужное видео! – Он протянул Санъюну планшет.

На экране никого не было. Инспектор нажал на быструю перемотку, прокрутил до тайм-кода 00:10:20 и нажал на воспроизведение. В кадре появилось двое мужчин: первым шел явно пьяный Чжондо – походка у него была нетвердой, шатающейся. За ним вышел еще один. Убийца? Но тут второй, дойдя до середины экрана, почему-то остановился. Санъюна охватило беспокойство – а ну как лицо в объектив камеры толком не попадет? Между тем видео шло дальше: человек сзади то ли что-то сказал, то ли позвал Чжондо, и тот обернулся. А потом все случилось за долю секунды: мужчина сзади достал нож и без малейших колебаний воткнул его прямо в горло врача. Чжондо, словно не веря в произошедшее, скосил взгляд на вонзившийся в него предмет. Но смотрел недолго: с лицом, искаженным мучительной болью, несчастный упал на колени, и убийца вытащил нож. Чтобы воткнуть его снова. Тело убитого рухнуло прямо на мусор.

– Кто же это?

Лица убийцы пока не было видно. «А вдруг он так и попятится спиной?» У Санъюна пересохло в горле. Но человек на экране шагнул вперед и, глядя на лежащего Чжондо, медленно стянул капюшон с головы. После чего поднял глаза: во весь экран на инспектора смотрел Пак Чхольвон.

* * *

Остальные улики тоже говорили о том, что преступником является именно он: отпечатки на рукояти ножа были очень четкими. Ордер на Пак Чхольвона был выдан мгновенно, и спустя всего полтора часа после звонка в полицию убийца был арестован. Сопrotивления он не оказывал – спокойно сидел на полу, словно ожидая, когда за ним придут. Санъюн тоже поехал с группой задержания: ему хотелось

разобраться, для чего Чхольвон это сделал. Когда они зашли к нему в дом, техник спокойно поднялся, протянул руки и покорно дал надеть на себя наручники. Пока его вели к машине, он не произнес ни слова.

Саньюн не торопясь оглядел опустевшее жилище – про такие обычно говорят «захудалое». Находилось оно в характерной пристройке к основному зданию: в старых домах такие специально строили под сдачу внаем. У квартиры Чхольвона был отдельный вход – железная дверь напротив дома хозяев. Сразу за дверью располагалась кухня, в которой, кроме раковины, больше ничего не было; к кухне примыкала небольшая комната – и всё. Даже собственного санузла в квартире не оказалось, так что по нужде жильцу приходилось бегать через коридор в главное здание и пользоваться общим туалетом вместе с хозяевами.

– И с чего это он вдруг? – В пристройку зашла хмурая старуха. – Попросил комнату освободить... Если расходы какие возникнут – из залога взять, а вещи все выкинуть...

Саньюн решил еще раз осмотреть комнату Чхольвона. В дешевом пластиковом комоде одежды было немного – буквально один-два комплекта. Поверх них – два старых, пожелтевших от старости одеяла. На полу стоял поднос с чайником и пакетиками растворимого кофе. В общем, съемная комната была из серии «на тебе, боже, что самим негоже». Из общей картины явно выбивалась ярко-желтая офисная коробка с тремя отделениями, каждое из которых было плотно набито какими-то папками. Саньюн просмотрел одну из них. Там были материалы, собранные на Чхве Чжинтхэ. Материалы свежие, давностью не больше трех-четырех месяцев. Инспектор сложил все папки, чтобы забрать с собой. Так, ну с профессором ладно... Но при чем здесь Чжондо? Его-то зачем потребовалось убивать? Ответ подсказывало жилище.

Оно было хоть и бедным, но очень чистым – все аккуратно прибрано и мусор нигде не валяется. Поверх офисной коробки лежало фото в коричневой рамке. На снимке был молодой Чхольвон – сейчас сложно было представить, что когда-то он мог выглядеть вот так. Рядом с ним была женщина – очевидно, жена. У нее был виден уже слегка округлившийся животик. Сам техник тоже был не иссохший, как сейчас, а довольно пухленький. Оба крепко держали друг друга за руки, словно боясь потерять.

Саньюн положил старую фотографию. Ему хотелось броситься за машиной, везущей сейчас техника в полицию, и спросить: «Зачем вы замуровали себя в том времени, что было тридцать лет назад?»

В кармане зажужжал телефон. Это звонил Чонман; он и вообразить себе не мог, что у них тут творилось. Саньюн коротко рассказал напарнику, что Пак Чхольвон арестован, что Чхве Рохи нашлась и что теперь у них есть единственная свидетельница по этому делу.

– Так что всё, давай возвращайся назад.

Не веря своим ушам, Чонман на том конце линии только кряхтел от удивления.

– Что ж, раз вы говорите, что можно вернуться, значит, вернусь. А я тут пока местных опрашивал насчет Чхве Донока... Говорят, что он не просто так переехать решил, а закрыл клинику как раз после того инцидента с Пак Чхольвоном.

Его единственный сын пострадал, а заведующий не стал обращаться в полицию и просто закрыл процветающую клинику... Чхольвон тоже 30 лет прожил, ни на что не жалуясь и не высказывая ни малейшего упрека Чхве Доноку, которого считал виновным в нелепой смерти своей жены и ребенка под руками коновала... Саньюна по-прежнему терзали смутные сомнения, что он что-то упускает из виду.

– Куда ты с мокрыми волосами? А ну бегом сюда, сушиться будем!

– Отвали, киднеппер, надоел до смерти!

Мёнчжун с феном в руках неотступно семенил за Рохи, а та с отвращением, словно ее хотели макнуть в чан с дерьмом, убегала и отбрыкивалась. После душа она решила сразу лечь спать: стрижка короткая, можно по-быстрому воду с волос стряхнуть – и готово. И тут как началось: «Ты же девочка! Как можно такой распустехой ходить?» Мёнчжун такого допустить просто не мог. Сейчас волосы не высушит, а наутро запах от них будет идти сырой и затхлый. А потом, того гляди еще, и выпадать начнут! Кроме того, простудиться можно, пусть сейчас и лето. Взять Хиэ, к примеру: у той волосы были гораздо длиннее, а все равно не ленилась их сначала феном сушить, потом несколько раз тщательно расчесывать и только потом идти спать. Вот ведь: обе девочки, но такие разные!

Саньюн рассеянно наблюдал за общением парочки и непроизвольно улыбался: ни дать ни взять обычная семья, папаша дочку воспитывает... В оперативном штабе пока еще не определились, как быть с преступником, раз сама потерпевшая требует, чтобы его не наказывали. Кроме того, Рохи настаивала, что он ее не похищал, а сопровождал и опекал после того, как она сбежала от убийцы. «Может, и в самом деле оформить все так, как она предлагает?» – вдруг подумалось Саньюну.

В общем, пока начальство не решило, что с ними делать дальше, обоих определили в отель, куда Саньюн их и отвез в первый же вечер. Вот там, в номере, и развернулась дискуссия о волосах: сушить или не сушить? Наблюдая за ними, инспектор даже ненадолго забыл об убийстве Чжондо. Двойное убийство в доме профессора тоже казалось чем-то далеким.

В конце концов Мёнчжун все-таки поймал девчонку и усадил перед зеркалом. Фен взревел, выдувая горячий поток воздуха, и ее мягкие волосы заплясали на голове.

– Девочка, а ведешь себя хуже парней! Хотя сейчас даже они вон как за собой ухаживают!

– Вот им и указывай, что делать, а мне не надо! – прокричала Рохи, и тут ее осенило. – Стоп, та розовая пижама, что ты мне выдал, – она ж прямо в твоём вкусе! Как я сразу не догадалась!

– Ну так красиво же! А тебе как шло – ты в ней такая милаха!

– Что сказал? – Рохи пихнула Мёнчжуна, но понятно, что не всерьёз и без злости.

Саньюн, сидя в сторонке, не вмешивался в их шутиливую перебранку. Потом поднялся из кресла, и они сразу закончили пикироваться.

– Уже уходите? – спросил Мёнчжун.

– Чего мне вам мешать? Да и делами нужно заниматься. Ещё раз напомню, что из отеля выходить категорически запрещено – нельзя вам сейчас по городу разгуливать.

Мёнчжун с мрачным лицом опустил взгляд и кивнул. Похоже, он не забывал, что по сути все ещё находится в статусе преступника. Рохи же, округлив глаза, спросила:

– А что с едой? Ты принесешь?

Саньюн строго посмотрел на девочку – та скривила губы и поправилась:

– Вы принесете?

– Закажу.

Рядом с отелем удачно располагалась небольшая лавка, где продавали готовые обеды в ланч-боксах. Саньюн купил один детский набор со свиной котлеткой-тонгасы и один взрослый – пулькоги-сет с жареными кусочками маринованного мяса, после чего поручил доставить еду в отель. Решив вопрос с питанием, инспектор сел в машину, но перед тем, как поехать в управление, набрал Чонмана. Несколько гудков – и на том конце послышался голос напарника:

– Алло!

– Слушай, Чонман, помнишь, ты рассказывал про медсестру, которая раньше в клинике «Надежда» работала? Скинь-ка мне ее номер.

Подчиненный ответил быстро: сигнал входящего сообщения тренькнул, едва Саньюн выехал с парковки отеля и влился в уличный поток.

Лицо Чхольвона было непроницаемым: с безучастным видом «готов принять от судьбы все» он сидел в допросной, опустив глаза и отстраненно уставившись в одну точку – прямо дзенский монах в состоянии «му»^[26]. Допрос вел Санъюн, фиксируя все происходящее на видео.

– Это вы убили Чхве Чжинтхэ?

– Да, – без малейших колебаний ответил техник.

– Его супругу, госпожу Со Чжинью, тоже убили вы?

На этот раз возникла заминка, после которой Пак Чхольвон покачал головой: нет, ее он не убивал.

– От них поступила заявка на демонтаж видеонаблюдения, и двадцатого числа я поехал снимать камеры. Сначала снял те, что висели у ворот и в гостиной, потом – в подземной лаборатории. Последней снимал камеру в дальней комнате на первом этаже. Как я уже говорил вам раньше, в процессе демонтажа возникли проблемы, поэтому пришлось немного повозиться.

– Тело госпожи Со Чжинью было обнаружено как раз в дальней комнате на первом этаже. Вы можете подтвердить, что тела на тот момент в комнате не было?

– Да.

Его ответ был занесен в протокол, а кивок головы зафиксирован видеокамерой. Но у Санъюна вместо окончательных точек были лишь одни вопросительные знаки. Следов волочения или признаков перемещения тела эксперты не обнаружили. И что же получается? Что женщина была убита после того, как техник покинул дом?

– В общем, в тот день я так от них и ушел, но та дальняя комната мне все покоя не давала. Там же сейф стоял, а видеонаблюдение уже снято. И домработницу, я слышал, профессор как раз в отпуск отправил... Вот я туда на следующий день и поехал. У них там одна уличная камера перед воротами висит, но я знал, где у нее мертвая зона. Других охранных устройств уже не оставалось, так что перелезть через ограду и забраться внутрь было несложно.

– Во сколько это произошло?

– Вечером, незадолго до семи.

«И что получается? Где-то в 18:30 он заканчивает работу в доме у чиновника из мэрии. Оттуда до особняка Чхве Чжинтхэ на машине минут десять. Но ведь в 7 вечера профессорская жена получила доставку – куриный суп из ресторана. И она его точно съела, так как в желудке у нее нашли остатки курицы и морковь. И как такое могло получиться?» – недоумевал Саньюн.

– Когда я зашел, в гостиной никого не было. Да и вообще не ощущалось, что в доме кто-то есть. Кроме того, дверь в комнату с сейфом была открыта. Я уже подумал, что вот сейчас куш сорву, зашел внутрь, начал ковыряться с замком – и тут как раз из подвала поднялся профессор.

Дальше, по словам техника, тот закричал: «Ты что там делаешь?», кинулся на него, но силы явно были неравны: ученый вел сидячий образ жизни, а Пак Чхольвон каждый день монтировал тяжелое оборудование плюс долбил потолки и стены перфоратором. Пак схватил длинный корейский меч, что висел здесь же на стене, приставил клинок к горлу профессора и потребовал открыть сейф. В тот момент он вовсе не хотел никого убивать, более того, даже не думал, что будет потом: куда он денет эти деньги, обратится ли профессор в полицию, а если все-таки обратится, то куда бежать и где скрываться. Чхольвон уверял, что в тот момент в него будто что-то вселилось и он просто действовал словно по предписанной роли. Профессор клялся, что в сейфе ничего, кроме документов, нет. Но Чхольвон ему не верил, лишь вдавливал меч сильнее, желая убедиться в этом лично. Когда же профессор открыл дверцу, то внутри действительно ничего не оказалось, кроме кипы бумаг.

Когда Чхольвон дошел до этого места, Саньюну вспомнилось, что при обыске сейф был абсолютно пуст.

– Я думал, там будут деньги или что-то вроде того, но внутри действительно были лишь одни бумаги. Это меня расстроило, и профессор смог застать меня врасплох. Воспользовавшись тем, что я отвлекся, он сильно двинул меня плечом, да так, что я отлетел к окну, случайно задел штору, а там... – У него ненадолго перехватило дыхание. – Там лежал труп хозяйки.

Увиденное его просто поразило. Он в ужасе посмотрел на профессора, а тот снова бросился на него, но теперь это не шло ни в какое сравнение с тем, что было раньше: его напор и отчаяние были

просто запредельными. Чхве взгромоздился на упавшего Чхольвона и схватил за горло. Тот протянул руку, чтобы незаметно подобрать выпавший меч. Глаза у профессора закатились как у одержимого, и тут Чхольвону все стало понятно: «Это он убил свою жену».

Техник с трудом, но дотянулся до меча. Он уже наполовину терял сознание; вены на шее вздулись так, что, казалось, их сейчас разорвет. Собрав все оставшиеся силы, Пак ударил Чхве Чжинтхэ ногами. От удара профессора отбросило к дверям комнаты. Он кинулся на техника снова, но за это время Чхольвон успел подняться и выставить руки с мечом. Когда он полностью пришел в сознание, то увидел, что меч уже торчит в животе хозяина. И в этот момент в дверь позвонили.

– А, это, наверное, из ресторана доставка пришла с куриным супом... И как же вы поступили?

– Мне показалось глупым делать вид, что дома никого нет. Вот я сам вышел и получил заказ.

– В доме мы никакого супа не обнаружили.

– Если б я его там оставил, то сразу стало бы ясно, что алиби у меня нет. Поэтому я забрал его с собой. А потом пошел на встречу с другом и все время был с ним. Но это вы уже знаете.

Поскольку Чхольвон был в перчатках, то считал, что следов не оставил. Встречу с другом он как алиби не готовил, просто так совпало, и в тот момент он подумал, что это сама судьба ему помогает.

Чхольвон закончил говорить и перевел дыхание. Все сказанное техником Саньюн тщательно заносил в протокол, не упуская ни одной детали, и при этом параллельно следил за лицом допрашиваемого. На вопросы тот отвечал бойко, ответы все как один давал убедительные, и заподозрить его в том, что все это с ним не происходило, было невозможно. Тем не менее было в его рассказе два мутных момента: в одном он точно соврал, другой был крайне сомнителен. «Во-первых, куриный суп. Пак Чхольвон оставался в неведении про результаты вскрытия и про то, что в желудке у Со Чжинью были обнаружены остатки курицы и моркови. Как они туда попали, если еда была доставлена уже после убийства и съесть ее она не могла? Отмечаем это и переходим к откровенной лжи, а именно – про бумаги. Как и со вскрытием, техник не мог знать, что Саньюн уже нашел материалы исследований – они лежали у Чхве Чжинтхэ в кабинете, спрятанные среди книг. Никто другой, кроме самого профессора, положить их туда

не мог. Если, как говорил Пак Чхольвон, они лежали в сейфе, то каким образом после его ухода они переместились в кабинет? Не сами же дошли...» Но всего этого инспектор Чхольвону пока не говорил. Нельзя выдавать своих подозрений до тех пор, пока он не будет знать точно, что это все означает.

– Давайте сменим тему и поговорим о другом, а именно – о вашей жене, которая умерла тридцать лет назад.

Чхольвон втянул голову в плечи.

– В ходе расследования мы установили, что вы сами попросили дать вам в клиенты профессора Чхве Чжинтхэ. Вы на тот момент были в курсе, что он некоторым образом связан с событиями тридцатилетней давности?

Некоторое время техник молчал. На его лице никаких эмоций не отражалось, но ладони, лежащие на коленях, сжались в кулаки. Тишина затягивалась, но Саньюн решил терпеливо ждать, пока техник сам не начнет говорить. Наконец арестованный вздохнул и сказал:

– Да, я был в курсе. Поначалу я подумал, что это просто случайность. Если б я хотел убить из мести, то тогда убивал бы того врача, причем тридцать лет назад. До сих пор его имя помню – Чхве Донок.

– Зачем вы убили Юн Чжондо?

Пак Чхольвон прикусил нижнюю губу. В его глазах мелькнула ярость, словно одно только это имя выводило его из себя. Похоже, он ненавидит его даже больше, чем Чхве Донока, отнявшего у него жену и дочь. В чем же тут дело?

– Я могу попросить у вас воды?

Саньюн повернулся назад. Допрашиваемым это было незаметно, но в комнате имелось полупрозрачное зеркало Гезелла, за которым сейчас стояли начальник оперативного штаба и Чонман, наблюдавшие за ходом разговора. Чонман без лишних слов понял, чего хочет его напарник: он набрал воды, принес в допросную, поставил бумажный стаканчик перед Чхольвоном и снова вышел за дверь. Техник осушил стакан одним глотком, словно в горле у него была засуха.

– Всякий раз, как про то время вспоминаю, в груди все сжимается... Но и молчать об этом не могу. Смерть моей жены и ребенка – это не просто врачебная ошибка.

Трудные роды... Через двадцать часов после начала схваток заведующий клиникой Чхве Донок решил делать кесарево сечение. Жена Пака где-то слышала, что после естественных родов развитие детей идет лучше, и говорила, что потерпит еще. Но Чхольвон, больше не в силах смотреть, как жена мучается от родовых потуг, дал согласие на операцию: подписал соответствующий документ, и женщину тут же повезли в операционную, куда зашел и Чхве Донок – это он видел своими собственными глазами. А через четыре с половиной часа его жену вместе с ребенком вывезли из операционной. Мертвыми.

В документах причина смерти была описана мудреными терминами, из которых он не понял ни слова. От горя у него чуть жилы на шее не лопались. Когда же тела отвозили в морг, Чхольвон услышал в разговоре медсестер, что операцию проводил не заведующий.

– Вы знаете, что означает пи-эй?

Саньюн кивнул: он знал, что Чхве Донок поручил делать операцию ассистенту.

Чхольвон не верил своим ушам: он же ясно видел, как заведующий входил в операционную. Пришлось разыскать тех медсестер. Говорить с ним они отказывались; лишь одна медсестра сказала, что слышала про такое, но признаваться ни в чем не будет, иначе ей несдобровать.

У Пак Чхольвона откуда-то снизу живота стала подступать ярость. Его не покидала мысль, что из-за какого-то типа, у которого даже лицензии врача нет, лишились жизни его жена и ребенок, а сам он остался без будущего. Он несколько раз приходил к директору клиники, пытался поговорить, но Чхве Донок факт проведения операции неквалифицированным персоналом не признавал и говорил: «Если хочешь – подавай в суд». Пак устраивал одиночные пикеты, потом действительно написал заявление; было даже начато расследование, но впереди его ожидало лишь отчаяние и разочарование. А директор тем временем все так же поочередно мелькал то в операционной, то на телевидении. Тогда Чхольвон пришел в клинику с ножом. Он хотел сначала убить директора, а потом себя, чтобы снова оказаться вместе с женой. Но в реальности все закончилось полным провалом – Чхве Донока он даже не зацепил, и

все, что ему оставалось, – продолжать жить своей жалкой, никчемной жизнью.

С трясущимися губами Чхольвон рассказывал свою историю – Саньюн его не торопил и не прерывал, хотя ему и казалось подозрительным, что вместо ответа на вопрос о причинах убийства Юн Чжондо техник вдруг начал вспоминать тот давний случай.

– Вы же, наверное, думаете, что этот Чжондо был врачом? – Чхольвон бросил на инспектора острый взгляд. Острый, словно нож, нацеленный на того, кого очень хотят убить.

У Саньюна екнуло сердце: по этому вопросу он понял, как связана история тридцатилетней давности с этим убийством.

– Вы хотите сказать...

– Да, он тоже был всего лишь ассистентом и оперировал без лицензии. Я случайно об этом узнал – и уже не смог сдержаться. После убийства Чхве Чжинтхэ я знал, что мне конец: вы подбирались ко мне все ближе и петля затягивалась все туже. И тут всплыл Чжондо. Я подумал, что этому мерзавцу не должно все так просто сойти с рук. И это мое признание: оба убийства совершил я – и профессора Чхве, и этого Юна.

Саньюн кивнул, допечатал его слова в протокол и нажал «Сохранить». Компьютер тем не менее не выключил – ему нужно было обязательно прояснить еще один вопрос. Инспектор сцепил пальцы в замок и некоторое время смотрел на Пак Чхольвона – тот снова пришел в свое обычное состояние и сидел со спокойным лицом.

– Мы тоже помним про тот случай, когда тридцать лет назад вы ворвались в клинику господина Чхве Донока, устроили там дебош и набросились на него с ножом.

Чхольвон смотрел на инспектора, не понимая, к чему тот клонит.

– Мы слышали, что при нападении один человек все-таки пострадал – девочка, дочь директора клиники, которую тот привел с собой на работу.

Взгляд техника дрогнул, а Саньюн продолжал:

– Теперь я хочу спросить у вас только одно: то, что произошло в доме профессора Чхве Чжинтхэ, – точно ли это было спонтанным убийством из-за денег? Я знаю, что тридцать лет назад вы отказались от своих обвинений и отозвали заявление на заведующего. Вы с ним договорились?

В допросной воцарилась глубокая, даже немного пугающая тишина. Саньюн, словно не замечая этого гнетущего молчания, смотрел прямо на Чхольвона. Техник глаз не отводил, но взгляд его задрожал. Сглотнув слюну, он ответил:

– Да... Договорился...

* * *

29 августа 2019 года, четверг

Хоть это и был будний день, но вечером в кафе людей оказалось много. Были и те, кто работал за ноутбуком, и те, кто пришел в кафе просто отдохнуть – почитать книгу или поболтать с друзьями за чашкой кофе. Внезапно Саньюну стало интересно, что это за люди, чем они занимаются и как зарабатывают на жизнь.

Ему повезло найти свободное место, и он, положив блокнот на стул в знак того, что место занято, пошел заказывать кофе. До встречи оставалось еще минут десять. Чуть погодя у него сработал гостевой пейджер^[27]. Когда детектив с подносом в руках возвращался к своему столику, дверь открылась и в кафе зашла женщина лет за пятьдесят. Она сразу стала оглядывать посетителей. Их взгляды пересеклись – Саньюн был застигнут в неловкой позе: он как раз наклонялся, чтобы присесть. Тем не менее детектив автоматически спросил:

– Вы, наверное...

С легкой улыбкой женщина подошла поближе.

– Меня зовут Мин Вонсук.

Это была медсестра, которая тридцать лет назад работала в клинике у Чхве Донока.

Детектив усадил женщину за столик, а сам снова пошел к стойке заказывать латте. Вонсук хотела заплатить за себя сама, но раз уж она ради их расследования проделала такой путь, доехав аж до Йонина, Саньюн должен был хоть чем-нибудь ее угостить.

Сделав заказ и получив очередной пейджер, он не пошел на свое место, а остался бродить возле выдачи, изучая различные сорта напитков и типы кружек. Без кофе к серьезному разговору приступать не хотелось, а если молча сидеть друг напротив друга, то будет как-то неловко. По счастью, процесс много времени не занял, и он вернулся к латте. Вонсук взяла чашку, сделала аккуратный глоток и посмотрела на Саньюна.

– Я уже разговаривала до этого с вашим коллегой. Он хотел узнать о ребенке заведующего клиникой.

– Понимаю и приношу свои извинения, что так часто приходится вас беспокоить. – Саньюн склонил голову.

– Нет-нет, что вы! – Медсестра замахала руками. – По правде говоря, мне самой тот разговор все покоя не дает.

Вообще-то Саньюн собирался спросить, знает ли она или кто-то еще из бывших сотрудников о соглашении, которое заключили Чхве Донок и Пак Чхольвон. Но он зацепился за ее слова.

– Да? А почему?

– Ну, в прошлый раз я что-то засомневалась, сын был у заведующего или дочь. А потом точно вспомнила – дочь.

Саньюн мягко улыбнулся.

– А вы не путаете? Просто у них в семье, кроме сына, детей больше не было.

– Нет-нет, я точно помню, что пострадавший ребенок был женского пола. Заведующий часто приводил ее на работу, так что перепутать я не могла. Помню, что одевали ее прямо как принцессу. Я еще тогда подумала, какая замечательная жена у профессора, так все ей подбирает красиво... – Медсестра опустила глаза.

«Интересная формулировка: “пострадавший ребенок женского пола”. Слова какие-то странные подобрала... Явно что-то темнит».

Предположения Саньюна сменились уверенностью.

– Если вам что-то не дает покоя, то, прошу вас, без колебаний говорите все как есть. Нам это очень важно – дело ведь серьезное.

От слов Саньюна лицо женщины немного расслабилось. Некоторое время она собиралась с мыслями, потом с тяжелым вздохом сказала:

– Заведующий приходил с девочкой, это без сомнений. Но если сейчас, как вы говорите, у него дочери нет, то... – Вонсук ненадолго заколебалась, посмотрела на инспектора, но потом, словно окончательно решившись, продолжила: – Уж не отказался ли он от нее? Ведь она была приемной.

– Приемной? То есть он ее удочерил?

– Да. Это держалось в секрете. Я тоже про это случайно узнала – услышала, как промелькнуло в разговоре профессорши.

Жена Чхве Донока не могла иметь детей. Она наблюдалась у них в гинекологическом отделении – там ей и поставили такой диагноз. Чтобы не поползли слухи и никто не заподозрил, что жена заведующего бесплодна, они втайне взяли ребенка из приюта. Чхве Донок сам вызвал ее к себе и с угрожающим лицом строжайше запретил кому-то об этом говорить.

– К счастью, все обустроилось хорошо: девочку они холили и лелеяли, и все были довольны. И тут произошел тот случай: какой-то мужчина затаил злобу и начал размахивать ножом...

Это она говорила про Пак Чхольвона. Но все равно было непонятно – ведь в том инциденте та девочка не была виновата и пострадала совершенно случайно: просто оказалась не в то время не в том месте. Почему же от нее отказались?

– Дело в том, что тогда... В общем, у нас в клинике была одна пациентка со СПИДом...

– Что? – Внезапно беседа приняла совсем неожиданный оборот.

– Говорю, что у нас в клинике была одна пациентка со СПИДом. Беременная. Понятно, что инфицирование вирусом от матери происходит далеко не всегда; тем не менее вероятность внутриутробного заражения весьма высока, и с этим приходится считаться. А в ее случае еще и тест на выявление у плода синдрома Дауна дал положительные результаты... Короче говоря, та женщина захотела сделать аборт. Клиника находилась в затруднительном

положении: с одной стороны, оперировать пациентку со СПИДом губительно для репутации больницы – кто захочет лежать в клинике вместе со спидушницей? С другой стороны, по закону отказать ей в операции мы тоже права не имели. Так или иначе, но если б пошли слухи, то клинику пришлось бы закрыть.

В итоге они приготовили для нее отдельную операционную и все-таки сделали аборт, после чего было принято решение избавиться от всего, что имело контакт с пациенткой: скальпели, шприцы, перевязочные материалы и инструменты – все это старшая медсестра несла утилизировать как медицинские отходы. В этот момент разъяренный Чхольвон выхватил у нее бикс, достал оттуда шприц, начал им размахивать и попал в приемную дочь Чхве Донока.

– Чтобы выявить в организме антитела к вирусу, требуется минимум шесть недель. После чего заведующий девочку забирать домой уже не стал.

– И куда ж он ее?

– Этого я не знаю. Только главному администратору поручил подыскать небольшой домик в пригороде, где-нибудь в горах. Наверное, туда ее и поместили. С родной дочерью, поди, так не поступил бы...

Туман в голове у Санъюна понемногу начинал рассеиваться, хотя в груди все сжалось: Чхве Донок опасался, что у нее может обнаружиться СПИД, и поселил одну в заброшенном доме... Да уж, Вонсук права: с родной дочерью он так не поступил бы.

– Так что в итоге, выявили у нее СПИД или нет?

– Я про это так и не узнала – ушла оттуда. У меня свадьба как раз запланирована была, так что еще до этого собиралась увольняться. Когда уходила, заведующий еще раз напомнил, чтоб я держала рот на замке. Я, конечно, тоже переживала, нашли у девочки СПИД или нет, но за своими заботами и проблемами про этот случай забыла.

Однако визит Чонмана снова напомнил ей об этом. Поначалу она подумала, что полицейский, возможно, просто что-то перепутал. Но потом в голову закралась шальная мысль: «А не отказался ли заведующий от дочери?»

– В Масане он был человеком известным, с хорошей репутацией. Если б прознали, что он отказался от приемной дочери, то сразу пошли

бы кривотолки. Уж не потому ли он решил закрыть клинику и перебраться в Йонин?

Саньюн тоже так считал.

– А с тем мужчиной, что ранил девочку, заведующий, получается...

Вонсук сжала рот, на лице отразилась нерешительность. Похоже, именно эту часть истории она изначально хотела сохранить в тайне, но поскольку все остальное женщина уже рассказала, то чуть погодя она снова начала говорить:

– Ну, из того, что я знаю, нападавший ранил девочку, плюс еще и вероятность заражения возникла, поэтому думаю, что они договорились, и больше вопросов о смерти своей жены и дочери тот мужчина не поднимал.

Теперь ясно, почему Чхольвон больше не появлялся в той клинике. Но тогда получается, что между теми событиями и этим делом нет никакой связи. Это же не кровная месть, чтоб Чхве Чжинтхэ ответил за грехи отца. И что, выходит, нужно верить словам Чхольвона, что это было просто совпадение: хотел украсть деньги, а профессора убил по чистой случайности? Потом, раз руки все равно кровью замарал, убил заодно и Чжондо, потому что тот операции нелегально делал. После чего махнул рукой – «а, пропади все пропадом» – и дал себя схватить. Так, что ли?

– В общем, я рассказала вам все, что знала. Прошу сохранить это в тайне.

Хотя и Чхве Донок, и Чхве Чжинтхэ уже были мертвы и уж им-то точно было все равно, но женщине явно не хотелось, чтобы она, сама того не зная, оказалась втянута в какую-то дурную историю.

– Напоследок еще один вопрос. Вы, случайно, не помните имя той девочки, пострадавшей при нападении?

Вонсук задумалась:

– Как же ее звали... Имя какое-то такое... очень распространенное...

«Это было тридцать лет назад, близко с ней она не общалась – неудивительно, если не вспомнит. Ладно, даже если удочерение и было тайным, то справки навести все равно можно будет». Саньюн уже настроился заканчивать разговор, как послышался голос медсестры:

– Хейн! Точно, ее звали Чхве Хейн!

Саньюн ехал в управление, и по дороге из головы у него все не выходило имя Чхве Хеын. Где-то он его уже встречал, но где – вспомнить никак не мог.

В кабинете, кроме Чонмана, никого не было: поскольку Рохи уже нашлась, то группе розыска несовершеннолетних в оперативном штабе больше особо делать было нечего. Как им быть дальше, решения тоже пока не приняли. Стоило Саньюну зайти в дверь, как к нему тут же подскочил Чонман.

– Где вы ходите? И трубку не берете... Начштаба вас уже обыскался!

– Что?

Саньюн с видом «смотри-ка, и правда» вытащил телефон и на глазах у Чонмана переключил режим вибрации на режим «со звуком». Он боялся, что во время разговора с Мин Вонсук звонки будут им мешать, поэтому переключил мобильный в беззвучный режим, да так и оставил. Теперь Чонман смотрел недовольным взглядом: ему приходилось отдуваться за напарника, и весь гнев шефа обрушился на него, хотя он-то тут каким боком – на звонки же Саньюн не отвечал...

– Что думаете по Пак Чхольвону? Врет он насчет того, что не убивал Со Чжинью? Или и впрямь не он?

– Даже не знаю. Слишком много странностей в этом деле. Нельзя заканчивать следствие, прежде чем во всем не разберемся.

– Хм, и что, начштаба тоже так считает? – Чонман недоверчиво покачал головой.

Саньюну оставалось лишь горько усмехнуться.

– Принеси-ка мне все материалы по делу.

Саньюн хотел от начала и до конца прояснить все вопросы, которые не давали ему покоя. И прежде всего – с сейфом: было в нем что-то или не было в момент убийства профессора? Если его предположение верно и Чхве Чжинтхэ сам перепрятал документы, то тогда сейф должен был быть пуст и Чхольвон видеть их там не мог.

Тем не менее техник сказал, что видел там кипу бумаг. Что-то тут не сходится... Надо выяснить, о чем говорят эти нестыковочки.

Стол загромождали материалы дела, собранные от формирования оперативного штаба и до сегодняшнего дня: приобщенные к делу материалы, их собственные ежедневные отчеты, отчеты судмедэкспертов, фотографии с места преступления, рапорты группы поиска несовершеннолетних и группы «убойщиков» из отдела тяжких преступлений против личности нависали над ним горой. Саньюн плотнее уселся в кресло и начал тщательно проверять всё с самого начала.

Лишь спустя три часа он оторвал голову от бумаг – было уже 10 вечера. В кабинете оставался один оперативник, который не пошел домой и спал прямо в кабинете на диване. Ни Чонмана, ни начальства видно не было. Инспектор протер усталые глаза и почти механически перевернул очередной лист. После чего уже не мог оторвать от него взгляд – это была распечатка операций по карте Со Чжинью. 21 августа в 19:00 ей доставили куриный суп из ресторана. Для определения приблизительного времени ее смерти этот факт стал определяющим, потому что ее тело разлагалось быстрее из-за специально поставленного на высокую температуру бойлера. Вот только съесть этот суп женщина не могла: по показаниям Пак Чхольвона, доставка пришла уже после того, как он обнаружил ее тело. Так как же тогда остатки супа оказались у нее в желудке?

Саньюн начал тщательно проверять все операции по ее карте, одну за другой. Транжирой Со Чжинью не была: поскольку она ни с кем особо не встречалась, то картой в основном расплачивалась либо в различных маркетах, либо когда заказывала что-то по интернету. Саньюн обратил внимание на платежи за 19-е число. В этот день с ее карты было списано 58 520 вон. Что же она покупала?

Инспектор достал телефон и набрал номер из сохраненных контактов.

– Ты что, бессовестный, к начальству совсем без почтения? Почему раньше меня с работы ушел?

– Да я со всем почтением вас предупредил, что домой иду, а вы, шеф, даже головы не подняли, – ответил проныра Чонман.

«Видимо, от этих документов у меня действительно ум за разум заходит, если даже не попрощался». Если подумать, то ничего особо

страшного не произошло: уже пошли четвертые сутки, как Чонман не ночевал дома, и теперь, когда после ареста Чхольвона дело понемногу сдвинулось с мертвой точки, ему можно было показаться семье.

– Ну и правильно сделал, что ушел.

– А чего сами домой не идете? Снова какие-то напряги возникли? – Чонману было немного неловко – ушел с работы раньше старшего товарища...

«Не переживай, сейчас ты искупишь свою вину – есть у меня для тебя одно поручение...»

– Оно даже хорошо, что так получилось. Знаешь, где у нас в Йонине «Ньюмарт»? По дороге заскочи туда и получи копию одного чека за девятнадцатое число. Номер карты сейчас скину. Если потребуют ордер или официальный запрос – сразу звони мне.

На том конце Чонман издал вздох, похожий на стон, но Саньюн лишь рассмеялся и повесил трубку. Смотреть остальные документы ему расхотелось. Такой уж был у него характер, привык все делать по порядку: если возникла какая-то зацепка, то пока с ней обстоятельно не разберется, не успокоится. Пусть даже она и не важна для дела, но если это лежит на душе грузом, то он не бросит расследование, пока все для него не станет ясным.

В дверь постучали. Саньюн поднял голову – в проеме стоял Сонхун. Одной рукой он опирался на косяк, другой продолжал стучать в открытую дверь. Саньюн расцвел в улыбке, Сонхун тоже усмехнулся и зашел внутрь. Они радостно пожали друг другу руки: это была их первая встреча с тех пор, как инспектор передал профессору материалы исследований Чхве Чжинтхэ.

– А чего ты меня больше звонками не достаешь? Неужто разлюбил?

Обычно если Сонхун хоть немного задерживался с его просьбой, то Саньюн постоянно его торопил и подгонял, но в этом деле события постоянно принимали такой непредсказуемый оборот, что просто голова шла кругом и было не до звонков.

Дело начиналось как похищение, но если б Сонхун только знал, что приключилось и с похитителем, и с его жертвой, вот бы его это удивило! Или, точнее, рассмешило.

– Да занят был сильно. Смотрю, ты с подарком... – Саньюн скосил глаза на пакет, который принес профессор. По толщине и

объему – точно как материалы Чхве Чжинтхэ, которые он ему передавал.

– Не уверен, такой ли уж это подарок, но пришел как раз из-за него. Есть время поговорить?

– Само собой! Даже если б и не было, для тебя нашел бы.

Они прошли в комнату отдыха. Инспектор достал из автомата горячий кофе и протянул приятелю. При этом то и дело поглядывал на пакет – хотелось побыстрее узнать, в чем тут дело. Как только они уселись с кофе друг напротив друга, шуточный тон у Сонхуна сразу пропал, и говорить он стал очень серьезно.

– Эти материалы нельзя ни у себя хранить, ни вообще оставлять – про них вообще никто не должен узнать.

От этих слов у инспектора почему-то бешено заколотилось сердце.

– Да что же в них такое, можешь объяснить? Только не очень сложно, простыми словами...

Сонхун опустил взгляд, потом сжал рот, глубоко вздохнул и скуповато выдал из себя:

– Если простыми, то это проект по созданию вундеркиндов с помощью генной инженерии.

Саньюн на некоторое время впал в прострацию – словно робот, у которого сели батарейки, просто оцепенел и лишь пучил глаза, не в силах пошевелиться. В этом состоянии он таращился на Сонхуна несколько секунд. Тот понимал, что в ступор инспектор впал не без оснований. По мере того, как Саньюн приходил в себя, у него в памяти начали проплывать образы людей из списка инвесторов: «Основатель фармацевтической компании Пак Кисун... Профессор университета Ма Сокчин... Бизнесмен Ким Сокнам... Управляющий строительной фирмой Пан Чонсоп... Заведующая ортопедической клиникой Мо Ынсон... У всех них были дети или внуки до трех лет...»

– Но это же незаконно.

– Естественно. И технологии с использованием генной инженерии, и эксперименты на людях.

Сонхун вынул документы и постарался объяснить их содержание максимально доступным языком. Во время рассказа он то и дело поглядывал на Саньюна, проверяя, все ли ему понятно. Суть была такова: по мере развития головного мозга в нем возникают бороздки и

отделяется лобная доля, отвечающая за высокий интеллект. Начинается эта фаза еще у плода в утробе матери и заканчивается в 3 года. Сам мозг состоит из нервных клеток-нейронов и синапсов, обеспечивающих связь нейронов между собой. Можно сказать, что синапс – это такая дорожка или тропинка, соединяющая одну клетку с другой. По образовавшейся системе идет передача нервных импульсов, и в результате мозг получает информацию.

Саньюн кивал в знак того, что в общих чертах концепцию понимает, после чего Сонхун передал ему листок. Это была ксерокопия статьи из старого научного журнала. Статья была полностью на английском, и инспектор не очень понял, о чем там идет речь.

– Уже давно ученых интересовал вопрос, есть ли какая-либо связь между гениальностью Эйнштейна и структурой его мозга. После смерти его головной мозг был извлечен и исследован. Оказалось, что по сравнению с обычными людьми у него очень высока плотность нейронов.

– То есть он с рождения был гением?

– Исследование не утверждало, что именно этот фактор стал ключевым для гениальности Эйнштейна. Просто говорилось, что была у него такая особенность.

Следующий лист, теперь с картинкой. «Ну, теперь хоть что-то пойму», – подумал Саньюн.

– О, морской конек!

– Да. Знаешь, при чем тут он?

Инспектор покачал головой: «Даже притворяться не буду, что знаю».

– У нас в голове такой есть, называется гиппокамп^[28]. Он определяет, важна поступающая в мозг информация или нет. Но происходит это не само по себе, не потому, что мы этого просто хотим. Например, когда мы готовимся к экзамену, недостаточно просто сказать: «Мне это надо», – и все тут же запомнилось. Нет, нужную информацию нужно зубрить, зубрить и еще раз зубрить, прежде чем она останется в памяти.

– То есть сам по себе он бесполезный?

– Вовсе нет. Если в гиппокампе происходит сбой, то в мозг вообще ничего поступать не будет.

– И?..

– Так вот, если в гиппокамп вставить электрод и регулярно посылать стимулирующий импульс, то связи между нейронами укрепятся. А если еще вводить препараты, то сильно улучшится память. Это доказано экспериментами. На животных, разумеется.

Тут Саньюна пронзила зловещая догадка.

– Неужто он...

– Ага, именно. Эксперимент Чхве Чжинтхэ заключался в стимулировании гиппокампа и создании дополнительных нейронов. Но он на этом не остановился и пошел еще дальше: помимо ввода препаратов начал манипуляции с генами.

Так вот почему в начале беседы Сонхун упомянул об экспериментах на людях: именно этим и занимался Чхве Чжинтхэ. Поскольку его эксперимент удался, под это дело он получил деньги от пятерых людей. Они называли себя инвесторами, но на самом деле это была цена за то, что их детей превратят в гениев.

– И эксперимент провели на...

– Ну очевидно же, что подопытного профессор выбрал так, чтобы за ходом исследования можно было наблюдать в непосредственной близости.

Саньюн сразу вспомнил умные глаза Рохи и то, как четко она формулирует мысли.

30 августа 2019 года, пятница

В этот будний день в 2 часа дня перед палатой интенсивной терапии было тихо. Навещать пациентов здесь разрешалось лишь дважды в день: с 12:00 до 12:30 и с 17:30 до 18:00. Дневное посещение уже закончилось, и родственники больных разошлись по своим делам. До вечернего посещения было еще далеко, поэтому в комнате ожидания сейчас было лишь три человека: Мёнчжун, Рохи (оба в надвинутых на глаза кепках и медицинских масках), а также Чонман, который их сюда привез.

Мёнчжуну очень хотелось узнать о состоянии Хиэ, поэтому он упросил Санъюна разрешить ему навестить дочь. Детектив поручил Чонману связаться с больницей и договориться о посещении, но оказалось, что у Хиэ случился очередной приступ. К счастью, он быстро прошел и девочка снова пришла в сознание. Как им сообщили, на сроки операции это событие не повлияет и ее проведут по плану. Уступив мольбам Мёнчжуна и требованиям Рохи (больше похожим на угрозы), Санъюн разрешил им встретиться с Хиэ, но при условии, что их будет сопровождать Чонман.

Двери в палату интенсивной терапии были заблокированы. Мёнчжун, не отпуская руку Рохи, замер перед ними, а Чонман нажал на кнопку переговорного устройства.

– В чем дело?

– Полиция Йонина.

Дверь автоматически открылась, Чонман взглянул на Мёнчжуна: тот напряженно облизнул пересохшие губы. Рохи потянула его за руку, ободряюще кивнула – мол, «все будет нормально», – и только после этого мужчина зашел внутрь. Заметить Хиэ было нетрудно: ее маленькое тельце, опутанное шлангами насосов, лежало в самой глубине палаты. В какой-то момент у него задрожали колени, но он сдержался – лишь только крепче сжал руку Рохи. Чонман остался беседовать с медсестрой, а они медленно подошли к койке. Девочка услышала их шаги и повернулась к ним. Она была в кислородной

маске, лицо сильно похудело и осунулось, а в глазах стояли едва сдерживаемые слезы – казалось, чуть прикоснись, и они покатятся градом.

– Папа... – позвал приглушенный кислородной маской голос.

Мёнчжун тут же отпустил Рохи и взял руку дочери. Он не видел, как Рохи с несчастным видом посмотрела на свою пустую ладонь – его взгляд был прикован к Хиэ, больше он ничего не замечал.

– Папа, ты почему так долго не приходил?

– Прости папу, доченька, прости. Я сильно виноват перед тобой.

С того момента, как они узнали про ее болезнь, он дал себе слово, что дочь не увидит его слез, но тут сдержаться не мог. Как только представлял, как одиноко было Хиэ все это время, у него разрывалась душа.

– И мама тоже не приходила...

Мёнчжун с осторожностью, словно к величайшей ценности, прикоснулся к ее лицу – к влажному лбу прилипли волосы. Если б они навещали ее чаще, могли хотя бы пот ей утирать... Когда к другим родные готовы приходиться и дважды в день, лишь бы только пускали, то Хиэ, наверное, грусть и одиночество должны были прогрызть до костей.

– Мама не приходила, потому что нас любит. Очень сильно любит. – При воспоминаниях о Хейн у Мёнчжуна кольнуло сердце.

– Это как?

– Потом расскажу. Когда ты подрастешь и сможешь понять, я объясню все подробно. Твоя мама очень тебя любит и не приходит только потому, чтобы ты не заболела еще сильнее.

По лицу Хиэ было не очень заметно, что она его поняла, но девочка слабо ответила: «Ладно» – и уставилась в потолок. Потом, словно почувствовав чье-то присутствие, повернула голову и увидела Рохи. Та от неловкости замялась и посмотрела на Мёнчжуна.

– А, это Рохи; она чуть постарше, будет тебе за сестренку. Поздоровайтесь.

Хиэ покосилась на Рохи, та подошла поближе и с характерным циничным выражением лица начала разглядывать лежащую на кровати «младшую сестру». Увидела ее худое, заострившееся лицо, тонкие костлявые руки...

– Тебе бы вес поднабрать.

Хиэ широко раскрыла глаза, потом моргнула и с видом «разве так здороваются?» посмотрела на отца. Но Мёнчжун-то хорошо знал, что Рохи самой неудобно и ведет она себя так от смущения. Он с улыбкой взял ее руку, положил на руку дочери и почувствовал, как у Рохи дрогнули пальцы.

– Ты болеешь?

– Да.

– Умрешь?

Хиэ посмотрела на Мёнчжуна. Тот замотал головой:

– После операции поправишься.

– После операции поправлюсь, – эхом повторила за отцом Хиэ.

Рохи взглядом и кивком показала: «Понятно...»

– Сестренка, когда я выпишусь, давай с тобой дружить?

На слова широко улыбающейся Хиэ Рохи никак не отреагировала. Взгляд ее был по-прежнему опущен, вот только шея покраснела и в районе горла стало горячо. Ей было по-прежнему непривычно, что ее называют сестренкой. Не то чтобы ей это не нравилось, просто было странно. В любом случае мизинец Хиэ она держала крепко^[29]. Потом натужно выдавила из себя:

– Как скажешь...

– О, вы уже здесь? – послышался за их спинами голос лечащего врача, который вел Хиэ. Рядом с ним стоял Чонман. Похоже, они уже успели переговорить друг с другом.

– Ну, как она?

– Хиэ – молодец, держится хорошо. Если все пройдет успешно, то она точно поправится. Как я уже говорил вам раньше, прогноз на операцию при острых формах довольно благоприятный. Можете не волноваться, мы сделаем все возможное.

– Спасибо, большое спасибо... Очень вас прошу, постарайтесь, пожалуйста.

Мёнчжун обеими руками ухватил руку врача и несколько раз склонился в глубоком поклоне. Эта рука была для него теперь спасительным кругом, его божеством, за которое и жизнь отдать не жалко. Рохи молча наблюдала за этой сценой.

– Давайте понемногу закругляться с визитом, тем более что мы вас все-таки во внеурочное время пустили.

Если б родственники других пациентов увидели, что кому-то разрешили посещение не в отведенные для этого часы, они могли бы направить жалобу. Мёнчжун сразу отпустил руку врача, вытирая слезы, закивал и торопливо повернулся к дочке.

– Ну все, папе уже пора.

– Ты на операцию придешь?

Мёнчжун глянул на Чонмана. Тот, чуть помрачнев, отрицательно покачал головой. Мёнчжун облизнул горящие губы.

– Приду. Может, только чуть-чуть опоздаю, но все равно приду. Ты же не обидишься?

– Конечно, ничего страшного.

Хиэ чуть сдавила ему руку, потом отпустила. Мёнчжун вытер ей вспотевший лоб и легонько поцеловал.

– Сестренка, тебе тоже приятно.

Рохи ничего не сказала, просто с неизменным выражением лица смотрела на Хиэ. Но потом в ответ на ее недоуменный взгляд неуклюже подняла руку. Хиэ радостно улыбнулась.

* * *

Из больницы Чонман повез их обратно в отель. За всю дорогу Рохи не произнесла ни слова. Мёнчжун постоянно спрашивал ее: «Ты не устала?», «Ты не голодна?» – но она ему не отвечала, лишь молча мотала головой: «Нет». Лишь когда вдали показался отель, спросила:

– Когда я смогу вернуться домой?

Бум! У Мёнчжуна что-то оборвалось в груди – он совсем позабыл про это! А ведь она мало того что родителей потеряла, так еще и домой не пускают... И память к ней так до конца и не вернулась. А он даже не подумал, до чего жестоко будет у нее на глазах устраивать бурную сцену «любящий отец и ненаглядная дочь»... Чонман за рулем тоже почувствовал неловкость и посмотрел на них в зеркало заднего вида неуверенным взглядом.

– Дело уже почти раскрыто, скоро можно будет вернуться.

– «Почти», «уже скоро»... то есть ничего толком не решено. – В голосе Рохи слышалась горькая ирония.

Ответить на это полицейскому было нечего – он лишь крепче ухватился за руль и перевел взгляд на дорогу. Мёнчжун взял девочку за руку.

– Понятно, что домой хочется. Прости, не подумали об этом...

– Ладно, все равно там одной придется быть.

Рохи печально улыбнулась одним краешком рта. Мёнчжун собирался было сказать, что потом они с Хиэ будут приходить к ней в гости, но осекся. Далеко не факт, что ему дадут время для этого.

Машина свернула к отелю.

– Слушайте, мы же еще не обедали. Давайте сейчас поедим, чтоб потом туда-сюда два раза не ходить. Вон там сэндвич-бар есть. Вы как? – предложил Мёнчжун Чонману.

– Я – за. Рохи, а ты?

– Как хотите. Только сначала у отеля меня высадите, а то что-то мутит – в машине, наверное, укачало.

– Ладно.

– На меня тоже что-нибудь возьмите, а то мне еще нужно в отдел позвонить, отчитаться.

– Ничего страшного, я сам схожу. Что бы вы хотели?

– Без разницы, что-нибудь попроще.

Чонман достал из кармана две купюры по 10 000 вон и протянул Мёнчжуну. У того денег не было, так что ему пришлось их сконфуженно взять.

– Рохи, а тебе?

Девочка задумалась.

– Мне сэндвич с индейкой и беконом. Индейки только два ломтика, хлеб – с пармезаном и орегано, халапеньо не надо, соус – медовая горчица, на запитие – апельсиновый сок.

Мёнчжун старательно кивал, но по его закатившимся глазам было видно, что он мало что понял и сейчас пытается выучить это заклинание наизусть.

– Сэндвич, индейка, бекон два ломтика, хлеб перемазан органами...

– Да что ж ты!.. – Рохи крепко двинула его по ноге.

– Уй-ё! – Мёнчжун, нахмурившись, потирал ушибленное место. Чонман успокаивающе положил руку ему на плечо:

– Берите на свое усмотрение; что купите, то и съедим. Или сотрудников спросите, они вам сами что-нибудь подскажут.

На слова полицейского Рохи лишь подняла бровь, но почему-то промолчала. Мёнчжун понял ее настрой, поэтому просто сказал, что скоро вернется, и пошел через дорогу. Чонман с улыбкой спросил Рохи:

– Ты же специально его достаешь, да?

– Вас это не касается. Отзванивайтесь своим и заканчивайте «почти раскрытое» дело, чтобы я «уже скоро» домой вернуться могла. – И, фыркнув, Рохи пошла в отель.

Глядя ей в спину, Чонман только качал головой. Когда девочка исчезла из вида, он достал мобильный, выбрал контакт из списка и нажал на вызов. На том конце трубки послышался голос Саньюна:

– Ну что там у вас? Как все прошло?

– Без особых проблем. Сейчас привез их обратно. А, и еще: вы сказали проверить счета Пак Чхольвона. Я созвонился с банком: оказывается, что снятая им со счета сумма совпадает с суммой платы за лечение Хиэ. И по времени тоже все сходится.

* * *

И все-таки: где же он видел это имя – Чхве Хеын? В голове что-то вертелось, но он никак не мог ухватить мысль: та то мелькала, то пропадала. Наконец это стало ему надоедать: как ни напрягай память, выжать из нее ничего не получалось. Саньюн собрал документы, отодвинул их на край стола. Изначально он хотел просмотреть все материалы дела, но постепенно накопилась усталость. «Ладно, на сегодня хватит, можно и домой, а завтра продолжим». Начальство теперь наверняка захочет пресс-конференцию устроить: а что, Пак Чхольвона арестовали – дело об убийстве можно закрывать. Хотя инспектор лично и был против – не давали покоя все нестыковки, – но шеф-то завтра явно начнет распространяться, что расследование закончено.

Саньюн уже вставал из-за стола, когда заметил, что из пачки еще не просмотренных документов выглядывает один лист. Он не был таким уж завзятым аккуратистом, который пока все по линейке не

выровняет – не успокоится, но этот листик приковал его взор. Детектив аккуратно вытащил бумажку из стопки. «Что тут у нас? Ага, справка о семейном положении Ким Мёнчжуна...» И тут от головы вдоль всего позвоночника словно пробежал электрический ток, а тело покрылось гусиной кожей: имя бывшей жены Ким Мёнчжуна было Со Хеын! Он посчитал ее возраст – примерно сходится. И жили они оба в одном приюте. Так что если Со Хеын была удочерена Чхве Доноком, то понятно, что остальные знали ее под фамилией Чхве. После того как от нее отказались, она либо вернула себе исходную фамилию, либо же ее удочерили второй раз и снова дали другую фамилию. Если так, тогда все сходится.

Поэтому, когда Мёнчжун обратился к нему с просьбой навестить дочь в больнице, Саньюн поручил Чонману сопровождать их, а заодно выяснить, кто же оплатил больничные расходы и операцию для Хиэ. Если, как говорил Мёнчжун, Хеын вообще не знала об этом, тогда остается только Пак Чхольвон. И его мотивы понятны: 30 лет назад он разрушил жизнь Со Хеын и теперь все делал ради нее, пытаясь искупить вину. Как там сказал Чонман? «Снятая им со счета сумма совпадает с суммой платы за лечение Хиэ... по времени тоже все сходится». Саньюн ждал этого звонка и сразу после него тут же прыгнул в машину. Взревел мотор, и инспектор понесся в полицейское управление Йонина.

* * *

Найти адрес Хеын было нетрудно. Вот только застанет ли он ее дома? К счастью, когда инспектор позвонил в дверь, в квартире откликнулись:

– Кто там?

Он слышал, что женщина молода и живет одна. Голос за дверью тоже был молодой.

– Я из полиции, прошу открыть, – максимально понизив голос, сказал Саньюн.

Некоторое время за дверью было тихо, потом послышался скрежет открываемого замка. Волосы Хеын были забраны назад в аккуратный пучок, на лице не было и следа косметики. «Хм, раз она в

этот час дома, стало быть, нигде не работает. На что же она тогда живет?» С такими мыслями инспектор зашел в квартиру.

Они сели друг напротив друга. Санъюн пристально смотрел на хозяйку: хоть он и знал, что у нее СПИД, но внешне это заметно не было. Хейн подала полицейскому бумажный стаканчик с зеленым чаем.

– Вы же догадываетесь, зачем я к вам пришел?

– Да. По поводу похищения Рохи.

– Знакомы ли вы с господином Пак Чхольвоном?

Хейн вскинула голову, будто ей за шиворот холодной водой брызнули.

– Это же он вам сказал, что видеорекамеры в доме у профессора Чхве убраны?

Некоторое время она помолчала, потом издала тихий вздох и с видом, что больше не хочет ничего скрывать, кивнула.

– Я готова взять на себя любую ответственность.

– Он арестован по обвинению в убийстве.

– Что?! Этого не может...

– Его подозревают в убийстве и Чхве Чжинтхэ, и еще одного сотрудника клиники.

– Да как же...

Хейн выглядела совершенно потрясенной: известие об убийстве профессора казалось ей невероятным, но смерть еще одного человека была для нее еще более ошеломляющей.

– Я бы хотел услышать все, что вы знаете про господина Пак Чхольвона.

Она задумалась, выпила стакан воды, словно хотела затушить жжение в горле, после чего посмотрела в окно. Похоже, ей не очень хотелось ворошить прошлое и вспоминать о том времени. Рассказ ее был про то, о чем Санъюн по большей части и сам догадывался: ее удочерили, а потом из-за Пак Чхольвона она была инфицирована СПИДом.

– Поэтому от вас и отказались?

– Нет. В то время Чхве Донок практиковал лечение СПИДа путем использования «генетических ножниц»^[30]. Но когда выяснилось, что метод, разработке которого он посвятил свою жизнь, на девочках не работает, он тут же от меня отказался. С Пак Чхольвоном они без

лишнего шума договорились – тот все-таки человека СПИДом заразил... И практически сразу после этого Чхве Донок взял из приюта другого ребенка, на сей раз мальчика. Но городок-то у нас был небольшой, слухи разлетелись бы мгновенно... Думаю, поэтому он так стремительно свою клинику и закрыл.

«Генетические ножницы»... От этих слов у Санъюна по спине пробежал холодок. Получается, что Чхве Чжинтхэ, которого тоже усыновили, решил продолжить эксперименты своего приемного отца и манипулировал с генной инженерией, проводя незаконные опыты на детях и искусственно выращивая из них гениев? С той лишь разницей, что он-то для Чхве Донока был приемный, а Рохи – его собственная дочь... Получается, через родную кровь переступил? Причина его ссор с женой теперь тоже была понятна: из-за экспериментов в домашней лаборатории. Собственно, как и предполагал Чжондо.

– Ну вот, а когда я училась в средней школе, Пак Чхольвон меня разыскал. Он чувствовал вину, что из-за него моя жизнь была разрушена. Я вообще не хотела его видеть, но... но поскольку мне тогда приходилось нелегко, я приняла его помощь. Потом вышла замуж, родила дочь. Думала – всё, на этом злоключения закончились. Но тут вернулся СПИД. А считалось ведь, что генетические ножницы его вырежут. СПИД обычно развивается через десять лет. Когда они прошли, я думала, что вылечилась. А тут больше двадцати лет прошло – и рецидив... Я так думаю, это мой приемный отец Чхве Донок что-то с операцией напутал. Но у него уже не спросишь – умер. Ко всему прочему еще и Хиэ заболела... И тут мне случайно стало известно, что, оказывается, эксперименты по изменению ДНК у людей и не прекращались. Я разозлилась, но одновременно и подумала: «Вот он, мой шанс». На девочках эта методика не работает, я это еще в детстве на своем опыте совершенно точно узнала. Получается, наш профессор занимается мошенничеством. Понятно, что если б спонсоры про это узнали, то разразился бы скандал. Я признаю, что под этим предлогом хотела вымогать у него деньги. Поэтому Пак Чхольвон, который отвечал за камеры в клинике Хегван, и попросил отдать ему на обслуживание еще и профессорский дом. Но про убийство я ничего не знала, это правда.

Закончив говорить, Хеын глубоко вздохнула.

– Зачем нужно было похищать ребенка? – спросил Санъюн.

– Если б я просто его шантажировала, то Чхве Чжинтхэ мог бы спрятать все улики, а потом заявить на меня в полицию. А девочка была главным свидетельством, без нее он уже никуда не делся бы... Пойдите, а что же с Чхольвоном? Где он сейчас?

– В тюрьме.

Хеын закусила губу – похоже, сильно переживала за своего знакомого.

Саньюн оглядел дом – очень небольшой и чистый. «Уж не стараниями ли Чхольвона он ей достался?» Осматривая обстановку в квартире, инспектор встретился глазами с Хеын и отвел взгляд.

– Где вы были двадцать первого августа?

Хеын посмотрела Саньюну прямо в глаза. Она поняла, что это проверка ее алиби. А Саньюн в свою очередь понял, что нет нужды говорить банальные фразы о том, что это просто стандартная процедура и что они у всех про это спрашивают. Женщина, опустив глаза, тихо сказала:

– Я была в больнице. Проходила ВИЧ-терапию.

31 августа 2019 года, суббота

– Вот, вы просили. – Чонман протянул Санъюну чек из магазина.

Инспектор только приехал из дома и, видимо, не сразу включился в работу: он смотрел на чек, словно не понимая, к чему это и зачем. По пути в управление его не отпускали мысли о другой женщине – Со Хейн, и ее непростом детстве, которому можно было лишь посочувствовать. Как сдержанно и спокойно она сказала, что готова понести любую ответственность! Но теперь, пусть и с запозданием, он вспомнил, что вчера просил напарника выяснить, что покупала Со Чжинью в супермаркете 19 августа.

– А, да. Спасибо.

Санъюн внимательно начал рассматривать чек, проверяя позицию за позицией, и в какой-то момент его глаза заблестели. «Морковь, курица, картофель, лук... да это же ингредиенты для куриного супа!» Итак, 19-го числа Со Чжинью покупает продукты, чтобы готовить самой, а 21-го заказывает то же самое блюдо в ресторане? Как-то сомнительно... Санъюн снова начал перерывать документы, нашел название и адрес заведения, из которого пришла доставка, после чего схватил куртку и выбежал из кабинета.

Ресторанчик, в котором заказывали куриный суп, находился примерно в двадцати минутах езды от дома Чхве Чжинтхэ – там таких был целый ряд. В первой половине дня заведение, судя по всему, не работало – когда инспектор зашел внутрь, в зале никого не было, лишь с кухни донеслось неприветливо: «Мы закрыты».

– Мне нужно у вас кое-что узнать, – Санъюну пришлось слегка повысить голос.

Изнутри послышались хрусткие шаги, и к нему вышел здоровенный мужик в фартуке – видимо, владелец ресторана. Мужик стянул резиновые перчатки и с высоты своего роста посмотрел на инспектора сверху вниз:

– В чем дело?

Саньюн показал удостоверение, и недовольное выражение сползло с лица здоровяка. Полицейский огляделся: поскольку ресторан специализировался на торговле навынос, то зал был небольшим – всего на четыре столика.

– Скажите, вы сами занимаетесь доставкой?

– Нет, я же готовлю; если еще и еду развозить буду, ничего не успею. У нас для этого специальный курьер есть.

– Ага, а где он?

– Э-э-э... А вам зачем? – По взгляду хозяина было понятно, что он переживает, уж не натворил ли чего его работник.

– Конкретных деталей сообщить не могу, но никаких претензий у нас к нему нет. Мы просто хотели уточнить, куда он отвозил заказы двадцать первого августа.

– Ну, он пока не пришел. А насчет двадцать первого... – Мужчина положил перчатки на стол, обтер руки о фартук и подошел к кассовому аппарату с терминалом. Саньюн, заглядывая ему через плечо, тоже посмотрел на экран: в системе сохранялись все сделанные заказы. Они ввели запрос на 21 августа. Доставок было довольно много – видимо, ресторан пользовался популярностью.

– А телефона заказчиков у вас нет?

Саньюн назвал четыре последние цифры номера Со Чжинью: едва они их ввели, как на мониторе тут же выскочила нужная запись.

– Платили, похоже, через приложение.

Сейчас многие заказывали еду именно так – через приложения различных служб доставки. И поскольку непосредственно с клиентом по телефону никто не разговаривал, то проверить, кто в действительности был заказчиком – сама Со Чжинью или Чхве Чжинтхэ, – было невозможно.

Снаружи послышался шум мотороллера – двигатель заглушили прямо перед входом.

– О, явился наконец!

В ресторанчик зашел молодой парень и снял шлем. Саньюн сразу же подошел к нему и опять показал удостоверение. Поначалу курьер испугался, но потом, поняв, чего именно от него хочет полицейский, вспомнил о нужном заказе – даже кулаком по ладони от энтузиазма прихлопнул.

– А, точно, ездил к тем богатыньким!

- Вы помните, кто забирал еду?
- Ну... мужчина... вроде высокий такой...
- «Хм, такого описания явно недостаточно...»
- Вы сможете опознать его лицо?

Саньюн достал из кармана сложенный пополам конверт, внутри которого были пять фотографий: одна – Пак Чхольвона, другая – Чхве Чжинтхэ, остальные – просто случайные уголовники, никакого отношения к делу не имеющие.

Парень склонился над фотографиями и начал их внимательно рассматривать, одну за другой.

– Когда люди еду через приложение заказывают, то обычно сразу и оплата идет. Мне нужно только доставку привезти, и всё. Со мной они не рассчитываются, так что в их лица вглядываться мне особого резона нет...

Курьер взял фотографию профессора. Саньюн напрягся, наблюдая, изменится ли у парня выражение лица. Однако тот безразлично отложил это фото и начал просматривать остальные. Последним ему попалось изображение Пак Чхольвона.

– Ну... вот этот вроде...

Саньюн вытянулся в струну.

– Точно он? Вы уверены?

– Ну... почти... Похож, да. Он же в кепке был, так что лица я не разглядел. А вот шрам на шее у него был, это точно.

Парень ткнул пальцем в фотографию Пак Чхольвона, у которого на шее действительно имелся шрам, внешне напоминавший татуировку. Кроме того, не так много народа разгуливает по дому в кепке, чтобы прямо в ней выйти к доставщику. В общем, понятно, что это был Пак Чхольвон, и причина проста – кроме него, некому. Выходит, не соврал он в своих показаниях: после работы поехал к Чхве Чжинтхэ, за час там управился, а потом успел на встречу со школьным приятелем.

– Ну что, помог я вам? – с любопытством спросил курьер, заметив, как Саньюн посветлел лицом.

Тот с довольной улыбкой ответил:

– А то! Теперь и я могу со спокойной душой возвращаться домой.

1 сентября 2019 года, воскресенье

Все члены объединенного оперативного штаба были в сборе. Начальник штаба, видя, что Саньюна переполняет уверенность, сделал вывод, что если даже такой дотошный детектив не испытывает никаких сомнений, то результаты расследования могут считаться более чем удовлетворительными. Луч проектора разрезал темноту комнаты для совещаний. На экране появились фотографии из дома Чхве Чжинтхэ, сделанные оперативной бригадой сразу по прибытии на место преступления: тут было и тело погибшего ужасной смертью профессора, и высывающиеся из-под занавески ноги его убитой жены. Саньюн, делавший доклад, был уверен, что полиции теперь оставалось только одно – передать все материалы дела в прокуратуру.

– Давайте начнем с супруги профессора. Ее убил... – Саньюн перевел дыхание, а потом с нажимом продолжил: – Сам Чхве Чжинтхэ.

По комнате пронесся легкий шум. Инспектор нажал на презентер и переключился на следующий слайд. На экране появилось официальное заключение Национальной службы судмедэкспертиз с результатами вскрытия Со Чжинью.

– По остаткам пищи, обнаруженным у нее в желудке, мы предположили, что женщина была убита двадцать первого августа. Потому что именно в этот день ей по доставке привезли куриный суп из ресторана. Однако... – Щелчок – и фото официального заключения сменилось чеком из супермаркета. – Мы выяснили, что еще девятнадцатого числа Со Чжинью покупала в магазине продукты, необходимые для приготовления точно такого же куриного супа.

– Получается, девятнадцатого она его приготовила, потом съела, а потом была убита мужем? Но зачем он это сделал? – спросил начштаба.

Обычно вопросы было принято задавать после доклада, но поскольку тут действительно требовались пояснения, Саньюн решил прерваться и ответить начальнику:

– У профессора был серьезный конфликт с супругой. Это подтверждается показаниями сразу нескольких сотрудников его клиники. И причиной этого конфликта было то, что Чхве Чжинтхэ втайне занимался одним научным исследованием...

Детектив кратко рассказал о том, что профессор проводил опыты на людях, и объектом его экспериментов по созданию из детей вундеркиндов стала его собственная дочь. Под этот проект Чхве Чжинтхэ получил солидные инвестиции от пятерых человек. В зале слышались ахи и охи; начальник оперативного штаба повертел шеей, словно прогоняя очередную головную боль.

– Да уж, интеллигенция... И что потом?

– А потом профессор осуществляет свой план убийства: девятнадцатого числа после ужина он дает жене снотворное и повышает температуру в комнате. Если исходить из результатов вскрытия, то весьма велика вероятность того, что Со Чжинью на самом деле была убита двадцатого числа.

– И с чего бы ему так заморачиваться?

– Чтобы мы не смогли определить точную дату смерти. Вы помните, что на двадцать первое августа у него была запланирована поездка на Филиппины. Так что к моменту обнаружения тела своей супруги у него было бы безупречное алиби.

– Это каким же образом?

– Двадцать первого Чхве Чжинтхэ заказал доставку точно такого же куриного супа, который девятнадцатого ела его жена. Заказ он делал с ее телефона, оплачивал тоже ее карточкой. Дальше, он возвращается из-за границы и «неожиданно» обнаруживает труп жены. Из-за сильного разложения установить точную дату и время ее смерти было бы проблематично. В этом случае он сказал бы, что двадцать первого они вместе ели этот суп, и мы считали бы, что смерть наступила уже после этого, то есть когда он был на Филиппинах. Возможно, он захотел бы представить это как самоубийство или смерть в результате несчастного случая... Не знаю, сейчас этого уже не выяснить.

Из темноты снова слышались восклицания, похожие на стоны. До чего же изобретательным может быть человек, замысливший убийство, – додумается до такого, что нормальным людям и в голову не придет! Еще бы, он же под это дело 5 миллиардов вон получил, а ему тут жена под руку лезет, мешает... Понятно, что в такой ситуации деваться некуда: вопрос надо решать и все препятствия на пути устранять. Из простой ненависти профессор свою жену убивать не стал бы – не такой это был человек. А вот когда его жизнь стоит на

кону – то вполне. И тогда у жертвы даже шанса просчитать его ходы и хоть как-то защититься не останется.

– Однако тут профессору не везет: в их дом проникает техник Пак Чхольвон, который знал, что видеонаблюдения внутри нет, и хотел поживиться у них чем-нибудь ценным. Вместо денег техник обнаруживает тело убитой Со Чжинью. Между ним и Чхве Чжинтхэ разворачивается отчаянная драка, в ходе которой Чхольвон хватается висевший на стене меч и закалывает профессора. Он в панике, поскольку не знает, что дальше делать и куда идти, – и в этот момент привозят заказанную Чхве Чжинтхэ еду.

Саньюн взял со стола документ и показал всем присутствующим:

– Это показания курьера из «куриного» ресторана, он смог опознать Пак Чхольвона. Хотя получатель заказа был в надвинутой на глаза кепке и его лица доставщик разглядеть не смог, но зато он заметил похожий на татуировку шрам у него на шее. Такой шрам у Пак Чхольвона действительно есть. Таким образом, дополнительно подтверждается его собственное признание в убийстве.

В комнате повисла тишина. Взгляды полицейских, уже несколько суток работавших день и ночь, устремились на начальника. Некоторое время тот сидел молча, словно переваривая услышанное от Саньюна. Но потом кивнул, улыбнулся и сказал:

– Молодцы!

Кабинет тут же наполнился веселыми возгласами. Понятно, все радовались, что наконец-то можно после работы нормально возвращаться домой, но, пожалуй, еще больше воодушевляло то, что все-таки удалось раскрыть сложное преступление.

– Инспектор Пак Саньюн отлично представил материалы дела; теперь их можно передавать в прокуратуру, пусть готовят обвинительный акт на Пак Чхольвона.

Что же касается убийства Со Чжинью, то поскольку ее убийца Чхве Чжинтхэ сам тоже был мертв, то уголовное преследование против него было невозможно – на этом основании дело можно было закрывать без передачи в суд. Саньюн тихо выдохнул – его доклад был закончен.

И в этот момент кто-то поднял руку.

– А с похитителем как поступим?

Спрашивающим был Мун Чжухёк. Саньюн помрачнел: неизбежного избежать не удалось.

* * *

Мун Чжухёк, Пак Саньюн и начальник уголовного розыска, возглавлявший оперативный штаб расследования, сидели в кабинете у главы городского управления полиции Йонина. Выслушав их доклад, шеф полиции принялся потирать лоб. Перед ним на столе стоял открытый ноутбук, в котором крутилось видео из больницы, куда Мёнчжун привез Рохи с приступом аллергии. Запись четко показывала, что, когда они убегали от полиции, не похититель утаскивал свою жертву, а наоборот – девочка тянула за собой взрослого мужика.

– Да, конечно, Мёнчжун совершил похищение Чхве Рохи. Но после этого он заботился о ней, сопровождал и оберегал. И оставалась она с ним по своей воле. Кроме того, как мы уже докладывали: у него есть больной ребенок, а бывшая жена борется со СПИДом. Так, может, как-то помягче с ним?

На предложение Саньюна шеф издал задумчивое: «Хм-м...»

– А ты что думаешь? – спросил он Чжухёка.

Отделу розыска несовершеннолетних пришлось облазить весь город вдоль и поперек, чуть ли не носом землю рыть в поисках пропавшей профессорской дочки. Столько людей привлекли, столько сил и времени потратили... И все из-за Мёнчжуна.

– Вне зависимости от того, как он обращался с похищенной и чем закончилась вся эта затея, все-таки изначальной целью Ким Мёнчжуна было похищение Чхве Рохи с последующей попыткой шантажа и получения выкупа от родителей. Также он совершил ДТП, в котором пострадал ребенок, и, вместо того чтобы отвезти девочку в больницу, где ей оказали бы необходимую медицинскую помощь, просто отвез ее к себе домой. До этого момента все совершенное Ким Мёнчжуном имело преступный умысел и не может расцениваться как простая случайность. Полагаю, что он должен понести наказание.

То, что говорил Мун Чжухёк, не было лишено смысла. В принципе, он был прав, и возразить Саньюну на это было нечего. Но внутри его все равно росла жалость к этому похитителю. За всю свою

службу полицейским он сталкивался с таким впервые. Когда инспектор вспоминал их шуточные перебранки друг с другом, как спокойно и свободно Рохи брала своего «киднеппера» за руку, куда бы они ни шли, то ему все больше казалось, что наказывать Мёнчжуна будет несправедливо.

В этот момент послышался стук, и дверь в кабинет распахнулась настежь.

– Э-э-э... Мне сказали, что инспектор Пак Саньюн здесь...

На пороге стоял Ким Мёнчжун; за руку он, как водится, держал Рохи. Мёнчжун согнулся в поклоне, всем видом давая понять, что очень смущен и одновременно признателен за то, что его допустили туда, где его, по идее, быть не должно. Рохи же, напротив, оглядывала смысленными глазами всех и каждого в кабинете.

Саньюн быстро поднялся и стал на пути у Мёнчжуна, не давая войти:

– Вам сюда нельзя.

– Инспектор Чхэ сказал, что у вас из-за меня проблемы...

«Вот же Чонман – все-таки проболтался...»

– Давайте выйдем и погово...

– Пусть заходят! – послышался за их спинами голос шефа полиции.

Саньюн в тревоге замялся: ничего хорошего от этого приглашения он не ждал, но деваться было некуда, и он усадил непрошенных гостей на диван. Мёнчжун шел по кабинету с виноватым видом, как и полагается преступнику, – даже усевшись, он не разгибал спины и не поднимал головы. Рохи же вольготно устроилась рядом с ним, закинув ногу на ногу. Мёнчжун ее, правда, тут же одернул и поставил ноги «по-правильному», потом посмотрел на Саньюна. Он выглядел немного уставшим, но вроде как уже успокоившимся.

– Хочу поблагодарить всех сотрудников. Вы за меня не переживайте. Господин начальник, я готов понести любое наказание: что заслужил, то и получу. – Мёнчжун низко поклонился шефу полиции. А потом, словно спохватившись, продолжил: – Вот только моя бывшая жена... Она тоже хотела прийти вместе со мной... Вы же знаете, она серьезно больна, и мне было не очень удобно везти ее сюда, но она сказала, что готова разделить со мной любую ответственность.

Начальник полиции безмолвно разглядывал Мёнчжуна. И выражение его лица было мягким. Дрогнул даже Чжухёк, требовавший для похитителя заслуженного наказания. В кабинете стало очень тихо. Глава управления опустил взгляд, словно обдумывая что-то, потом улыбнулся и кивнул дерзкой девчонке, у которой в таком юном возрасте хватило смелости спокойно прийти к самому главному полицейскому в городе и раскованно рассесться у него на диване, закинув ногу на ногу.

– Ну а ты что думаешь? Ты же и есть та самая Чхве Рохи, если не ошибаюсь?

Саньюн посмотрел на девочку, а Мёнчжун, наоборот, еще сильнее втянул голову в плечи. Та некоторое время молчала, словно собираясь духом, а потом посмотрела умным взглядом прямо в глаза шефу полиции и произнесла:

– Если б я просто осталась в доме и этот человек меня не увез, что бы со мной стало? Меня убили бы, да?

В кабинете снова воцарилась тишина, но уже несколько другого свойства: теперь причиной молчания стал не киднеппер с мягким сердцем, а не по годам серьезный и на удивление строго мыслящий ребенок. Шеф посмотрел сначала на Чжухёка, потом на Саньюна: первый не выдержал и опустил голову, второй не отвел глаза – его взгляд был наполнен внутренней силой.

Глядя на смышленную девочку и понуро стоявшего возле нее мужчину, хозяин кабинета сказал:

– Прошу вас обоих пока подождать в коридоре.

– У вас из-за меня точно проблем не будет?

Выйдя в коридор, Мёнчжун резко затормозил и обернулся на дверь, будто что-то забыл в кабинете.

– Я не пойму, сейчас кто о ком переживать должен? – Горячее дыхание вырывалось из слегка надутых губ Саньюна.

Мёнчжун ничего на это не сказал, лишь хихикнул, почесывая затылок вместо ответа. По нему вердикт был таким: его все-таки посадят в тюрьму. Что, в общем, было естественно и ожидаемо, ведь только суд может учесть какие-то смягчающие обстоятельства, сопутствующие делу. А у полиции таких полномочий нет, тем более если речь идет о таком серьезном преступлении, как похищение ребенка, – такое оставить без внимания просто нельзя. Когда Мёнчжуну сообщили об этом решении, он воспринял его как нечто само собой разумеющееся и лишь согласно кивал. Вот только когда на него уже собрались надевать наручники, он неожиданно сказал:

– У меня будет одна просьба.

Его голос был таким умоляющим, что, казалось, он вот-вот бухнется на колени. При этом все так же крепко держал Рохи за руку. Саньюн подумал, что повстречайся они при других обстоятельствах, то он искренне и без всяких оговорок назвал бы Мёнчжуна очень достойным человеком.

Инспектор посадил их в свою машину и завел двигатель. Хорошо было, наконец, оказаться на солнечной улице. Они подъехали к профессорскому дому. Сначала из машины вышел Мёнчжун, чтобы подать Рохи руку. Снова держась друг за друга, они оглянулись на Саньюна. Тот как раз открывал багажник. Вынув оттуда прямоугольную коробку, инспектор подошел к девочке и присел пониже, чтобы ей не задирать голову, глядя ему в глаза:

– Ты точно решила вернуться сюда?

– Не знаю, поможет мне домашняя обстановка восстановить память или нет, но я хочу попробовать. Да, и как вы обещали: узнайте, пожалуйста, есть ли у меня прямые родственники, которые могли бы оформить надо мной опеку. Я сама пока никого не могу

вспомнить... Хотя нет, не надо узнавать – слишком много желающих набегит. Как узнают, что я нашлась, – все будут в попечители набиваться. Я думаю, память постепенно вернется и я обязательно сама кого-нибудь вспомню.

Ее холодные рассуждения, не лишённые, впрочем, горечи, врезались Саньюну в душу. Что ж, теперь этой девчонке – по сути, совсем еще ребенку – придется напрямую столкнуться с суровой правдой жизни. Инспектор мягко взял ее руки в свои. Опустив взгляд на ее маленькие ладошки, он, с трудом подбирая слова, наконец тяжело выдавил из себя:

– Так или иначе, но ты все равно про это узнаешь, поэтому, думаю, лучше это тебе скажу я, и прямо сейчас.

Рохи посмотрела инспектору прямо в глаза:

– Говорите смело все, что считаете нужным.

– Тот, кого мы арестовали... он убил твоего...

Детектив знал, что сказать это придется, но как это сделать, чтобы не нанести ребенку травму? Начав говорить, он понял, что это будет непросто: слова застревали во рту, в голове, в сердце, через силу пробиваясь сквозь преграды наружу. Рохи освободила его от этих мучений, холодноватым тоном уточнив:

– Он только отца убил? А мать – кто-то другой?

Саньюн поразился даже не столько ее бесстрастным интонациям, сколько тому, что ей известно про этот факт.

– Не удивляйтесь. Это я в кабинете у вашего начальника на столе фотографии увидела. На них было изображено место преступления.

Инспектору оставалось лишь хлопать глазами: она поняла это, лишь мимоходом взглянув на фото, – так, что ли?

– Просто оно само сразу в глаза бросалось. Папу...

Хоть память о родителях вернулась к ней не до конца, но это все-таки были близкие ей люди, и речь шла не про что-нибудь, а про их смерть. Рохи запнулась, ее ресницы дрогнули. Она сглотнула ком в горле, но потом продолжила:

– Папу закололи мечом и оставили лежать прямо там, где он упал, то есть тело не прятали. Это не очень похоже на заранее спланированное убийство. А с мамой было не так: ее тело уже начало разлагаться, плюс оно было укрыто занавеской. Если до прихода убийцы дома были только трое – папа, мама и я, – то получается, что

спрятать труп мамы мог только папа. Выходит, он ее и убил, правильно?

У Саньюна на миг перехватило дыхание. Стоявший рядом с ним Мёнчжун ошеломленно раскрыл рот. Какой бы толковой и разумной она ни была, но ей же всего 11 лет! Однако ее манера речи и аналитические способности были настолько выдающимися, что просто не описать словами. И тут инспектор вспомнил разговор со своим приятелем Сонхуном:

«— Эти материалы нельзя ни у себя хранить, ни вообще оставлять... Проще говоря, это проект по созданию вундеркиндов с помощью генной инженерии... — Неужто он... — Ага, именно. Эксперимент Чхве Чжинтхэ заключался в стимулировании гиппокампа и создании дополнительных нейронов. Но он на этом не остановился и пошел еще дальше: помимо ввода препаратов начал манипуляции с генами... — И эксперимент этот провели на... — Ну очевидно же, что подопытного профессор выбрал так, чтобы за ходом исследования можно было наблюдать в непосредственной близости...»

Выходит, ее блестящий интеллект — это результат эксперимента? Саньюн покачал головой: может, лучше забыть о том, что он знает? Однако не вставая с корточек, инспектор подтолкнул к Рохи коробку. Она посмотрела на него с видом: «Это еще что такое?»

— Это результаты исследований твоего отца — мы нашли их у него в кабинете. Они содержат такие данные, про которые никто не должен знать. Поэтому я не могу передать их в прокуратуру. Но и уничтожить изъятые с места преступления улики мне, как полицейскому, тоже нельзя. Поэтому остается только вернуть их тебе. Думаю, ты сможешь разобраться, что это за материалы и что с ними делать.

С абсолютно безучастным лицом Рохи взяла у него коробку — та была довольно увесистой. Саньюн твердо решил, что вообще не будет упоминать про эти бумаги в отчете — просто напишет, что Чхве Чжинтхэ убил супругу из-за семейных разногласий в ходе бытового конфликта. А результаты его исследований должны будут просто исчезнуть с лица земли. С другой стороны — это все-таки наследство, оставшееся Рохи от отца...

— Что ж, тогда я...

— Да.

Мёнчжун и Саньюн молча кивнули друг другу. Мёнчжун чуть задержал взгляд на инспекторе, потом они с Рохи, не отпуская руки друг друга, вместе вошли в дом. Глядя им вслед, полицейский подумал: «Он ей будто и вправду отец». Ему вспомнилась просьба Мёнчжуна у них в управлении...

* * *

Они прошли через сад и остановились у входной двери. Задрвав голову, Мёнчжун смог рассмотреть этот дом уже при свете дня. На него нахлынули чувства – столько всего произошло за это время! Он был уверен, что ни за что на свете не сможет похитить Рохи, а тут вон как оно получилось: подъехал к дому, случайно сбил, увез с собой... А потом, когда увидел, как выносят тела ее убитых родителей, совсем потерял голову и бросился в бега. И после всего этого он узнал то, что скрывала от них Хеын. Ему было больно оттого, что сейчас он не мог до конца рассказать дочери, почему мама от них ушла, но, по крайней мере, можно было быть уверенным, что она ушла потому, что очень сильно их любит. Теперь Хеын бросать в беде нельзя: если он возьмет на себя всю вину, то они, конечно, уже не смогут жить той же семейной жизнью, что и раньше, но зато он хоть чем-то сможет ей помочь.

Мёнчжун почувствовал, как что-то шевельнулось у него в ладони. Он посмотрел на Рохи. Та, заметив его взгляд, спросила:

– Что?

– Тебя я тоже не брошу.

– Понятно, что не бросишь. С чего тебе меня бросать, я же только теперь по-настоящему разбогатела. И как ты теперь будешь со мной обращаться?

Рохи по-прежнему подкалывала Мёнчжуна, но интонации ее сейчас были очень нежными. А тот пошарил по карманам, выудил оттуда белый носовой платок, сложил его несколько раз и завязал ей глаза.

– Ты... ты что делаешь? То есть ты так со мной решил обращаться?

– Может, и так. Слушайся – и все будет хорошо.

Мёнчжун обнял девочку, поднял ее на руки и зашел в дом. К счастью, полицейские уже сняли все ленты, а кроме того, Санъюн предусмотрительно позаботился о том, чтобы двери были открыты, поэтому возиться с замком не пришлось. Однако запах в гостиной все еще оставался – Рохи его почувствовала и сильнее обхватила Мёнчжуна за плечи, а тот успокаивающе начал поглаживать ее по спине. Усадил девочку на диван в гостиной, а сам раскрыл все окна и двери, чтобы дом полностью проветрился.

– Придется немного подождать.

Звук его суетливых шагов заметался по дому. Казалось, что Мёнчжун что-то ищет, но не знает планировку комнат, поэтому ему приходится бестолково бегать туда-сюда. Видимо, он искал туалет – чуть погодя до нее донесся звук набираемой воды и выжимаемой тряпки. Потом – снова торопливые шаги, стук открывающихся-закрывающихся дверей и шорох тряпки по полу, сопровождающиеся мужским пыхтением и кряхтением.

После убийства полиция порядок в доме не наводит и уборкой не занимается. Эта забота выпадает на долю семьи убитых. В этом и заключалась его просьба к полицейским: ребенку на такое смотреть не стоит, поэтому он вызвался прибраться сам.

В раскрытые окна дул ветер, выдувая из комнат густой запах человеческой жадности и наполняя дом свежим воздухом.

– Толку мне было глаза завязывать, чудило! – Рохи посмеивалась над недогадливостью Мёнчжуна, который не сообразил просто оставить ее в саду. Тем не менее она все равно была благодарна ему за заботу.

Постепенно запах, доносившийся до ее ноздрей, ослабевал. Из дальней комнаты слышалось гудение пылесоса. От этого звука у Рохи почему-то стало спокойнее на душе, и она улеглась на уже успевший запылиться диван.

* * *

– Ты спала?

«Сколько же времени прошло?» Когда она открыла глаза, на нее смотрел Мёнчжун. Резиновых перчаток, которые он надел во время

уборки, на нем уже не было. Платок с ее глаз сполз, и теперь Рохи с любопытством оглядывала свой дом, будто была в нем впервые. Теперь здесь было так чисто, что впору задуматься: «Мне так никогда не прибраться».

– Ты не заболела? Тебе нехорошо?

Рохи мотнула головой – «нет».

– Живот не болит?

Вопрос следовал за вопросом, как в анкете, и это выдавало его нервозность. Рохи ухватила его за руку, и только тогда водопад слов прекратился.

– Что ж, я пошел.

– Давай.

Попрощавшись, Мёнчжун тем не менее был не в силах оторвать ног от пола. Понятно, что он переживал за Рохи, которая теперь остается совсем одна. Та усмехнулась:

– И кто сейчас будет заботиться о бедной, несчастной жертве похищения?

Она хотела пошутить, но после ее слов вместо смеха повисла тишина.

– Прости, – резко выпалил Мёнчжун, словно для того, чтобы произнести это, ему понадобилось собрать всю свою смелость.

Рохи, опасаясь поднять глаза, которые почему-то стало жечь, отвернулась к спинке дивана. Глядя ей в затылок, Мёнчжун кусал губы.

– Сумеешь запереть дверь?

– За идиотку меня держишь? О других по себе не суди, – огрызнулась девчонка и, чтобы он больше не доставал ее вопросами, еще сильнее скукожилась на диване.

Некоторое время было тихо, потом послышался шорох ног – Мёнчжун медленно пошел на выход, постепенно ускоряя шаг. Вот он выходит за дверь, идет через сад и там переходит на бег. Вот он уже за воротами. Вот ворота закрылись. Вот и всё, их пути разошлись.

Рохи, свернувшись калачиком, неподвижно лежала до тех пор, пока не наступила абсолютная тишина. Вскоре все звуки исчезли. Лишь чуть погодя ей в уши стало надоедливо стучать биение секундной стрелки на настенных часах. Она вздохнула, приподнялась

и уселась на диване. Излишне говорить, но в доме было пусто; она осталась совершенно одна.

Девочка задумалась, что ей сейчас нужно сделать прежде всего. Может, пойти в отцовский кабинет и просмотреть оставшиеся от него записи? У него же наверняка был какой-нибудь знакомый юрист. Нужно будет найти номер его телефона и обсудить дальнейшие шаги. Было бы лучше, если б опекунство над ней взял толковый адвокат, а не кто-то из прямых родственников, которых она в глаза не знает и которые за все это время так ни разу не появились.

Все эти мысли четко и размеренно текли у нее в голове, пока она не добралась до дальней комнаты на первом этаже. Похоже, что здесь Мёнчжуну пришлось убирать особенно тщательно, ведь именно тут все и произошло.

Дверь в комнату была прикрыта. Рохи взялась за ручку, сделала глубокий вдох и с решительным взглядом медленно открыла дверь. Хотя внутри все было вычищено, но едкий удушающий запах до конца не выветрился. Не выдержав вони, Рохи на мгновение зажала нос, но потом вспомнила, что это запах останков ее матери, умершей мучительной смертью. Ей стало стыдно, и она опустила руку.

Окно было открыто, но занавески, которую она видела на полицейской схеме, на нем не висело. Наверное, тоже была чем-то запачкана и Мёнчжун ее выкинул. Полицейская схема всплывала у нее в мозгу всякий раз, когда она прикрывала глаза, чтобы моргнуть. И всякий раз на этой схеме были отмечены тела ее матери и сотворившего с ней такое отца.

В груди у нее ничего не дрогнуло, но слезы все равно полились ручьем. Рохи прикоснулась к своей мокрой щеке с видом человека, который не понимает, что с ним происходит и что льется у него из глаз. Она подняла руки, чтобы лучше их рассмотреть, – те тоже были мокрыми и тряслись крупной дрожью. Только сейчас она буквально кожей ощутила, что осталась совсем одна.

Всхлип. Еще один. Поначалу хныканье было слабым, но потом ее словно увлекло и закрутило налетевшим откуда-то издалека ураганом: плач постепенно превращался в рыдание, а рыдание – в вой беззащитной зверушки.

Девочка осталась одна. Все, что у нее сейчас было, – это коробка, которую она прижимала к груди своими маленькими руками, и эхо

рыданий, бившееся о стены дома.

* * *

Спустя несколько часов Рохи решила отнести полученную от Саньюна коробку в подземную лабораторию. Ей следовало сразу туда заглянуть, но что-то в самой глубине души противилось этому. С другой стороны, эта лаборатория чем-то притягивала ее, словно она оставила там что-то важное, за чем хочешь не хочешь, но обязательно придется вернуться. Ну и доля любопытства, конечно, тоже присутствовала: чем же ее отец там занимался? Что это за исследование, ради которого ее мать поплатилась жизнью?

Перебирая ногами по лестнице, Рохи спустилась на цокольный этаж. Сердце у нее отчего-то гулко забилося, а руки затряслись так, что Рохи пришлось еще сильнее прижать коробку к груди, чтобы не уронить ее на пол. Ее лоб густо усеяли капли холодного пота, дыхание сбилось. Рохи заозиралась по сторонам. И тут взгляд девочки упал на установленную в углу больничную койку. В голове словно промелькнула фотография: она лежит на этой койке, в руку вставлена капельница. За этим образом последовала еще одна сцена: мама яростно отбивается и отталкивает отца, а на заднем плане она все так же лежит все на той же койке. Потом ее мозг пронзил еще один проблеск, потом еще один, потом следующий и следующий... Бесчисленные обрывки видений из забытой жизни нахлынули на нее, словно пытаясь поглотить.

К ней возвращалась память.

2 сентября 2019 года, понедельник

– Я признаю все пункты обвинения.

Саньюн нажал клавишу «Сохранить» на стоящем перед ним ноутбуке и тихо вздохнул. Вот и всё, дело раскрыто. Только настроение у него сейчас было совсем не такое, как раньше, когда он заканчивал расследования. Пак Чхольвон без малейших колебаний признался во всем, в чем его обвиняли. Поскольку дело передавали в прокуратуру, то и арестованного должны были перевести в другой изолятор.

Инспектор сделал знак рукой Чонману, находящемуся по другую сторону зеркала Гезелла, чтобы тот остановил видеосъемку.

– Разрешите задать вам еще один вопрос...

Чхольвон взглянул на инспектора снизу вверх: под глазами у техника набрякли мешки. Его жизнь и так была непростой, с крутыми поворотами и зигзагами, а последние события оставили на нем еще более глубокий след.

– На прошлом допросе вы сказали, что в сейфе ничего, кроме бумаг, не было, правильно?

Техник засомневался, нет ли тут подвоха, поэтому немного промедлил с ответом:

– М-м-м... да.

– Однако к моменту прихода полиции сейф был абсолютно пуст. Чхве Чжинтхэ прятал важные для него документы в другом месте – их мы уже нашли. Видимо, профессор перепрятал их на тот случай, если бы полиция решила обыскать дом в ходе расследования убийства его жены.

– Вот оно как...

– Отсюда вопрос: зачем вы соврали?

В принципе, Саньюну с этим делом уже все было понятно. Лежали в сейфе документы или нет – не столь важно, тем более что сами материалы уже нашлись. Даже если в сейфе и было что-то ценное, то какой смысл технику об этом врать, если во всем остальном

он признался абсолютно безропотно? А главное – дома у него тоже ничего не обнаружили.

Чхольвон подавленно ответил:

– Мне очень неловко. Я хотел сказать, что никаких денег мне не досталось, но боялся, что вы мне не поверите. Возможно, поэтому и сказал, что ничего, кроме бумаг, не было. Если б я сказал, что сейф был совсем пустой, вы бы подумали, что я вру. Прошу простить, если это осложнило ваше расследование. – Чхольвон склонил голову.

В его волосах уже стала пробиваться седина, и от ее вида у Саньюна похолодело на душе, словно от снега. Да, Чхольвон – преступник. В какой-то момент он не смог побороть жадность и в результате стал убийцей. Но к нему жизнь тоже была жестока. Что у него, что у Со Хеын, видно, на роду было написано, чтобы злой рок свел их с толстосумами типа Чхве Донока и Чхве Чжинтхэ.

– Один человек хотел бы с вами встретиться. Вы не против?

Чхольвон поднял голову: кто бы это мог быть?

Вообще-то допросная не предназначена для свиданий, и посторонним сюда входить запрещено, но поскольку после закрытия дела арестованного отсюда увезут, то другой возможности нормально поговорить у этого бедолаги уже не будет. Поэтому Саньюн и не отказал в просьбе.

Инспектор поднялся и открыл дверь – на пороге, низко склонив голову, стояла Хеын. Одета она была без изысков, просто и сдержанно: черная блузка и черные джинсы. И медицинская маска на лице.

Саньюн сделал приглашающий жест рукой, и Хеын осторожно зашла внутрь.

– Спасибо. – Она кивнула инспектору, хотя ее дрожащий взгляд не отрывался от Чхольвона, который, казалось, был не в силах поднять голову.

– Вообще-то мы такое не практикуем, но... У вас есть десять минут. Я выйду. Запись вестись не будет, можете говорить спокойно.

– Еще раз спасибо вам. – Хеын снова поклонилась в пояс.

Саньюн забрал ноутбук, протокол допроса и вышел из комнаты. Двери за ним закрылись, и в комнате повисла тяжелая тишина. Хеын некоторое время не шелохнувшись стояла у входа, потом облизнула пересохшие губы и села напротив Пак Чхольвона.

– Дядюшка Пак...

Застывшие плечи Чхольвона дернулись, его неподвижные глаза заморгали – будто снова включилось видео, поставленное на паузу. Он глубоко вздохнул, словно выигрывая время для того, чтобы обдумать, с чего начать разговор, потом тяжело произнес:

– Со мной можно и без маски.

Если находишься в одном помещении с зараженным СПИДом, то заразиться воздушным путем нельзя. Но поскольку довольно много людей все равно опасаются этого, то Хеын постоянно носила медицинскую маску. Что, кстати, было странно: как будто незнакомый человек, понятия не имевший, чем она больна, все равно мог это каким-то образом почувствовать. Хотя и Хеын понять было можно: после внезапного рецидива, взявшегося непонятно откуда, она боялась всего, и страхи преследовали ее постоянно.

– Простите меня. – Женщина медленно стянула маску и опустила голову с видом «какие уж тут слова...». – Если б я только не сказала, что хочу получить с Чхве Чжинтхэ деньги, то...

Чхольвон в ответ помотал головой и крепко прикрыл глаза. Оглядываясь на прожитую жизнь, он не мог вспомнить ни одного момента, когда был счастлив.

– Нет, прежде всего это я виноват перед тобой.

После того случая в масанской клинике Чхольвон захотел узнать, как сложилась судьба девочки, которую он инфицировал СПИДом. Оказалось, что ее удочерили во второй раз, но снова неудачно: в новой семье она стала жертвой домашнего насилия, поэтому оттуда тоже пришлось уйти. Во всем этом он винил себя, поэтому и решил, что его миссией должно стать спасение Хеын.

– Я перед вами...

– Перестань, не надо. – Чхольвон в первый раз за все время поднял глаза. – Дом у меня, конечно, паршивый, поэтому и залог за него небольшой. Я уже предупредил хозяйку, чтобы она вычла оттуда коммунальные, ну и за вывоз моих старых вещей что-то взяла, а остальное отдала тебе.

– Дядюшка Пак! – Хеын подняла на него свое мокрое от слез и искаженное от боли лицо: он говорил так, будто прощался с ней навсегда.

– И еще: у меня есть накопления. В письменном столе найдешь сберкнижку, пароль от счета записан внутри. Также я оформил на тебя

доверенность, она будет лежать там же. По доверенности выправи остальные документы, чтобы снять деньги со счета. Возьми их и трать по своему усмотрению, как считаешь нужным. Прости, что больше для тебя я сделать уже ничего не могу.

– Не говорите так, дядюшка Пак! Как я без вас? Меня ж на работу нормальную никто не брал, все время только за ваш счет и жила...

Хеын прикрыла лицо ладонями, через ее тонкие пальцы сочились слезы. Чхольвон поднял глаза на висевшие на стене часы – выделенные им десять минут заканчивались. Ему внезапно сильно захотелось пить, но воды в допросной не было. Дернув кадыком, он спросил:

– Хеын, тот полицейский, что отсюда вышел, сказал, что сейф был пустой – там ничего не было...

Женщина оторвала ладони от лица. Капля, едва держащаяся у нее на ресницах, сорвалась и стукнулась о пол. Последняя – больше слез в глазах у нее не было. Хеын опустила взгляд, словно о чем-то задумавшись, потом посмотрела прямо на Чхольвона: теперь она не казалась такой безутешно несчастной, как минуту назад. Лицо ее было по-прежнему мокрым, но ни жалости, ни любви к Пак Чхольвону на нем уже не читалось. Ее глаза расширились, край алого рта изогнулся в кривой ухмылке:

– Да неужто?

Наблюдавший за этой сценой Саньюн был поражен. Ручка выскользнула из его ладони и покатила по полу.

* * *

Поручив Чонману закончить за него все дела, Саньюн прыгнул в машину и помчался к дому Пак Чхольвона. «Рабочий день в самом разгаре, откуда столько пробок?» Инспектора охватила нетерпеливость: он подрезал, метался из полосы в полосу и постоянно давил на педаль газа.

Эта усмешка... «Да неужто?» Она смеялась над своим дядюшкой Паком! Теперь с глаз полицейского спала пелена, и Хеын предстала перед ним совсем в другом свете. Только сейчас он осознал, что ему не давало покоя все это время, – Хеын! Она не могла устроиться на

работу, и все это время ее содержал Пак Чхольвон. Да, он был виноват перед ней, но сам при этом жил в убогом доме, мало чем отличавшимся от трущобных лачуг, а она вольготно проживала в уютной квартире, более чем достаточной для одной. Это у Чхольвона всегда был изможденный вид; Хеын же всегда была бодрой, энергичной и вовсе не напоминала больную. Мёнчжун очень хорошо знал, каким человеком была его жена, – он поведал об этом инспектору в их первую встречу: ушла от мужа, забрав из дома все деньги и бросив родную дочь. И тут на СПИД все не спишешь: какими бы исключительными ни были обстоятельства, ни одна нормальная мать не оставила бы своего ребенка без средств к существованию.

Кривая ухмылка Хеын вновь и вновь всплывала у него перед глазами. И теперь интуиция подсказывала полицейскому, что дело закрывать пока рано. Саньюн стал наотмашь бить по рулю. «Би-биип!» – его злость зазвучала сигналом клаксона. «Пак Чхольвон сначала сказал, что в сейфе ничего, кроме бумаг, не было. Потом признался, что это были ложные показания. Но ведь потом, когда я вышел из допросной, он задал этот же вопрос Хеын – мол, почему полицейский спрашивал про пустой сейф. Получается, про бумаги в сейфе он знал только с ее слов. А это, в свою очередь, предполагает, что она была в профессорском доме... Но ведь точно известно, что в день убийства Чхве Чжинтхэ, то есть 21 августа, она проходила обследование. Как это объяснить?»

Пробка начала рассасываться, и Саньюн сильнее вдавил акселератор.

* * *

Вход в квартиру Пак Чхольвона все еще преграждала желтая полицейская лента. Это означало, что пользоваться квартирой можно будет не раньше, чем начальство посчитает, что расследование проведено тщательно, никаких замечаний нет и дело можно окончательно закрывать. К его счастью, приказ о снятии опечатывания с квартиры пока не выходил. В противном случае Саньюну потребовалось бы отдельное разрешение на доступ в чужое жилище. И далеко не факт, что, пока он его получал, важные улики никуда не

пропали бы. Так что в этот раз процессуальная волокита была ему на руку.

Дом Чхольвона с прошлого раза не изменился и оставался все таким же захудалым, а вещи в нем – такими же грубыми и убогими. Но заново перерывать весь этот хлам инспектор не собирался. Ему нужно было проверить, на самом ли деле Пак Чхольвон был настоящим убийцей. А что, если 21 августа в доме у Чхве Чжинтхэ был не он, а Со Хеын? И что, если это она убила профессора и забралась в сейф? Хотя имелся у этой версии и серьезный изъян: на этот день у Хеын было алиби – она лежала в больнице. Детектив еще раз оглядел дом. В углу под раковиной он заметил полиэтиленовый пакет, а в нем – пластиковую миску. Натянув латексные перчатки, полицейский полез распутывать завязки пакета – по ноздрям ему тут же шибанула сильная вонь чего-то тухлого и прокисшего. В миске оказался испортившийся куриный суп. Саньюн рухнул на стул.

«Итак, курьер из ресторана сказал, что 21-го числа доставку получал Пак Чхольвон, – он опознал его по шраму. И если теперь этот суп здесь, то убийца действительно техник». Но что же тогда значила эта гримаса, проступившая на лице у Хеын? Или он все сам себе напридумывал? Нельзя же судить о ней лишь на основании того, что ему когда-то понарасказывал Ким Мёнчжун. Так можно совершить большую ошибку...

В тишине раздался звонок мобильного – его искал Чонман.

– Вы сейчас где?

– Да я тут, ненадолго... А в чем дело?

– Шеф собирает пресс-конференцию, хочет сообщить журналистам об аресте Пак Чхольвона.

Саньюн еще раз посмотрел на протухший суп в пакете.

– Хорошо. Все материалы я предоставил, так что сообщайте.

Закончив разговор, инспектор глубоко вздохнул. После пресс-конференции их оперативный штаб будет распущен, и они вернутся к своим повседневным обязанностям. Детектив поднялся с места: он был раздосадован, что его чутье сыщика, похоже, притупилось и хватка уже не та. Чтобы выместить злобу, он начал яростно отдиравать желтую ленту с двери этой халупы.

В этот момент перед ним резко затормозил мотороллер. Водитель поднял визор шлема и посмотрел на Саньюна.

– Вы полицейский?

– Да. – В голосе Саньюна было столько же энергии и упругости, как в сдувшемся воздушном шаре.

– Тут говорят, что Чхольвон убийство совершил... Это правда?

Мужчине было на вид чуть за шестьдесят, и, судя по мотороллеру, он тоже занимался доставкой еды.

– А вы его знали?

– Ну так в одном квартале живем. Вот бы никогда не подумал! По виду вообще не скажешь, что он на такое способен.

Саньюн горько усмехнулся: если б по внешнему виду человека все сразу было понятно, то тогда, наверное, и полиция была бы не нужна.

Поскольку инспектор разговор не поддержал, доставщик снова завел мотороллер, напоследок пробормотав:

– Хотя с другой стороны, я так и думал, что он чутка не в себе...

Водитель уже собирался трогаться с места, но Саньюн схватил его за руку:

– Э, что вы имеете в виду?

– Ну он же мужик одинокий, вот иногда и просил чего-то домашнего привезти, что моя жена готовит... Он, правда, каждый день на работе, так что если еда не скоропортящаяся, то я ему пакет на ручку двери вешал. А тут как-то привез – а в доме вроде кто-то есть. Я постучался – никто не выходит. И свет еще выключен, типа чтоб показать, что никого нет. Я тогда окошко чуть приоткрыл, его заметил, так он перепугался и окно тотчас закрыл. Делать нечего, я просто крикнул ему, что еду перед дверью оставлю. А потом поразмыслил – может, он как раз от мыслей об убийстве тогда и свихнулся?

– Какого числа это все произошло?

– Та-ак... в тот день у нас групповая заявка была, и мы под нее зал полностью закрыли. Еще ломтики вареной грудинки им под закуску подавали – и ему тоже завезли. Ну, значит, двадцатого или двадцать первого августа.

В этом-то весь вопрос! Саньюну как раз это надо было знать абсолютно точно. Он держался за руку мужчины словно за спасательный канат.

– Скажите, а вы свои заказы записываете?

– Ну так само собой! Не наизусть же их учить.

После этих слов инспектор запрыгнул на заднее сиденье мотороллера:

– Поехали!

Через пять минут они уже заходили в их ресторанчик домашних закусок. Женщина, мывшая на кухне посуду, обернулась и посмотрела на Саньюна: ей было интересно, кого это привел ее муж.

– Дорогая, этот господин из полиции.

– А, понятно.

Похоже, она тоже слышала про дело Пак Чхольвона. Ей стало еще любопытнее, зачем это они понадобились полицейскому. Вытирая руки о фартук, женщина подошла поближе.

– Не помнишь, когда мы Чхольвону грудинку относили?

– Так это когда у нас зал под группу был заказан. Двадцатого или двадцать первого...

«Да они сговорились, что ли?»

– Проверьте, пожалуйста, по книге учета, – с волнением поторопил Саньюн.

Мужчина невозмутимо ответил: «Ну давайте посмотрим» – и без всякой суеты пошел к кассе. Терминалов и компьютеров у них, естественно, не было: входная дверь стеклянная, с железной решеткой, столы старые, ремонт давно не делался... Никакая электроника в такой интерьер не вписывалась, и инспектор сильно удивился бы, если б она здесь была. Все заказы хозяева просто записывали в тетрадь. Тетрадь была дареной – на обложке красовались название и логотип фирмы, поставляющей им сочжу. С каждой перелистываемой страницей в груди у Саньюна жгло все сильнее и сильнее.

– Ага, нашел, двадцатого это было.

– Точно?

– На вот, сами посмотрите.

В тетради корявым почерком было записано: «Группа 8 человек», дальше шло меню и обведенная красным кружком дата – «20 августа».

– Не помните точное время?

– Они спозаранку по горам гуляли; когда спустились... ну где-то часов десять утра было...

В 10 утра! А ведь в это самое время 20 августа Пак Чхольвон должен был снимать видеонаблюдение в профессорском доме.

Саньюн даже спасибо забыл сказать – так быстро он выбежал от них, на ходу набирая Чонмана.

– Быстро найди начальника оперативного штаба и скажи ему, чтобы отменял пресс-конференцию!

– Что?! В каком смысле?!

«20-е! В этот день техник Пак Чхольвон снимал оборудование у Чхве Чжинтхэ, и его засняла уличная камера видеонаблюдения. Или, точнее говоря, камера засняла некоего человека в кепке и форменной куртке “S-секьюрити”. Вот только сам он этим человеком быть никак не мог – его видели дома».

– Возьми запись с камеры перед домом профессора за двадцатое число, где видно, как Пак Чхольвон заходит внутрь. Также найди видео с Пак Чхольвоном за любое другое число. Как только это сделаешь – сразу пиши запрос на сравнительный анализ походок, пусть криминалисты выделяют нам эксперта для консультации. Это очень срочно, займись этим немедленно!

3 сентября 2019 года, вторник

В доме Рохи впервые за долгое время собралось столько народу, что было просто не протолкнуться. Перед обувной стойкой в коридоре валялась наспех сброшенная дорогая обувь, а в гостиной, уже избавившейся от царившего в ней трупного запаха, надышали так, что уже становилось жарко. Теплоты при этом не было: по крайней мере сидевшая в углу дивана Рохи совсем ее не ощущала. Вид у нее был изнуренный, но никому из собравшихся в этой комнате не было дела до ее усталости.

– Слушай-ка, братец, ты за это время хоть раз ребенка навестил? К тому же она – девочка, ей женский уход нужен, а я ей двоюродная бабушка, уж у меня всяко лучше получится за ней присматривать.

– Что за чушь? А жена моя, тебе сноха, что, не женщина? И как это ты собралась за ребенком присматривать, коли своих детей нет?

– И то правда, тетушка. Никто лучше нас внучку нашего дяди не выкормит, не вырастит.

– Прошу прощения, сваты дорогие, но почему вопросы опеки обсуждают только родственники по отцовской линии? А нас что, спросить не надо?

– А вы что, еще здесь? Раз она фамилию Чхве носит, то и продолжательницей нашего рода считается, а потому должна воспитываться в нашей семье.

– Что за вздор! Она продолжательница не только вашего рода, в ней половина крови от моей дочери Со Чжинью. И, кстати, раз уж про воспитание вспомнили, то не семье убийцы его доверять!

– Что-о-о?!

Двоюродный дедушка Рохи по отцу резво вскочил на ноги. Но и бабушка по материнской линии отступить не собиралась.

– Чжинью наша от кого смерть приняла, а? Не слышали, что полиция-то говорит? Это ваш выкормыш Чхве Чжинтхэ ее убил! Семья убийцы и есть!

Двоюродный дедушка и двоюродная бабушка по отцу, а также бабушка по матери одновременно нагрянули к ней в дом – и теперь, похоже, забыли, что пришли они сюда совсем по другому поводу: наконец-то договориться о проведении поминок. Наблюдая за ними, Рохи стала еще сильнее сомневаться: «Их вообще мое будущее хоть сколько-то волнует?» Хотя память к ней и вернулась, лица родственников все равно казались чужими. Только лишь бабушка иногда звонила своей дочери – как правило, когда заканчивались деньги и приходила пора получать от Со Чжинью очередной перевод. Но даже она дома их так ни разу не навестила. Никто из них никогда не интересовался ее жизнью: не радовался, когда она пошла в первый класс, не поздравлял, когда выигрывала соревнования по мечевому бою, не спрашивал, кто из айдалов ей нравится... Рохи только сегодня узнала, какая многочисленная у нее, оказывается, родня.

Едва переступив порог, они тут же начали ругаться, и никто не хотел уступать поле этой брани, словно от этого зависело, случится с ними что-то ужасное или нет. В то же время каждый просто из кожи вон лез, чтобы склонить девочку на свою сторону и добиться ее благосклонного взгляда. И вот теперь они от споров перешли к оскорблениям. Рохи не могла взять в толк, почему никому из них нет дела до того, что она чувствует, потеряв родителей, и как ей от этого горько.

Равнодушным взглядом она рассматривала своих увлеченно ругающихся родственников. Бабушка, ничуть не стесняясь ребенка, бросалась словами типа «семья убийцы», а двоюродный дедушка уже грозил ей кулаком – того гляди, сейчас бросится в драку. Внезапно девочке вспомнился Мёнчжун: он ее похитил, хотел вымогать деньги, но почему-то люди, окружавшие ее сейчас, казались гораздо хуже.

– Ой, просто слушать противно! Идите уже домой и знайте, что наша семья сама позаботится о Рохи так, как посчитает нужным!

– Семье убийцы я ее не оставлю!

– Вы, сватья, только и знаете, что «убийца, убийца» кричать... И как только не стыдно!

– Что? Мне еще должно быть стыдно? Всего-то дочь мою убили – надо же, какой пустяк! Думать надо, прежде чем говорить! Или рот есть – мели, что хочешь?

– Ну тогда по суду будем решать, если добром не хотите!

Сдаваться никто не хотел, и длиться это могло бесконечно. Рохи потянуло в сон. Похоже, ее собственное мнение здесь никого не интересовало. Нет, надо заканчивать этот балаган. Чтобы сбросить усталость, она сильно зажмурилась, потом открыла глаза, твердым взглядом оглядела собравшихся и своим обычным бесстрастным голосом четко и внятно произнесла:

– Гражданский кодекс, статья девятьсот тридцать шестая, раздел четвертый: «При установлении опеки над несовершеннолетними должны учитываться пожелания ребенка. Помимо этого, необходимо принимать во внимание и прочие обстоятельства, как то: наличие или отсутствие выгоды подопечного при установлении отношений опеки, а также наличие или отсутствие заинтересованности опекуна при установлении этих отношений».

Споры в комнате мгновенно утихли. Обе стороны, только что ругавшиеся и грозившие друг другу кулаками, замерли и посмотрели на диван, где сидела Рохи.

– Двоюродный дедушка, мы с вами сколько раз встречались? Вы же забрали имущество своего брата и по этому поводу судились с моим отцом. С тех пор ни разу свидеться не пришлось, разве нет?

– Ты же все забыла! Или память...

– Да, память вернулась. По лицам вижу, что вас это не очень радует.

Двоюродный дед вместе со своим сыном и невесткой досадливо отвели глаза.

Бабушка победоносно вздернула подбородок, но Рохи почтила вниманием и ее.

– К вам, бабушка, это тоже относится. Вы не намного лучше – звонили лишь в том случае, если мама с переводом денег задерживалась. А день рождения у меня когда, вы хоть знаете?

– Ну... это...

Девочка резко встала с места. Ей едва исполнилось одиннадцать, но выглядела она взрослее всех остальных в этой комнате.

– В соответствии с Гражданским кодексом, требующим учитывать пожелания подопечного, в качестве своего опекуна я выбираю адвоката Чхве Тхэккюна из юридической конторы «JP Law Firm», услугами которого долгое время пользовался мой отец. В связи с этим

прошу всех немедленно покинуть мой дом и впредь общаться со мной только через этого адвоката.

К ней на полусогнутых засеменяла бабушка, словно не веря, что внучка говорит серьезно:

– Подожди, как же ты будешь одна с этим домом управляться? Давай я буду жить с тобой и...

Рохи окатила ее холодным взглядом:

– Полагаете, не справлюсь?

Гениальный ребенок... Людей с таким уровнем интеллекта на всю страну было 0,01 %. Переубедить ее вряд ли получилось бы. Но и уходить отсюда тоже никто не спешил – речь все-таки шла о больших деньгах. Дорогие сородичи убрались восвояси лишь после того, как в дело вмешался адвокат Чхве и пригрозил судебными исками. Когда в доме стало тихо, адвокат еще раз уточнил у Рохи план их действий на будущее, после чего ушел, предварительно пообещав, что по ее просьбе найдет персонал, который помогал бы ей по дому.

Наконец девочка осталась одна. Она сильно устала от дел.

* * *

Саньюн сидел рядом с доктором Син Пёндоком, экспертом по анализу походок, которого направили им в помощь для консультаций. Перед ними стояли два монитора; на каждом было видео, заснятое камерой наблюдения перед домом Чхве Чжинтхэ, только одно от 20 августа, а другое – от 21-го. Видео были поставлены на паузу, и на первый взгляд изображения на них были очень похожи: и там, и там человек в кепке и форменной куртке «S-секьюрити» шел к профессорскому дому. Обе фигуры были одинакового роста, одежда на них тоже была абсолютно одинаковой. Вот все, естественно, и подумали, что это один и тот же человек. Но на видео от 20-го Пак Чхольвона быть никак не могло.

Доктор Син сказал:

– По результатам сравнительного анализа походок можно сделать вывод... – консультант посмотрел на инспектора, и тот почувствовал, как у него пересыхает в горле, – что изображенные на видео люди не могут быть одним и тем же лицом. Более того – с большой долей

вероятности можно предположить, что на видео от двадцатого числа заснята женщина.

Эксперт на этом не остановился и подкрепил свою версию аргументами:

– Обратите внимание на форму ног у человека на видео от двадцатого. Видите, куда у него смотрят колени? Это называется X-образное искривление. У человека на другом видео такой деформации нет. То есть это разные люди. Кроме того, есть и различия в походке. Если вы внимательно посмотрите на то, как человек, занеся стопу, ставит ее на землю, то эта манера больше напоминает женскую.

У Саньюна вырвался стон. Радости от того, что интуиция его не обманула и он снова оказался прав, не было – он ругал себя за то, что не догадался до этого раньше.

– Благодарю вас, доктор.

Детектив вскочил с места, низко поклонился консультанту и выбежал за дверь. Во дворе прыгнул в машину, завел двигатель – и уши заложило от оглушительного визга покрышек. Перед глазами, как на слайде, снова всплыли две квартиры: вполне сносное жилье Хейн и до ужаса обшарпанная конура Пак Чхольвона. Понятно, кто поддерживал неработающую женщину. Она уверяла, что к убийству никакого отношения не имеет, но в действительности все оказалось наоборот: стоило Чхольвону сказать, что у профессора снимают камеры, как Хейн...

У него зазвонил мобильный, и Саньюн включил громкую связь. Из динамика послышался голос Чонмана:

– Шеф, у нас тут такое творится! Начштаба отменил пресс-конференцию, теперь рвет и мечет. Из главного управления постоянно названивают, хотят объяснений. Вы вообще назад возвращаться думаете?

– Вернусь, не бойся. Только сперва придется тебе для меня еще кое-что сделать.

– Хотите, чтобы у меня от ваших поручений совсем крыша съехала?

– Ну, вот пока не съехала, как раз еще кое-что проверить успеешь.

– Что за «кое-что»?

– Алиби Со Хейн на двадцатое августа.

– Это еще зачем?

– Бегом, я сказал!

Тюремная комната для свиданий – место мрачное и унылое: ничего лишнего здесь нет, только старые обшарпанные деревянные стулья и стол. Изнутри на окнах – частая решетка, из-за которой створки могут открываться не больше чем наполовину.

Солнце стояло в самом зените, его косые лучи немного заглядывали в комнату. Стоявший в углу тюремный надзиратель пересекся взглядом с Саньюном и неуклюже улыбнулся. Послышался стук шагов, лязг открываемой двери, и в комнату ввели закованного в наручники Чхольвона. Всего за несколько дней он, и без того худой, высох еще больше. Вид у него был подавленный: казалось, что он на все махнул рукой – шел, потому что тянули, сел, потому что усадили. При его появлении Саньюн привстал, потом снова уселся на место и посмотрел на надзирателя. Под взглядом инспектора тот отступил на несколько шагов назад.

– Господин Пак!

Чхольвон не поднимал головы.

– Я пришел, чтобы уточнить у вас кое-что.

Снова никакой реакции. Казалось, его неподвижность кричала: «Я же во всем признался, приму любое наказание; прошу об одном – оставьте меня в покое!»

– Почему вы сказали, что в сейфе ничего, кроме бумаг, не было?

Плечи техника вздрогнули, он медленно поднял голову. Казалось, что сейчас раздастся скрежет, как при вращении старой ржавой шестеренки.

– Я же вам уже говорил...

– Да, вы согласились со всеми пунктами обвинения. Смысла врать вам не было – и все же соврали. Зачем?

– Я... я просто неправильно выразился.

– Нет, просто вы знали это только со слов Со Хеын, так ведь?

Услышав ее имя, лицо Чхольвона побелело. Кровь отхлынула у него от головы; казалось, он сейчас потеряет сознание. Но Саньюн твердо решил поставить точку здесь и сейчас. Он перережет эту нитку,

дергая за которую управляли исковерканной жизнью когда-то оступившегося человека.

– Мы исходили из того, что двадцатого августа вы сняли оборудование в доме профессора Чхве, а двадцать первого забрались к нему снова и совершили убийство. Однако это не соответствует действительности – ведь двадцатого числа в дом профессора пришла госпожа Со Хеын. И убила его именно она, причем в тот же день, то есть двадцатого августа.

Зрачки Пак Чхольвона закатились, обнажив белки. Веки его дрожали, нижняя губа прикушена, будто это могло ему помочь не проронить ни слова.

– Мы тщательно изучили видео с камеры перед домом Чхве Чжинтхэ. Анализ походок показал, что двадцатого числа к профессору приходили не вы. Соответственно, остается только Со Хеын. Сейчас мы проверяем ее алиби на этот день.

«Которого у нее очевидным образом не будет». На 21-е число у нее был запланирован отвлекающий маневр, а 20-го она под видом Пак Чхольвона пробирается в дом Чхве Чжинтхэ, снимает там видеонаблюдение и нападает на профессора. Рост можно визуальным образом немного увеличить, если вложить в обувь дополнительные стельки. Как демонтировать камеры, ей, очевидно, рассказал Чхольвон.

И тут по роковому стечению обстоятельств Хеын обнаруживает, что профессор сам убил свою жену. Быстро оценив ситуацию, она решает обставить дело так, будто оба убийства были совершены 21-го. На следующий день сама она ложится на обследование, а Пак Чхольвон приходит в профессорский дом, где уже лежат два трупа, заказывает и получает куриный суп по доставке, после чего идет на встречу с другом и дальше уже все время проводит с ним. Таким образом оба они обеспечивают себе алиби на 21-е число, когда якобы и произошло убийство.

– Вы решили до самого конца искупать вину перед человеком, чью жизнь вы когда-то разрушили, – вплоть до того, что взяли на себя ответственность за чужое преступление. Такой подход я не разделяю, но, по крайней мере, могу понять. Но вот что странно: с чего вдруг понадобилось убивать Юн Чжондо?

– Об этом я тоже говорил. И насчет Чхве Чжинтхэ – его убил я, а не...

– Из-за меня? – Дослушивать Чхольвона инспектор не стал. Техник изумленно вытаращил глаза. – Точнее говоря, из-за того, что я стал вас подозревать?

Пак Чхольвон, который только что собирался отрицать причастность Хеын к убийству, захлопнул рот. Его губы посинели так, что инспектор даже заперезживал. Хорошо еще, что Чхольвона держали наручники.

– В ходе расследования мы узнали от Юн Чжондо, что вы сами попросились обслуживать дом Чхве Чжинтхэ. Это шло вразрез с вашими показаниями. Что ж, отношения между вами были приятельскими, и Чжондо сам вас об этом предупредил. Понятно, что, ухватившись за эту зацепку, полиция точно бы начала раскручивать, не было ли у вас какого-то конфликта с профессором. Вы, наверное, опасались, что в процессе могло ненароком всплыть и имя Со Хеын, которая была приемной дочкой в этой семье и от которой потом отказались. И пока до этого не дошло, вы решили убийством Чжондо переключить внимание на себя, так? На допросе вы показали, что убили Юн Чжондо потому, что он тоже был ассистентом и оперировал без лицензии. Простите, но со временем тут явная нестыковка – вы на тот момент уже давно были с ним в приятельских отношениях.

Саньюн не ошибался. Как только Юн позвонил Пак Чхольвону и сообщил, что полиция проявляет к технику интерес, тот решил убить своего приятеля, чтобы оперативники начали заниматься им. Версия «убил, потому что он тоже пи-эй» никого не обманет. Ведь Чхольвон даже и не пытался скрыть, что это он преступник: делая все словно напоказ, тело убитого не прятал, оставил как есть, убийство совершил прямо под камерой, хотя лучше других знал, где она установлена. Он словно специально выныривал на поверхность, заслоняя собой Со Хеын и позволяя ей залечь на дно.

– Я здесь не для того, чтобы добиваться от вас официальных признаний, – доказательств ее вины и без вас будет собрано более чем достаточно. Я пришел сюда, потому что хотел вам кое-что рассказать.

Чхольвон поднял голову.

– Вы пошли на это дело, чтобы оплатить лечение Хиэ?

Техник ничего не сказал, но его взгляд, дрожащие веки и побледневшая кожа ответили вместо него.

– Вот только известно ли вам, что когда Со Хейн уходила из семьи, то забрала с собой все деньги, что были в доме? Ушла, бросив родную дочь без средств к существованию... Особой любви к своему ребенку у этой женщины не было никогда.

Чхольвон сидел с раскрытым ртом, только и делая, что моргая. При этом не бросался все опровергать – мол, быть этого не может. То, что рассказал ему Саньюн, он не знал, но, скорее всего, какие-то смутные догадки на этот счет у него были: видимо, он подсознательно допускал, что она на такое способна.

– Нами установлено, что плату за операцию ее дочери Хиэ внесли вы. Почему вы это сделали?

Чхольвон не шелохнулся, но по его лицу пробежала волна от предчувствия предательства. Старая, изношенная веревка, за которую его дергали, словно марионетку, наконец с треском порвалась. Его напряженные плечи бессильно обмякли.

– Вы говорили, что убили профессора в ходе словесной перепалки и что денег вам вообще не досталось. Понимаете ли вы, что ее план заключался в том, чтобы подставить своего бывшего супруга Мёнчжуна, выдав его за преступника?

Техник медленно качнул головой: это Хейн посоветовала ему представиться Мёнчжуном, когда он пошел оплачивать больничные счета Хиэ. Потом заговорил:

– У них на кухне стояли остатки куриного супа – видно, ели накануне. Вот она и сказала, что с этим супом можно подстроить так, чтобы датой убийства все считали следующий день. Двадцать первого августа я пошел к ним, заказал такой же суп с карточки Со Чжинью и получил доставку, выдав себя за Чхве Чжинтхэ. Код я знал: у меня была резервная копия видео с домашних камер – там и увидел. Резервную копию диска я стер, после чего забрал куриный суп с собой и пошел на встречу с приятелем, чтобы обеспечить себе алиби. По ее плану, Ким Мёнчжун должен был в тот же день зайти внутрь, чтобы похитить девочку. Там он оставил бы свои отпечатки, следы обуви и так далее. Но все пошло наперекосяк...

Саньюн тихо вздохнул.

– Насколько я знаю, за лечение Хиэ вы внесли пятьдесят миллионов вон. Если преступление совершалось ради денег, а у вас уже была такая сумма, зачем вы стали помогать Со Хейн в этом деле?

Он всю свою жизнь заботился о Хейн и, не задумываясь, отдал бы ей столько денег, сколько у него было. Тем не менее эти 50 миллионов он решился пустить в ход лишь после того, как их замысел не сработал...

Чхольвон облизнул сухие губы и произнес:

– Эти деньги... Я думал, что никогда в жизни не смогу их потратить.

– Что вы имеете в виду?

– Это была страховка. За смерть жены.

У Саньюна стало тяжело на сердце. Он понял, почему техник тридцать лет к ним не притрагивался.

– Когда Хейн сказала, что деньги ей нужны для дочери, следовало сразу их отдать, но... она рассказала мне свой план – и мне стало жалко. Не денег, нет. Я понял, что буду жалеть, если не отомщу мертвому Чхве Доноку. Хотелось, чтобы его сыночку жилось не так сладко... Но я и вправду не думал, что дело дойдет до убийства.

– Вернемся к моему первому вопросу. Вы сказали, что в сейфе ничего, кроме бумаг, не оставалось. От кого вы это узнали?

– От Хейн.

– Как вы думаете, почему она так вам сказала?

У Чхольвона запершило в горле. Саньюн хотел принести воды, но тут техник произнес:

– Потому что там, наверное, были деньги...

Сказав это, Пак опустил плечи и поник, словно из него выпустили весь воздух.

– Напоследок, господин Пак Чхольвон, скажу вам еще одну вещь. Она убила Чхве Чжинтхэ не по случайности – у нее все было спланировано заранее. Ким Мёнчжун признался, что Со Хейн предложила ему похищение еще девятнадцатого июля. И у нее был целый месяц на то, чтобы все рассчитать и подготовиться.

Наверное, Чхольвон сейчас тоже вспоминает ту ухмылку Хейн и ее «да неужто?». Видимо, в тот момент он все про нее понял. Весь ее план замышлялся только ради денег. Но не на операцию дочери – украденные деньги с самого начала предназначались исключительно для нее.

Саньюн все смотрел и смотрел на Пак Чхольвона, который тридцать лет таскал на себе оковы, имя которым – угрызения совести и

чувство вины.

* * *

В это же самое время, но только в другой комнате для свиданий, сидела Хейн. Выглядела она уже не так элегантно: из одежды – свободная футболка, волосы просто убраны наверх в пучок. Дверь открылась, и по ту сторону стеклянной перегородки показался Мёнчжун. Он посмотрел на нее и непроизвольно опустил взгляд. Ему полагалось презирать и ненавидеть ее, но после того, как стало известно, что она ушла из семьи, чтобы не заразить их страшной болезнью, для ненависти места уже не оставалось – напротив, у него всякий раз сжималось сердце, когда он представлял, как ей было больно оттого, что ради мужа и дочки ей пришлось покинуть дом, а потом с этой болью справляться в одиночку.

– Хиэ сделали операцию, она уже пришла в себя.

От радостного волнения Мёнчжун аж губу прикусил. К глазам немедленно подступили слезы. Он склонил голову, словно эти капли были слишком тяжелыми и тянули его вниз.

– Спасибо тебе! Спасибо, что сказала...

Он был растроган, плечи его затряслись. Мёнчжун ругал себя последними словами за то, что в какой-то момент усомнился в ней. «Почему я считал, что она больше не мать своему ребенку? Почему так ненавидел ее все это время? Почему не подумал, что у нее могут быть на то весомые причины?»

– Посмотри на меня!

– Прости, это я от радости.

– Тяжело тебе здесь?

Мёнчжун тыльной стороной ладони утер слезы и поднял взгляд.

– Да со мной все нормально, главное – про Хиэ теперь знаю. Спасибо, что рассказала!

– Конечно, а как иначе?

– Я даже и представить себе не мог, что ты вернешься...

Мёнчжун не знал, что ему сейчас сказать. Больше у него ничего не лежало на сердце: не осталось ненависти к бывшей жене, не осталось волнения за дочь – она должна поправиться. Сейчас им всем

нужно просто вернуться назад – вернуться к тому, как было раньше. Он замаялся и через силу спросил:

– А Хиэ ты что сказала?

– Сказала, что папа уехал работать за границу. Что очень просит извинить его за то, что не получилось прийти на операцию. Я даже удивилась, что она не капризничала, не канючила – вела себя повзрослому... Видно, твое воспитание.

Но сам Мёнчжун так не считал. Нет, он здесь ни при чем. Хиэ повзрослела сама, без его участия. Ей пришлось это сделать. Пришлось рано повзрослеть и все быстро схватывать на лету, потому что ее нищий и бестолковый отец ничего не мог ей дать. И это всегда будет терзать ему душу.

Его лицо помрачнело.

– Как же быть с ней дальше? Пока она с тобой; а если и тебя посадят?

– Не знаю, может, это и к лучшему...

Мёнчжун аж встрепенулся – таких слов он услышать не ожидал.

– Не хочу, чтобы все знали, что она из семьи, где болеют СПИДом. Не хочу жить в постоянном страхе, что могу ее заразить... Если б не это, я бы три года назад вас не оставила...

– И что же делать?

– Думаю, что, пока ты не освободишься, Хиэ будет лучше в приюте.

– Хеын!

Мёнчжун не сдержался и закричал. Одновременно и из ее глаз закапали слезы.

– Думаешь, мне этого хочется? Нет, но...

У него не было слов. Он думал, что достаточно хорошо знает ее натуру, но даже представить себе не мог, что бывшая жена предложит сдать их общую дочь в детский дом. Одна лишь мысль об этом сводила его с ума. В отчаянии он схватился за голову. И тут у Хеын зазвонил мобильный.

– Минутку... – Она вытерла слезы, достала телефон. Увидав номер, удивленно покачала головой. – Алло!

Голос в трубке казался знакомым. Лицо женщины застыло, потом краешки ее рта подернулись в легкой усмешке. Мёнчжун не мог

слышать, что она говорит, но было видно, что ответы ее очень короткие, не длиннее, чем «да», «хорошо» и «понятно».

Закончив разговор, женщина глубоко вздохнула, потом выдохнула, посмотрела на Мёнчжуна и, неестественно улыбнувшись, сказала:

– Мне нужно идти – возникли срочные дела.

– Ладно.

Ему хотелось спросить, кто это звонил, но вместо этого он молча кивнул. Хотя, конечно, было интересно, какие такие дела могут быть более срочными и важными, чем разговор о судьбе их дочери, остающейся одной без родителей.

* * *

Память вернулась к ней полностью. Рохи сидела в углу софы, на которой раньше каждый день сидел ее отец, и отстраненным взглядом смотрела на раскинувшийся перед ней сад. Через него вела дорожка, для которой отец лично подбирал камни. Он говорил, что перед домом, построенным с таким тщанием, нельзя просто кинуть на траву черт знает что. Чхве Чжинтхэ посвятил медицине всю свою жизнь, был человеком науки, и на любые суеверия в их семье было наложено табу. Но – странное дело – когда из камней выкладывали дорожку, он говорил, что по ним в дом придет что-то хорошее. Рохи горьковато улыбнулась этим воспоминаниям. Ведь сейчас по этой дорожке из камней к ним в дом шла эта женщина. Со Хын.

Тот звонок в комнате свиданий был от нее – Рохи сама ее набрала и предложила встречу: «Ко мне вернулась память. Полностью. И я знаю, кто настоящий убийца, – это вы. Конечно, можно было просто заявить на вас в полицию, но нам есть что обсудить. Сможете ко мне прийти? Если нет, тогда я сама вас навещу, но уже в тюрьме».

Надо отдать должное – слабой неженкой Хын точно не была. Она не смутилась, не впала в панику, не стала устраивать истерику или изображать невинность, попусту крича «не говори ерунды!» или «где твои доказательства?». Сказала просто: «Поняла».

Рохи заранее открыла для нее ворота и теперь ждала свою гостью. Очень странно было наблюдать, как по дорожке, выложенной ее отцом, идет его убийца. Девочке казалось, что, если с ней снова что-то

случится и она вновь потеряет память, эту сцену она не забудет никогда.

Вот открывается входная дверь – стук шагов Хеын слышен уже в коридоре, но Рохи на него не оборачивается.

– Ну ты крута! Я ведь с тобой что угодно сделать могу, не боишься? – с искренним восхищением спросила Хеын, подойдя вплотную к софе.

Рохи жестом показала ей на место рядом с собой.

– У меня есть доказательства, что именно вы совершили убийство. Надеюсь, вы не думаете, что я не предприняла соответствующих мер и не сообщила полиции о том, что позвала вас сюда?

– Какая смышленная девчужка... – Хеын будто бы даже удивилась.

– А пришли вы потому, что хотели услышать, что я вам скажу.

– Да уж как тебя не послушать!

Рохи хмыкнула, подняла с пола коробку и поставила ее на стол – внутри лежали полученные от Саньюна материалы исследований. Увидев их, лицо женщины стало жестким и неподвижным.

– Вы знаете, что это такое?

– Ты хотела – ты и скажи.

– Благодаря им я поняла, что со мной делал отец.

В материалах исследования был подробно отражен ход экспериментов и те изменения, что происходили у подопытных. Ну и ее вернувшиеся воспоминания тоже помогли разобраться. Подопытной значилась Чхве Рохи, то есть она сама. Начиная с трех лет отец регулярно давал ей наркоз и проводил на ней операции. Мать была готова ценой своей жизни защитить дочь, и в конце концов эту цену ей пришлось заплатить.

Рохи спокойно и размеренно открыла последнюю страницу.

– В тот день отец, как всегда, ввел мне анестетик и начал подготовку к экспериментам.

Девочка произвольно коснулась руки в районе предплечья. Синяки и следы от игл не были признаками домашнего насилия – они остались от бесчисленных инъекций.

– При экспериментах обязательно ведут журнал исследований – любой ученый это делает. Вот так я и узнала, что отец был убит не в

тот же день, когда меня похитили, то есть двадцать первого августа, а накануне – то есть двадцатого.

Девочка показала на дату в журнале. Если б профессор, как считала полиция, действительно был убит 21-го, то в лабораторном журнале осталась бы запись и за это число, но записи обрывались на 20-м.

– Двадцатого августа утром отец, как обычно, повел меня в лабораторию. Всякий раз мать пыталась ему помешать, и всякий раз это заканчивалось конфликтом. Но вот что странно: в тот день я мамы почему-то не видела. Если б я знала, что к тому моменту она уже была мертва... хм, даже не знаю, как бы я поступила... – Рохи вздохнула и пригладила свою стрижку очень недетским жестом. – Когда отец давал мне наркоз, я еще успела услышать, как в дверь кто-то позвонил. Я так понимаю, это были вы, да? Он подумал, что препарат уже подействовал и я вот-вот отключусь, поэтому пошел наверх открывать. Вот только погрузиться в сон я не успела. Предполагаю, что это произошло потому, что скорость ввода анестетика должна постоянно регулироваться в зависимости от состояния пациента, а в тот раз проследить за этим не получилось. Сверху доносился какой-то механический скрежет, но мне было не до этого, поскольку перед глазами все плыло и кружилось, плюс еще и тошнило сильно. Едва держась на ногах, я поднялась на первый этаж.

Рохи, словно чтобы лучше вспомнить, наморщила лоб.

– Я видела, как кто-то проткнул моего отца мечом. Поначалу я подумала, что это мужчина, но, когда попятилась назад, убийца обернулся. – Девочка продолжала смотреть строго перед собой в сторону сада. – Это были вы...

Лицо Хеын напряглось, но потом очень быстро снова расслабилось.

– Смотри-ка, и в самом деле память вернулась!

– Я попыталась сбежать, но вы мне помешали. И достали из кармана что-то вроде тряпки или полотенца.

– Это вообще-то для твоего отца предназначалось, но, как видишь, не пригодилось.

– Да, я уже была под воздействием анестетика, а вы еще и добавили – в лаборатории отца оставался шприц с тем же препаратом.

– Меня тоже в детстве чем только не обкалывали. Вниз я спустилась чисто проверить, что и как, а там уже все было разложено...

– Немного ошиблись бы – и мне конец. Отец говорил, что нужно постоянно следить за состоянием подопытного: препарат остается в организме в течение двадцати четырех часов, и за это время может произойти что угодно. Но, как я понимаю, вопрос «выживет – не выживет» вас нисколько волновал...

Рохи глубоко вздохнула.

– Когда я очнулась двадцать первого августа, то не знала, что прошли уже целые сутки и что мой отец убит. Я также не знала, что убийца уже покинул наш дом, поэтому сразу бросилась бежать отсюда. Выскочила за ворота, где меня сбил дядя Мёнчжун, который ехал меня похищать. Поэтому все, включая меня, и думали, что похищение и убийство произошло в один день – двадцать первого августа. А на самом деле вы убили отца двадцатого. И машину с мигалкой я успела заметить именно тогда.

– Будем считать, это тебе бог помог.

– А вы ведь хотели, чтобы дядя Мёнчжун пробрался внутрь дома? Тогда и убийство можно было бы на него повесить...

Глаза женщины блеснули, по ее лицу блуждала снисходительная улыбка. До этого Хейн слушала Рохи молча, не перебивая, и лишь согласно кивала, словно в подтверждение слов девочки. Но потом ее мысль потекла куда-то в своем направлении, отчего на лице появилось жесткое выражение.

– Твой дядя Мёнчжун – наивный дурачок, дальше своего носа не видит. Для него есть только «здесь и сейчас»: Хиэ больше не болеет – повезло, бывшая жена вернулась – отлично, настоящего преступника поймали – здорово... Заглянуть чуть глубже он не способен.

Рохи взяла с приставленного к софе столика стакан с водой и сделала небольшой глоток. Увлечшись, Хейн не замечала, что взгляд девочки становится все более холодным.

– Это же вы подбили Мёнчжуна зайти в дом и похитить меня. Вот только все пошло не по плану: внутрь он зайти не успел, но это по чистой случайности. А так вы совершенно сознательно с самого начала собирались его подставить, так ведь?

Хейн не ответила, давая Рохи продолжить.

– В сейфе у отца лежали деньги. Скорее всего, те, которые нельзя было светить на банковском счете. А в полицейском отчете указано, что там было абсолютно пусто. Нетрудно догадаться, что это вы их украли... – Рохи посмотрела на гостью твердым взглядом. – Вы же изначально даже не думали тратить деньги на оплату лечения Хиэ?

Лицо Хеын приобрело свинцовый оттенок, на лбу вспухла синяя вена. Она как ни в чем не бывало скрестила руки на груди, но при этом с силой сжала ладони в кулаки, потом, словно пытаясь удержаться, стала кусать губы, а затем, не удержавшись, издала несколько резких кхеканий. Постепенно кхеканья превратились в громкий смех, от которого ее перегнуло пополам. Это явно застало врасплох Рохи, до этого не ослаблявшей внимания ни на секунду. Хеын смеялась так сильно, что даже ухватила за живот, словно он у нее заболел. Другой рукой она утирала уголки глаз.

– Нет, ну как же круто получилось, а? У Ким Мёнчжуна мозгов оказалось меньше, чем у одиннадцатилетней девчонки! Я как вспомню его лицо, когда про СПИД рассказывала, так снова всю от смеха разбирает...

– Почему?

– Потому что на моем месте должен был оказаться он!

Хеын поднялась с софы и, по-прежнему скрестив руки на груди, повернулась в сторону сада. Ее фигуру осветили лучи солнца, и от этого будто стало заметнее, что сама она находилась где-то в темноте. Уже с очень давних пор она задавала себе этот вопрос: изменил ли тот злосчастный день ее жизнь полностью, или же у нее на роду изначально так было написано? Так или иначе, но когда она про это вспоминала, в ее душе возникала всепроникающая ненависть к Мёнчжуну. Хотя он-то в чем был виноват?

– Изначально Чхве Донок хотел усыновить Мёнчжуна.

Тогда, в приюте, она смотрела на машину, в которой приехал доктор Чхве, одежду, в которой он был, элегантную женщину, стоявшую с ним рядом... И в ней проснулась зависть: маленькую Хеын почему-то охватила твердая вера, что если она сейчас уедет отсюда в этой машине, то сможет жить такой жизнью, которая рисовалась ей исключительно в мечтах. Пока доктор со своей женой ждали, когда соберется Мёнчжун, она специально споткнулась и упала прямо перед ними. Супруги помогли ей подняться, она их очень

вежливо поблагодарила, прошла в соседнюю комнату, где стояло пианино, и нарочито громко – так, чтобы они услышали, – стала играть на нем все, чему успела выучиться за это время. Когда же к ней подошла учительница и сказала, что начинаются уроки и нужно идти в класс, Хейн, понимая, что Чхве Донок с женой за ней наблюдают, четким и уверенным голосом произнесла:

– Для меня эти уроки слишком простые, мне там слишком легко. Вы позволите мне вместо этого почитать книгу или поиграть на фортепиано?

Ее расчет был правильным: люди обычно хотят, чтобы приемный ребенок был умным и хорошо воспитанным. Ошибалась она в другом: Чхве Доноку ум и воспитанность были не нужны, он вообще не собирался растить ребенка как своего – ему нужен был просто подходящий подопытный материал, на котором можно было бы ставить свои опыты по созданию рукотворной гениальности.

Видимо, Чхве Донок посчитал, что она для его целей подходит – как и хотела девочка, – и машина увезла ее из приюта. А спустя всего несколько лет приемные родители от нее отказались. Потом Хейн удочерили во второй раз – и это снова обернулось кошмаром. Новые родители были полны решимости окружить ее домашним уютом и семейным теплом, но эта решимость продлилась не больше года. Ее приемная мать не могла забеременеть, поэтому они и взяли ребенка из приюта. А спустя восемь месяцев после удочерения долгожданная беременность все-таки наступила. Приемная мать стала раздражаться от одного вида Хейн, а приемный отец так и просто начал бить. В итоге из этой семьи тоже пришлось уйти.

Потом ее перебрасывали из одного приюта в другой, но школу ей кое-как окончить удалось. После того как она получила аттестат, ей на счет перевели единовременное пособие в размере пяти миллионов вон и бросили в белый свет – живи!

– Но Мёнчжун-то в этом не виноват.

Хейн обернулась на девочку. Теперь солнце светило ей в затылок: разглядеть выражение лица было сложно, но, кажется, она улыбалась.

– А ты думаешь, жизнь наказывает только виноватых?

Когда она снова повстречала Мёнчжуна, у него за плечами уже была судимость. Раньше он занимался дзюдо, входил в национальную сборную и даже получал стипендию как перспективный спортсмен. Но

на одной из тренировок из-за него случайно погиб товарищ по команде. Хотя это и было причинением смерти по неосторожности в чистом виде, тем не менее его обвинили в убийстве и суд признал его виновным – отец погибшего входил в руководство Национальной федерации дзюдо. Мёнчжун приговор не обжаловал и апелляцию не подавал. Его мучило чувство вины за то, что он сделал со своим товарищем, с которым они вместе тренировались.

– Мы стали жить вместе. Он мотался по разным стройкам, а я... Ну, кто-то мог бы сказать, что я паразитировала на нем, но я думала иначе: «Раз мне выпало пройти через боль и страдания, предназначенные для тебя, то теперь я могу жить за твой счет».

– Очень удобная позиция.

– Да что ты вообще про это знаешь!!!

Хеын с криком повернулась к Рохи. В ярости смахнула со стола какое-то украшение – фарфор вдребезги разбился о пол. Рохи, даже не шелохнувшись, продолжала спокойно сидеть на софе, лишь взглядом проводив осколки – один из них расцарапал Хеын ногу.

– Знаешь, какие жуткие эксперименты надо мной проводили? И не в больнице, а в холодном подвале, где у меня была только одна мысль: «Быстрее бы выпустили отсюда»? Знаешь, каково оно, когда постоянно обкалывают препаратами? Знаешь, сколько раз мне череп вскрывали? Да я от этого в школу нормально ходить не могла! Но все равно думала: «Ничего, я все перетерплю, лишь бы только они меня любили!»

– Про боль и страдания я знаю, – тихо ответила Рохи.

Под взглядом Хеын, в котором читалось: «Откуда тебе?», девочка закатала рукава: под ними скрывались бесчисленные следы от уколов, а от выцветших синяков ее детская рука казалась корнем иссохшего дерева.

Хеын не знала, что и сказать, а Рохи поднялась на ноги и правой рукой приподняла волосы у себя над ухом.

– Ох! – Женщина закрыла рот руками, чтобы сдержать крик: там был огромный шрам с уродливым швом, волосы на котором больше уже не росли.

Не проявляя никаких эмоций, девочка вновь села на софу, положив руку на подлокотник.

– Я догадывалась, что он продолжает свои опыты, но родной дочери трепанацию делать...

Голос Рохи звучал приглушенно:

– Яблочко от яблони недалеко откатилось. Получается, мой отец решил любой ценой завершить начатое дедом исследование. Хотя по крови он ему и неродной, но одержим был еще сильнее. Смотрю на него и на вас – и думаю: до чего же страшна может быть человеческая одержимость... Не правда ли?

За окном послышался скрип тормозов – перед домом остановилась машина. За ней – еще одна, следом другая. Звук подъезжающих машин не стихал. Хейн и Рохи почти одновременно посмотрели на улицу. Из первого автомобиля выскакивал Саньюн.

– Это я отправила им сообщение, что вы здесь.

Плечи Хейн на мгновение дернулись – и замерли. Больше никаких движений она себе не позволила.

– Сбежать не хотите?

Хейн улыбнулась.

– Надоело уже, со СПИДом набегалась... Как где прознают, что я больна, – сразу оттуда съезжать приходится. Вот и моталась туда-сюда. Думала, что после этого дела жизнь заново начну, но...

Из коридора донесся стук и грохот – полицейские не справились с кодовым замком и теперь ломались внутрь. Среди этого шума послышался голос Саньюна:

– Рохи, открой! С тобой всё в порядке? Со Хейн, все кончено! Немедленно открывайте!

Девочка посмотрела на свою гостью. Та стояла не шелохнувшись и смотрела сверху вниз на сидящую Рохи, как будто хотела разглядеть в ней свое собственное детство.

Рохи поднялась, чтобы открыть полиции.

– Один вопрос... – Оклик Хейн заставил ее остановиться: выражение лица женщины было скорее миролюбивым. – Ты же смотрела материалы исследований своего отца. У него... получилось?

Она сама не смогла бы объяснить, зачем спросила об этом, но узнать ответ ей почему-то было очень нужно.

– Хотя понятно, что получилось. Его результат – это ты, да?

Эксперименты Чхве Донока были неудачны – метод манипулирования генами на девочках не работал. Но его сын Чхве

Чжинтхэ был полон решимости во что бы то ни стало добиться успеха и продолжил опыты на родной дочери. И вот уже вокруг Рохи устроили шумиху на ТВ: ее память феноменальна, ее результаты в спорте блестящи, ее способности на уровне гениальности... Любой, пообщавшийся с ней хоть пять минут, начнет сомневаться: а ей точно 11 лет?

Рохи озабоченно посмотрела в сторону коридора: все это время полиция безуспешно пыталась проникнуть в дом. Слышалась суетливая беготня, Саньюн кричал, чтобы несли инструмент и выламывали дверь.

Девочка повернулась к Хеын. Та не улыбалась, ее взгляд больше не был саркастичным – она спрашивала искренне и страстно.

Ее жизнь была полна несчастий, о которых можно было только сожалеть. Но она сделала то, чего не должна была делать. Как там она говорила? «Жизнь наказывает не только виноватых»? Возможно. Но уж виноватых она наказывать точно должна – в этом ее принцип.

Рохи безмятежно улыбнулась и произнесла:

– Не скажу.

Одновременно с ее ответом входную дверь наконец выломали, и в дом ворвались полицейские во главе с Саньюном.

Эпилог 1

Спустя три месяца

– Как ты и хотела, управление клиникой Хегван было решено доверить профессионалу: по рекомендации Корейской ассоциации врачей директором был назначен профессор Ким Интхэк. – Адвокат Чхве Тхэккюн, ставший опекуном Чхве Рохи, закончил доклад.

Рохи кивнула и поднялась с кресла:

– Спасибо, вы хорошо поработали.

– Не за что, я же за это деньги получаю. Есть ли какие-нибудь просьбы или жалобы? Я понимаю, что домработница вполне справляется, но, возможно, что-то помимо ухода? Школа, может быть?

Рохи чуть склонила голову вбок, улыбнулась:

– Мне есть что там делать?

– Ах, и вправду... – Чхве Тхэккюн сконфуженно улыбнулся.

– Сестренка, сестренка, иди скорей сюда, еда уже готова!

Рохи окликнули со двора – там уже был устроен настоящий пикник: домработница жарила мясо, а из разбитой здесь же в саду палатки махала рукой Хиэ. Она выглядела веселой и здоровой. Рохи непроизвольно приподняла руку и помахала в ответ, хотя обращение «сестренка» все еще было ей непривычно. Адвокат тоже это заметил и улыбнулся:

– Я смотрю, вы с ней ладите.

Рохи тоже заметила свою неловкость и улыбнулась в ответ:

– Да уж.

Она смотрела на смеющуюся за окном Хиэ, но в голове крутилось, как они вместе с адвокатом ходили в тюрьму, где всплыло все то, что совершила Хейн. Мёнчжун сидел понутив голову: он словно окаменел. Его не трогало ни то, что его бывшая жена втянула его в преступление, ни что потом подставила, ни даже то, что она вообще не собиралась оплачивать больничные счета их дочери. Адвокат сообщил ему, что когда Хиэ выпишут из больницы, Рохи заберет ее к себе домой, и по мере того, как девочка достаточно окрепнет, ее отправят в школу. На это Мёнчжун лишь кивнул и

спросил у Рохи, все ли у нее хорошо. Она вскипела, крикнула, что ему не за нее волноваться надо, но он лишь сказал с улыбкой: «Спасибо тебе». И эта улыбка все ей объяснила. Объяснила, что такой уж у него нрав и такой его жизненный уклад – раньше и до сих пор. Что он ни на кого не держит зла. И что теперь будет просто жить в ожидании того дня, когда снова сможет увидеться с дочерью...

Рохи вышла из дома.

– Сестренка, я так наелась, так наелась! Сейчас животик лопнет! – Приторно-умилительный голосок Хиэ зазвенел на весь двор: она бросилась к вышедшей из дома Рохи, обхватила за талию и повисла на ней ремешком. Волосы у нее на голове еще не отрасли, поэтому в эти зимние дни она носила шапочку.

«Нужно будет сходить с ней в универмаг и купить нормальную меховую шапку, раз уж она так любит пикники на улице устраивать, – подумала Рохи. – Да и люди не будут лезть с вопросами типа “А что это у тебя с волосами?”». Еще был вариант с париком, но Хиэ его забраковала: сказала, что парики ей дают, и теперь у Рохи одной заботой стало больше.

– Это сколько нужно умять, чтоб живот лопнул? Есть нужно в меру! И что, теперь опять лекарство принимать?

Не отцепляя все еще лапшающуюся к ней Хиэ, она дотащила ее до пластикового садового кресла и усадила в него, после чего мелкой подлизе пришлось выслушать ее наставления.

– Тебе, конечно, пока девять лет, но неужели так сложно контролировать объем потребляемой пищи? Ты и без того вон сколько лекарств принимаешь, а теперь еще и желудочное давать? Seriously, хочешь всю жизнь на таблетках прожить?

Хиэ, хоть ее и отчитывали, все равно подхихикивала – она любила Рохи, и жизнь с ней была не в тягость. Девочка была еще очень слаба и не вылезала из больниц: чуть что – сразу на госпитализацию. Так что в этом году она снова пропускала школу и оставалась без друзей-одноклассников. Ей могло быть совсем одиноко, но теперь у нее появилась сестра. Хиэ сильно скучала и по отцу, но, фактически каждый день читая его письма, ждать было легче.

– Хоть ты и ругаешься, но я все равно тебя ужасно люблю!

Хиэ снова устроила обнимашки. Пытаясь ее сбросить, Рохи принялась крутиться из стороны в сторону, но делала это без злобы и

не всерьез.

– А как же ты? Ты же мяса так и не поела?

– Меня с него уже воротит.

– Вау, ничего себе, ты крутая!

– Тебе тоже не мешало бы побольше овощей есть.

Хиэ только сейчас расстроилась и выпустила Рохи из объятий.

– Ох, сестренка, ты все ворчишь и ворчишь!

– От таких детей состаришься до срока.

На это Хиэ заливисто расхохоталась – уж слишком забавно слышать такое от 11-летней девочки. Даже Чхве Тхэккюн не выдержал и усмехнулся.

– Костер уже угасает. Может, дров подкинуть?

– Э, подождите-ка...

Рохи быстро забежала в дом. Хиэ с круглыми глазами наблюдала за ней, даже шею вытянула – так ей было интересно, что сейчас принесет сестренка. Чуть погодя Рохи вернулась во двор, держа в руках картонную коробку. Подойдя к ним, открыла крышку – внутри оказалась стопка бумаг. Хиэ попробовала прочитать, что в них написано, но не поняла ни слова. Это были материалы исследований профессора Чхве Чжинтхэ, которые Саньюн вернул наследнице. Мир не должен узнать про них.

– Это что? – спросил Чхве Тхэккюн.

– Это на растопку.

Без малейших колебаний Рохи бросила бумаги в костер. Уголки страниц почернели и стали заниматься огнем.

Эпилог 2

Юридический факультет университета Хангук, кабинет профессора Ю Сонхуна. Он складывает последние вещи в коробку, накрывает ее крышкой, и тут раздается стук в дверь. «Наверное, лаборант с кафедры: вчера они вроде как уже попрощались, но, видимо, сегодня снова пришел сказать что-то напоследок...»

– Да!

– Профессор?

В дверной проем просунулась голова Саньюна. Профессор улыбнулся так широко, будто суп хлебать без ложки собрался.

– О, какие люди! Чего не позвонил? Еще чуть-чуть – и разминулись бы. – Он радостно пожал протянутую руку.

Инспектор огляделся. Обычно здесь все было завалено книгами, материалами исследований, всякими бумажками, а сейчас кабинет стоял совсем пустой. Ю Сонхун покидал факультет, на котором провел 25 лет своей жизни, и теперь собирался вернуться к семье.

– Да, грустно... Уедешь – к кому мне за помощью обращаться?

– Так тебе от этого грустно? Я-то думал, по мне скучать будешь... – притворно обиделся Сонхун.

– Да было бы по кому. – Саньюн отшучивался, но на самом деле расставание печалило и его.

Профессор никогда не отказывался помочь и всегда входил в положение полицейских, которые вечно дергали его, требуя сделать вскрытие побыстрее. Вот и в этом деле Сонхун ему не отказал, хотя детектив просил его в личном порядке, неофициально. А сейчас придет вместо него кто-то другой – и все может измениться. Так что без приятеля Саньюну, наверное, придется туговато.

– Ну а самому как? Не грустно? Все-таки столько лет здесь провел... Столько еще учеников мог воспитать...

– Да, я тоже считал, что в этом мой долг и призвание, но... Ты знаешь, в какой-то момент я вдруг понял, что моя семейная жизнь трещит по всем швам. Что для моих детей становится нормальным, если отца нет дома ни в праздники, ни в отпуск. Вот таким человеком я стал. Если б моя жена не терпела все это, давно бы уже все треснуло и

развалилось. Теперь мой черед заботиться о том, чтобы сохранить семью.

Саньюн понимающе кивнул.

– Ясно. Но все равно жаль до ужаса. Надо бы нам хоть сходить выпить на прощание... Вот только сегодня я на службе: район здесь такой, что на ровном месте наехать могут, вот нас и прислали на усиление – будем в засаде сидеть.

– Ну так это ж твоя работа... Ничего не поделаешь; значит, как-нибудь в другой раз.

– Да какой там другой – ты аж в Чхонсон^[31] перебираешься!

– Ну хоть за яблоками приезжай.

– Ага, ближе никак не найти...

Оба одновременно рассмеялись и, чтобы снова не удариться в тоску, пожали на прощание друг другу руки.

– Бывай!

– И вам не хворать, профессор! Будем на связи!

Саньюн отвесил глубокий поклон и вышел из кабинета. Сонхун остался один. Как и инспектор недавно, тоже огляделся. 25 лет... До чего же долгий срок... Он достойно прожил все эти годы. И теперь пришла пора воспользоваться их плодами.

Ю Сонхун снова открыл крышку коробки, сложенной как раз перед приходом Саньюна. Внутри были копии материалов исследований профессора Чхве Чжинтхэ. Сонхун вынул их из коробки – и уже не выпускал из рук.

Послесловие автора

Весь текст этой книги от начала и до конца я написала летом 2018 года. По новостям тогда передавали, что в Сеуле побит температурный рекорд столетней давности. И вот одним таким летним днем, когда стоило лишь выйти на улицу – и от жары просто перехватывало дыхание, я поняла, что уперлась в стену, причем тоже рекордной высоты, доселе мною в жизни невиданной.

Павшая духом, я обессиленно сидела перед этой стеной и думала, что мне такую точно не преодолеть. Мне было стыдно перед окружающими, и я, продолжая делать вид, что все еще не сдалась, постоянно и напоказ спрашивала у них: «Ну как же мне на нее взобраться?» Так что, если бы не писатель Чон Мёнсоп, с помощью которого стало возможно просто сломать эту стену, я не смогла бы дописать этот роман. Именно благодаря ему работа над текстом все это время шла так увлекательно. И хотя я не смогла покорить эту стену, но вместо этого ощутила в себе достаточно сил, чтобы просто разрушить ее. И за это я хочу передать слова моей искренней благодарности почтенному Чон Мёнсопу.

Кроме того, я хочу поблагодарить еще одного человека, который с возрастом хотел бы жить в месте, где растет много акаций. Потом обязательно похороню тебя в таком. Ха-ха-ха.

Обещаю моей дорогой О.к., так гордившейся своей дочерью-писательницей, что ради нее я еще усерднее буду работать на литературной ниве.

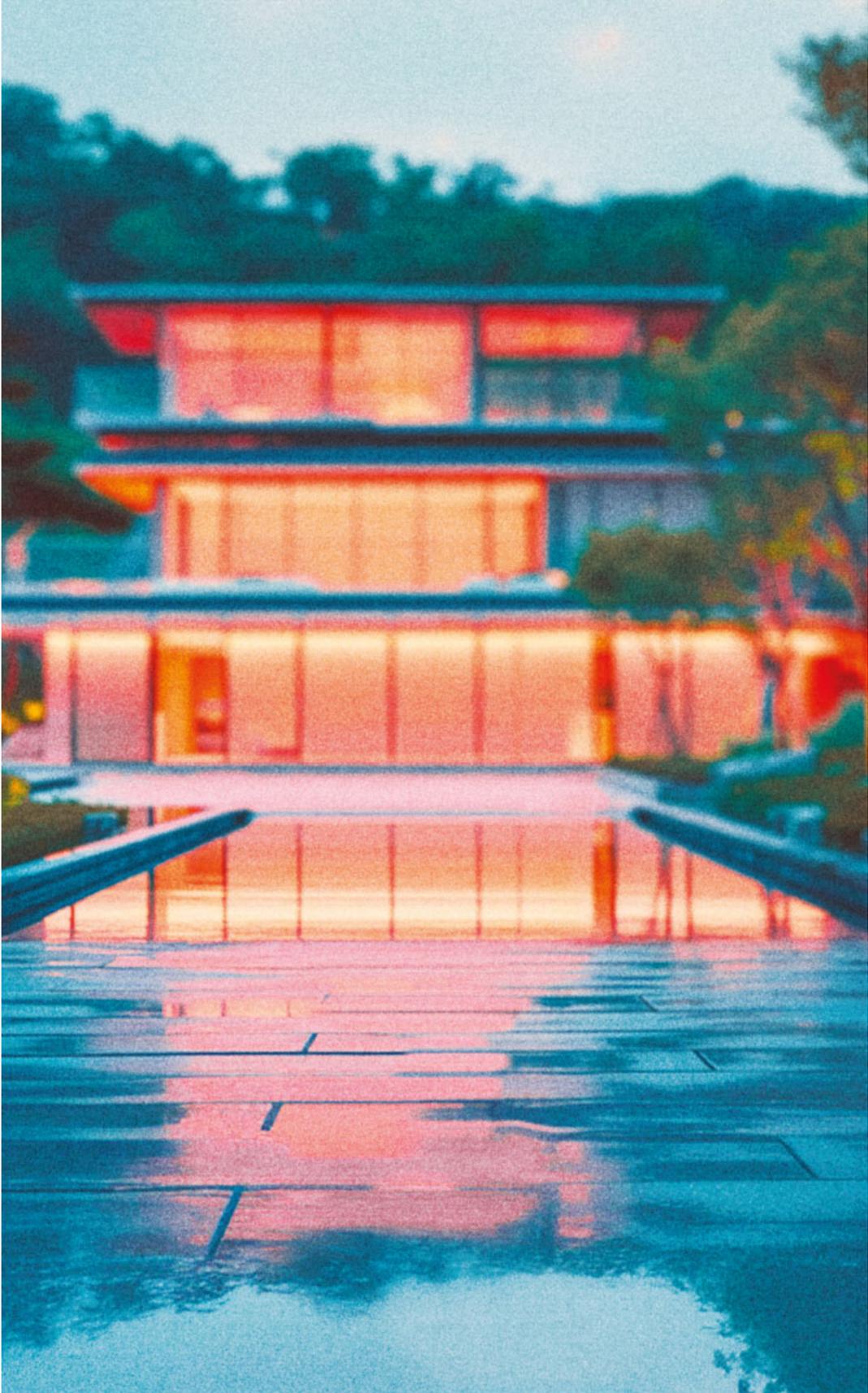
Также надеюсь, что вы, мои дорогие читатели, провели за этой книгой не самые скучные часы своей жизни.

Чон Хэён

2019 год

ЧОН ХЭЁН – ведущий автор нового поколения корейского триллера. Она выпустила уже пять романов, также принимала участие в создании различных антологий. Экранизированы три из ее романов; самой известной экранизацией стала дорама «День похищения», моментально ставшая популярной по всему миру. Чон Хэён – лауреат ряда национальных литературных премий.

notes

Примечания

1

Имеется в виду период в новейшей истории Южной Кореи, начавшийся с военного переворота Чон Духвана (1979).

Имеется в виду сказка Х. К. Андерсена «Красные башмачки».

Отсылка к дискуссии о допустимости физических наказаний в семье, развернувшейся в Корее в 2016 году. Мужчина ударил сына чесалкой за то, что тот бросил в бабушку телевизионным пультом. Так как у мальчика остались синяки, суд приговорил отца к штрафу и принудительному прохождению тренинга по профилактике жестокого обращения с детьми.

4

Самгак кимпаб – корейское блюдо, аналог японского онигири: рис с начинкой, свернутый не в роллы, а в треугольник.

5

1 южнокорейская вона примерно равна 0,07 российского рубля.

Фьюжн-сагык – разновидность телесериалов, где в реальную историческую канву вставлены современные или фантастические элементы.

7

Сочжу – традиционный корейский алкогольный напиток; слабая, обычно 20-градусная водка.

Ким Юсин – полководец древнекорейского государства Силла, живший в VII в. н. э.; кисэн – куртизанки, девушки для развлечений в традиционной Корее.

9

Чачжан – соевый соус черного цвета.

Кэндо – японское фехтование на бамбуковых мечах, также популярное и в Корее.

«Коврик здоровья», или «яшмовый коврик», – матрас с якобы оздоровительным эффектом, типичный товар сетевых агентов-распространителей.

Дон (квартал) – административно-территориальная единица деления городов.

UCLA (University of California, Los Angeles) – Калифорнийский университет Лос-Анджелеса, один из самых престижных университетов США.

Тток-покки – колбаски из рисового теста, тушенные в остром соусе; чапчхэ – блюдо из крахмальной лапши с мясом и овощами.

Чимчжильбан – корейская сауна с подогреваемым полом. Большинство таких саун работают круглосуточно, поэтому они часто используются как дешевое место ночлега, где в общем зале можно спать на теплом полу.

Диспоузер – устройство для измельчения и утилизации пищевых отходов.

Каннам – один из самых престижных районов в Сеуле.

Имеется в виду разновидность динамической акупрессуры (clapping therapy), популярной среди корейцев, считающих, что при хлопках по ладоням и кистям рук активизируются энергетические меридианы тела.

Mensa – международное сообщество, объединяющее людей с высоким коэффициентом интеллекта.

Университет Джонса Хопкинса – частный исследовательский университет в Балтиморе, США. В его состав входит Школа медицины Джонса Хопкинса и лучшая больница США – госпиталь Джонса Хопкинса.

Айдол (от англ. idol) – кумир молодежи, как правило, звезда музыкального стиля К-поп.

Масан – город на юго-востоке Кореи, недалеко от Пусана.

Сикхе – корейский безалкогольный ферментированный напиток из солода и риса, аналог кваса; может продаваться в бутылках или банках.

В Корее на автомобилях частных охранных предприятий могут устанавливаться световые спецсигналы желтого или оранжевого цвета.

РА – *англ.* Physician Assistant, ассистент врача.

Му (無, досл. «ничто», «отсутствие») – философская категория и медитативная практика дзен-буддизма, при которой человек, отказываясь от своего «Я» и пребывая в состоянии «безмыслия», способен понять истинный смысл вещей и достичь просветления.

Гостевой пейджер (guest pager, coaster pager) – выдается посетителям в кафе. Подает звуковой и световой сигнал, когда заказ готов и его можно забрать.

Гиппокамп (*др.-греч.* «морской конек») – часть лимбической системы головного мозга. По своей форме напоминает морского конька, за что и получил свое название.

Сцепленные мизинцы в Корее – знак договоренности.

Генетические ножницы – метод редактирования генома, при котором распознаются молекулы вирусов и переписывается код ДНК.

Чхонсон – округ на юго-востоке Кореи, славится продукцией сельского хозяйства, в частности яблоками.